ПРАВО

№ 15. 1905 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„ПРАВО“
С.-Петербургъ, Загородный просп., д. № 2.

„КРЕСТЬЯНСКІЙ СТРОЙ“
Т. I. Сборникъ статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевскаго и И. М. Страховскаго.

Стр. 455. Спб. 1905 г. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пер. 2 руб. 90 коп.

Н. П. Дружининъ.
Очерки крестьянской общественной жизни.
Сборникъ статей.

Стр. XII + 253 Спб. 1905 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 70 коп.

Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Т. V. Права семейныя и опека. 1905 г. Ц. 3 р.
Вольтке, Г. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. 1905 г. Ц. 30 к.
— Право торговли и промышленности Россіи въ историческомъ развитіи. 1905 г. Ц. 30 к.
„Въ защиту слова“. Сборникъ статей, стихотвореній и замѣтокъ—Н. К. Михайловскаго, П. Н. Милюкова, К. К. Арсеньева, Вл. Г. Короленко, А. В. Пѣшехонова и др. Изд. 2-ое 1905 г. Ц. 2 р.
= **„Вѣстникъ Права“, № 3. Мартъ.** 1905 г. Ц. 1 р.
= **„Вѣстникъ фабричнаго законодательства“, № 3. Мартъ.** 1905 г. Ц. 75 к.
Гессенъ, В. М. Вопросы мѣстнаго управленія. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. (осталось нѣсколько экземпл.).
= **Гордонъ, А. О.** Практическія работы по гражданскому праву. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.
Добровольскій, А. Уставъ торговый съ разъясненіями. 1905 г. Ц. 3 р. 25 к. (въ перепл.).
Каутскій, К. Экономическое ученіе Карла Маркса. 1905 г. Ц. 75 к.
= **Князьковъ, С.** Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. 1904 г. Ц. 25 к.
= **Наемный трудъ и Капиталъ.** Переводъ съ нѣмецкаго. 1905 г. Ц. 10 к.
Нужды деревни. Собрникъ статей. Т. I. Статьи по вопросамъ культурно-правовымъ (осталось нѣсколько экземпляровъ). 1904 г Ц. 2 р. 50 к. Т. II. (статьи по вопросамъ экономическимъ 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.
= **Раббено, I.** Аграрный вопросъ въ Австралійскихъ колоніяхъ. 1904 г. Ц. 2 р.
Цеткина, Клара. Женщина и ея экономическое положеніе. Перев. съ нѣм. 1905 г. Ц. 10 к.
Шмёле, I. Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ соціалистовъ. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.
Энгельсъ, Фр. Философія, политическая экономія и соціализмъ. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
Эсменъ, А. Основныя начала конституціоннаго права. Перев. съ фр. подъ ред. проф. В. Дерюжинскаго. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Вышли изъ печати 48—50 полутомы

Полнаго свода рѣшеній гражд. кас. деп. Пр. Сената.
Подписка продолжается: цѣна полутома (при подпискѣ чрезъ книжный складъ „Право“) съ перес. 1 р. 75 к., въ Петербургѣ—1 р. 50 к.

Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги, по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія, а также по другимъ отраслямъ знаній и беллетристикѣ.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1905 г. **№ 15.** **Пятница 15 Апрѣля.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцентовъ *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревскаго* и при ближайшемъ участіи: *І. В. Гессена*, приватъ-доцента *А. И. Каминка*, проф. *В. Д. Кузьмина-Караваева*, *В. Д. Набокова* и проф. *Л. І. Петражицкаго*.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Наше политическое положеніе. Проф. **Э. Д. Гримма**. 2) Церковь и современное общественное движеніе. Проф. кн. **Е. Н. Трубецкого**. 3) Новая польская партія. Проф. **Н. И. Карѣева**. 4) Упраздненіе особаго совѣщанія. Прив. доц. **В. М. Гессена**. 5) Результаты дѣятельности финляндскаго сейма. **Финляндца**. 6) Письма въ редакцію. 7) Дѣйствія правительства. 8) Всеподданнѣйшіе адреса, резолюціи, заявленія и проч. 9) Судебные отчеты: Засѣданіе угол.—касс. департ. 5 апрѣля. 10) Хроника. 11) Отвѣты редакціи. 12) Справочный отдѣлъ. 13) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (Звенигородская, 22. Телефонъ—2967) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ **12** ч. до **2** ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—**10** руб. Отдѣльные нумера продаются по **20** коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногороднаго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Загородный пр., 2) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Гг. подписчиковъ, воспользовававшихся разсрочкой платежа, контора покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой остального взноса (3 р.) съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается газета.

Наше политическое положеніе.

Переворотъ, который русскій народъ переживаетъ въ настоящее время, совершается съ такой быстротой и силой, что даже очень многіе изъ тѣхъ, кто давно былъ убѣжденъ въ его необходимости и въ его благодѣтельномъ вліяніи на русскую жизнь, не могутъ не признать, что они не ожидали той стремительности, съ которой совершается наше освободительное движеніе.

Еще лѣтъ шесть тому назадъ только крайній оптимистъ могъ бы высказать убѣжденіе, что черезъ нѣсколько лѣтъ вся картина нашей общественной жизни кореннымъ образомъ измѣнится, что сама власть—по крайней мѣрѣ принципіально — признаетъ совершившійся фактъ и что вопросъ о переустройствѣ русской жизни на началахъ строгой законности и широкаго участія народныхъ представителей въ управленіи страной такъ или иначе будетъ подлежать самому скорому разрѣшенію.

Съ тѣхъ поръ все измѣнилось такъ круто, что возврата къ прежнему режиму больше ужъ нѣтъ. За эти годы мы пережили рядъ фактовъ самаго тяжелаго характера, пережили попытки систематическаго подавленія всякаго общественнаго движенія, пережили времена, которыя, казалось бы, должны были убить всякія надежды на будущее, и тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ росла увѣренность, что всѣ эти потуги стараго режима только приближаютъ развязку, раздражая все болѣе широкіе круги общества и доказывая имъ, что при старыхъ формахъ больше жить нельзя.

Довести массу общества до такого состоянія было не легко: старый строй долгое время казался такимъ прочнымъ, такимъ незыблемымъ, что возможность его измѣненія представлялась обществу химерой, а надежды на успѣхъ освободительнаго движенія—безпочвенными мечтаніями. Масса общества не только не вѣрила въ свои силы, но за долгіе годы тридцатилѣтней реакціи отвыкла даже отъ интереса къ общественнымъ дѣламъ и безропотно или во всякомъ случаѣ безъ опредѣленнаго протеста переносила удушливую атмосферу произвола и отрицанія всякаго личнаго достоинства. За это время общество постоянно было вынуждено вступать въ компромиссъ съ строемъ, отрицавшимъ за нимъ всякія права. И не только масса общества дѣйствовала такъ; изъ тѣхъ, кто былъ сторонникомъ новыхъ идей, многіе были или считали себя вынужден-

ными итти на, подчасъ очень тяжелые и опасные, компромиссы, чтобы сохранить или пріобрѣсти кругъ дѣятельности, къ которому они считали себя призванными. Совѣсть притуплялась и нерѣдко утрачивалось сознаніе того, что можно и чего нельзя дѣлать.

Доводить цѣлое общество до такого состоянія очень опасно. Съ одной стороны, этимъ создается деморализація, гибельная для всего государства, съ другой стороны, на этой почвѣ выростаетъ ненависть и озлобленіе, опасныя для того строя, который ставитъ людей въ невозможныя условія и коверкаетъ ихъ жизнь.

Накоплявшееся годами раздраженіе неоднократно прорывалось уже до японской войны, проявляясь иногда въ чрезвычайно уродливыхъ формахъ. Но всѣ эти предостереженія не ослабляли энергіи тѣхъ истинно-безпочвенныхъ людей, которые старались сохранить старыя формы во что бы то ни стало. Внимательный наблюдатель уже явственно замѣчалъ, что въ старомъ зданіи появляются трещины и что фундаментъ его поддается, но фасадъ еще былъ цѣлъ и многіе думали, что само зданіе не такъ скоро рушится, если не наступитъ какая либо неожиданная катастрофа.

Такой катастрофой для стараго режима была война съ Японіей. Уже одни экономическія и финансовыя затрудненія, неизбѣжныя при всякой продолжительной борьбѣ двухъ великихъ державъ, сами по себѣ должны были обострить внутреннее положеніе, усилить общественное движеніе и ускорить его побѣду. Но было бы въ высокой степени ошибочно думать, что вся современная „смута“ есть продуктъ только экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Въ печать проскользнули извѣстія, на основаніи которыхъ можно думать, что въ нѣкоторыхъ кругахъ считаютъ удобнымъ такое упрощенное объясненіе глубокаго возбужденія, охватившаго постепенно весь народъ, возбужденія, которое при всемъ желаніи уже нельзя серьезно приписывать кознямъ „злонамѣренныхъ“ людей.

Самый тяжелый ударъ былъ нанесенъ режиму, приведшему къ войнѣ, не тѣми матеріальными лишеніями, которыя война повлекла за собою, а безчисленными доказательствами его моральнаго безсилія, того невѣроятнаго и преступнаго легкомыслія и недомыслія, съ которымъ всѣ силы народа тратились какъ до войны, такъ и во время ея. Народъ заставляли напрягаться изъ послѣднихъ силъ, требуя отъ него слѣпого довѣрія къ властямъ, и въ то же время не сдѣлали ничего, чтобы оправдать это довѣріе. Вся война, отъ самаго начала и до нынѣшняго дня, представляетъ сплошное, позорное банкротство той системы, которая взялась быть опекуномъ народа и которая доказала, что сама прежде всего нуждается въ его опекѣ.

Война довершила дѣло, начатое долголѣтней реакціей. Она открыла глаза даже тѣмъ, кто не обращалъ вниманія на многочисленные признаки внутренняго неустройства и при видѣ бѣдствій, которымъ подвергался народъ, утѣшалъ себя могуществомъ и силой государства, наивно думая, что это могущество государства какимъ-то мистическимъ образомъ само по себѣ должно совпадать съ благомъ народа.

Результатомъ всѣхъ этихъ фактовъ было чрезвычайно быстрое распространеніе недовѣрія къ бюрократическому строю съ одной стороны, возрожденіе и обостроеніе всѣхъ классовыхъ и національныхъ стремленій, упорно подавлявшихся до послѣдняго времени, съ другой стороны. На фонѣ этого психологическаго состоянія и разыгралось то обширное общественное движеніе, свидѣтелями и участниками котораго мы всѣ являемся.

Движеніе охватило не только интеллигенцію, но и такіе слои общества, которые едва ли могутъ претендовать на принадлежность къ интеллигенціи въ собственномъ смыслѣ слова, не говоря уже о рабочихъ и о крестьянахъ. Въ настоящее время можно смѣло сказать, что въ Россіи нѣтъ ни одного довольнаго положеніемъ дѣлъ человѣка, и, что еще важнѣе, очень сократилось и постоянно сокращается количество людей, которые готовы пассивно примириться съ тѣмъ положеніемъ, которымъ они недовольны. Прежнее состояніе безропотнаго повиновенія, глухого недовольства или бездѣятельнаго протеста замѣнилось новымъ настроеніемъ. Нечего скрывать то, что всѣ видятъ и понимаютъ: настроеніе русскаго общества стало боевымъ или, иначе говоря, революціоннымъ.

Всякій, кто истинно преданъ интересамъ народа и государства, долженъ отдать себѣ въ этомъ отчетъ и долженъ искать дѣйствительнаго, а не призрачнаго выхода изъ положенія. Мы не должны, мы не имѣемъ права молчать о томъ, что составляетъ центральный моментъ переживаемаго нами кризиса.

При такихъ условіяхъ задача разумной политики должна заключаться въ томъ, чтобы дать всей этой массѣ накопившейся энергіи возможность направиться по мирному пути. Первымъ условіемъ для достиженія этой цѣли является возстановленіе утраченнаго довѣрія къ государственной власти. Но разъ довѣріе утрачено дѣлами, его нельзя возстановить никакими словами. Для возстановленія его необходимо обратиться къ дѣламъ, къ такимъ актамъ, которые сразу вернутъ населенію увѣренность, что его нужды дѣйствительно будутъ разобраны и безотлагательно удовлетворены, а не будутъ превращены въ предметъ безконечныхъ изысканій безчисленныхъ комиссій.

Покуда довѣріе къ государственной власти не будетъ возстановлено, нечего расчитывать на успокоеніе народа и общества, нечего думать, что боевое настроеніе смѣнится дружной

работой надъ обновленіемъ нашего расшатаннаго государственнаго и общественнаго строя.

Никакія частныя мѣры, никакое палліативное леченіе тутъ не поможетъ. Тридцать лѣтъ только и дѣлали, что обходили принципіальные вопросы, твердили, что „наше время не время широкихъ задачъ“, искусственно сохраняли старое и достигли только одного — паралича какъ всей государственной жизни вообще, такъ и всѣхъ ея отдѣльныхъ проявленій въ частности. Спросите любого сознательно мыслящаго и совѣстливаго человѣка, все равно, будетъ ли онъ ученый или художникъ, инженеръ или промышленникъ, публицистъ или чиновникъ, рабочій или землевладѣлецъ,—всѣ одинаково пришли или на нашихъ глазахъ приходятъ къ убѣжденію, что мы дошли до мертвой точки, что всякая частная работа въ концѣ концовъ стала безполезной и часто даже невозможной. Развѣ въ этомъ смыслѣ не характерно, что всѣ уже существовавшіе и всѣ вновь возникающіе профессіональные союзы и общества неизбѣжно принимаютъ политическій характеръ? Всякій, кто близко знакомъ съ этимъ дѣломъ, знаетъ, что многіе вступающіе въ подобные союзы по разнымъ причинамъ въ началѣ вовсе не желаютъ участвовать въ политической борьбѣ, и что тѣмъ не менѣе всѣ эти союзы съ первыхъ же шаговъ вынуждены выставить опредѣленныя политическія требованія. Когда сотни и тысячи людей самаго разнообразнаго возраста, темперамента, общественнаго положенія и даже политическаго міросозерцанія, объединенные только общностью того дѣла, которому они себя посвятили, при нашихъ условіяхъ почти повсемѣстнаго господства положенія объ усиленной охранѣ, категорически заявляютъ, что при наличныхъ условіихъ ни работать ни жить нельзя, тогда по меньшей мѣрѣ неумно говорить о легкомысліи или козняхъ какихъ то таинственныхъ злоумышленниковъ.

Очевидно, общество пришло къ убѣжденію, что при нынѣшнихъ условіяхъ весь его трудъ пропадаетъ даромъ, а разъ это такъ, то все его вниманіе естественно должно направиться на одну задачу, на установленіе такихъ условій государственной жизни, которыя способны обезпечить его отъ ненужныхъ и вредныхъ стѣсненій индивидуальной и общественной дѣятельности.

Но если цѣль всего движенія совершенно ясна и если для всякаго мыслящаго человѣка не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что она будетъ достигнута въ самомъ скоромъ времени, то вопросъ о формахъ, въ которыхъ осуществится политическое освобожденіе русскаго народа, не можетъ быть признанъ столь же яснымъ, ни его разрѣшеніе столь же безспорнымъ. Дѣло въ томъ, что разрѣшеніе этого вопроса въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ власти.

Власть уже не можетъ остановить движенія, къ какимъ бы мѣрамъ она съ этой цѣлью не прибѣгала, разъ она не можетъ вернуть Россію къ болѣе примитивнымъ формамъ хозяйства, соціальныхъ отношеній, умственной и религіозной жизни. При той сложности всѣхъ формъ, которая достигнута постепеннымъ развитіемъ Россіи, единоличное управленіе уже давно стало миѳомъ, а совмѣстное властвованіе монарха и бюрократіи, къ которому на дѣлѣ сводится нашъ политическій строй, было возможно лишь, покуда общество не убѣдилось во всѣхъ вопіющихъ недостаткахъ этой системы, лишающей народъ его права, чтобы даровать его въ видѣ фактической привилегіи двору и бюрократіи; оно было возможно лишь, покуда народъ не началъ весьма явственнымъ образомъ стучаться въ двери храма.

Весь вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ тому, сумѣетъ ли власть оцѣнить колоссальную важность момента и предпринять неизбѣжную реформу, покуда это еще хоть до извѣстной степени зависитъ отъ нея, покуда эта реформа не будетъ у нея исторгнута.

Всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ тѣмъ, какъ совершались аналогичныя движенія въ Англіи въ 1640-хъ годахъ, во Франціи въ 1789 г., въ Пруссіи и Австріи въ 1848 г. и т. д., не можетъ не тревожиться при мысли о томъ, какъ же на дѣлѣ совершится это неизбѣжное развитіе въ нашемъ отечествѣ... Власть нигдѣ не могла остановить движенія; но не трудно убѣдиться въ томъ, что чѣмъ раньше она это сознавала, тѣмъ лучше это было и для народа и для нея самой...

Но для того, чтобы грозные уроки исторіи не пропали даромъ, необходимо, чтобы власть не обманывала себя относительно серьезности положенія. Общество давно оцѣнило значеніе переживаемаго нами момента и оно съ возрастающей тревогой видитъ, что власть все еще не отдаетъ себѣ отчета въ тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которымъ она подвергаетъ всю Россію вообще и себя въ частности. А казалось бы, событія 9-го января и послѣдующихъ дней, первыя проявленія крестьянскаго движенія, событія на Кавказѣ и въ предѣлахъ другихъ окраинъ, растущее раздраженіе широкихъ общественныхъ слоевъ, наконецъ признаки начинающагося разложенія военной дисциплины, все это достаточно ясно говоритъ о томъ, что намъ предстоитъ, если власть будетъ медлить и возлагать свои надежды попрежнему на старые пріемы полицейскаго обузданія, съ одной стороны, и бюрократическаго divide et impera, съ другой стороны...

Ни полицейское обузданіе, ни попытки разъединить разные элементы движенія при наличныхъ условіяхъ ни къ чему, кромѣ ужасной катастрофы, привести не могутъ. Первое безполезно потому, что обуздать можно только того, кто боится обузданія, и только тогда,

когда лицъ, подлежащихъ обузданію, сравнительно немного. При массовомъ характерѣ нынѣшняго движенія и при боевомъ настроеніи, охватившемъ и продолжающемъ охватывать самыхъ мирныхъ людей, такимъ путемъ можно достигнуть только возрастающаго озлобленія и ничего больше.

События самаго недавняго времени—вродѣ удивительнаго по своей нелѣпости увольненія Римскаго-Корсакова—доказали, къ какимъ результатамъ въ настоящее время приводятъ подобные пріемы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда результатомъ ихъ является только слава для потерпѣвшаго и смѣшное положеніе для тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ трагикомическимъ демонстраціямъ своего формальнаго могущества. А между тѣмъ послѣдствія полицейскихъ пріемовъ борьбы бываютъ еще гораздо болѣе тяжкими и подчасъ приводятъ къ событіямъ, по существу своему ужаснымъ и страшно опаснымъ для основныхъ нравственныхъ устоевъ всякаго культурнаго общежитія...

Но и система, клонящаяся къ разъединенію разныхъ элементовъ движенія, не только не принесетъ тѣмъ, кто ея придерживается, больше выгоды, но въ конечномъ итогѣ окажется прямо гибельной для нихъ же. Кто сѣетъ ненависть между разными классами и національностями, тотъ долженъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что нельзя основывать государство на взаимной враждѣ его элементовъ. Но если даже оставить въ сторонѣ интересы государства, какъ не всѣмъ одинаково понятные, то вѣдь и помимо этого совершенно ясно, что обращеніе къ грубому насилію и самоуправству не можетъ не вызвать наружу массу дикихъ инстинктовъ, которые можно разбудить, но которыми, разъ они проявились, не такъ легко управлять. Всякая толпа легко пьянѣетъ не только отъ крови, но и отъ всякаго иного насилія, привыкаетъ къ нимъ и пріобрѣтаетъ склонность пускать въ ходъ свою физическую силу противъ всего, что ей въ данный моментъ противно. Не мѣшаетъ вспомнить, что французскіе крестьяне во многихъ мѣстахъ въ 1789 г. разносили помѣщичьи усадьбы при громкихъ крикахъ: vive le roi и тѣ же крестьяне не менѣе усердно разносили затѣмъ правительственныя учрежденія...

Однимъ изъ главныхъ соображеній, на которое ссылаются сторонники этой братоубійственной системы, является безспорный фактъ внутренней разнородности совершающагося движенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что громадная масса населенія и въ настоящее время очень мало понимаетъ истинное значеніе политическихъ формъ государственной жизни и придаетъ имъ гораздо большее значеніе, чѣмъ вопросамъ экономическаго характера. На этотъ фактъ сторонники существующаго политическаго строя возлагаютъ свои послѣднія надежды, полагая, что можно воспользоваться имъ и давнишнимъ недовѣріемъ народной массы къ „господамъ“ въ угодномъ имъ смыслѣ.

Въ этомъ взглядѣ содержится грубое недоразумѣніе. Исходя изъ убѣжденія, что общественное движеніе безъ глубокаго недовольства народной массы безсильно (что само по себѣ только отчасти вѣрно), представители этого взгляда болѣе или менѣе добросовѣстно думаютъ, что существующій режимъ можетъ удовлетворить назрѣвшія потребности народной массы, успокоить ихъ такимъ путемъ и послѣ этого справиться съ „безпочвенной“ интеллигенціей.

Взглядъ этотъ нельзя не назвать въ высокой степени наивнымъ и вотъ почему. Власти, которая пожелала бы воспользоваться этимъ рецептомъ, предстояла бы совершенно непосильная задача, даже если думать, что политическія идеи *совершенно* не коснулись народной массы, что несомнѣнно невѣрно не только по отношенію къ рабочему классу, но и по отношенію къ крестьянству. При близости, сохранившейся у насъ между рабочимъ и крестьяниномъ, движеніе, охвативши часть рабочихъ, неминуемо должно было пустить болѣе или менѣе глубокіе корни и среди части крестьянъ, даже если оставить безъ вниманія всякія иныя вліянія. Это, разумѣется, не значитъ, что хотя бы среди этой части крестьянъ сложились вполнѣ опредѣленные политическіе взгляды. Но достаточно и того, что распространились нѣкоторыя самыя общія представленія, какъ напр., недовѣріе къ намѣреніямъ власти и убѣжденіе, что необходимо оказать на нее активное воздѣйствіе для достиженія своихъ стремленій. Этихъ представленій въ соединеніи съ хотя бы и смутной идеей о соучастіи народа въ управленіи совершенно достаточно для того, чтобы чрезвычайно затруднить проведеніе цезаритской политики.

Но допустимъ, что ничего этого нѣтъ или что это настолько рѣдкія явленія, что о нихъ пока и говорить не стоитъ. Можетъ ли данный строй даже въ такомъ случаѣ удовлетворить народныя потребности?

Не трудно убѣдиться въ томъ, что объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Для удовлетворенія даже ближайшихъ нуждъ хотя бы только разореннаго крестьянства необходимо прибѣгнуть къ весьма серьезнымъ мѣрамъ, для проведенія которыхъ у нынѣшней власти не хватитъ ни нравственнаго авторитета, ни рѣшимости, ни матеріальныхъ средствъ. Полумѣрами здѣсь не помочь и недаромъ люди, хорошо знающіе нужды деревни, указываютъ на необходимость обратиться къ государственнымъ и удѣльнымъ землямъ съ одной, къ принудительному выкупу части частновладѣльческихъ земель съ другой стороны. Нечего и говорить, что проведеніе этихъ мѣръ само по себѣ равносильно цѣлой революціи и что провести ихъ можетъ

только власть, находящая нравственную опору въ самомъ широкомъ довѣріи самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія и располагающая весьма значительнымъ кредитомъ на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ, чего, какъ доказали факты послѣднихъ недѣль, никакъ нельзя сказать про нынѣшній режимъ.

Не слѣдуетъ забывать и того, что только власть, располагающая громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ, будетъ въ состояніи не только удовлетворить часть требованій населенія, но и отказать въ удовлетвореніи тѣхъ изъ нихъ, осуществленіе которыхъ представляется невозможнымъ, и внушить свою точку зрѣнія населенію не путемъ безполезныхъ циркуляровъ и предписаній, а путемъ свободной печати, путемъ собраній и т. д., т. е. путемъ убѣжденія. Власть, ищущая въ массѣ союзника противъ интеллигенціи, очевидно, такимъ авторитетомъ обладать не можетъ и не будетъ также въ состояніи сослаться на уже совершенныя крупныя реформы, недоступныя ей по вышеуказаннымъ причинамъ.

слишкомъ дезорганизована, чтобы ея приходилось серьезно бояться.

Власть, привыкшая къ безконтрольному господству надъ страной, естественно не могла примириться съ мыслью, что ея послѣдній часъ насталъ и что она впредь должна дѣйствовать рука объ руку съ народомъ и подъ надзоромъ его представителей. Ей все кажется, что такъ какъ она располагаетъ сотнями тысячъ штыковъ, а ея наиболѣе сознательный и дѣятельный врагъ, интеллигенція, безоруженъ и не располагаетъ такой стройной организаціей, какую представляетъ бюрократія, то ей нечего опасаться за свою прочность и надо только подождать, пока уляжется искусственная „смута“. Такая точка зрѣнія не составляетъ особенности нашего стараго режима. Его придерживалась всякая господствующая каста, и когда всѣ внимательные наблюдатели уже предвидѣли катастрофу, тѣ, кого это больше всего касалось, располагались на своихъ мѣстахъ, точно имъ никогда не суждено ихъ оставить.

Въ статьѣ „Нашихъ Дней“, на которую я указалъ выше, авторъ ея, хорошо извѣстный и русскимъ читателямъ, В. Сѣрошевскій, повидимому, взявшій на себя лишь формулировку для печати воззрѣній новой партіи, и отмѣчаетъ, между прочимъ, ту особенность, что передъ поляками, желавшими принимать участіе въ общественной дѣятельности, собственно говоря, было только два пути, одинаково не могущіе быть при данныхъ обстоятельствахъ путями всего польскаго общества, взятаго въ массѣ. „Въ исключительныхъ условіяхъ Царства Польскаго“, говоритъ онъ, „находящагося

данномъ случаѣ мы имѣемъ, по его словамъ, дѣло съ настоящимъ голосомъ самой неподдѣльной дѣйствительности. „Совокупность этихъ требованій“, говоритъ онъ, „по мнѣнію прогрессистовъ-демократовъ, не есть какое-нибудь схематическое построеніе, придуманное политикоманами, но фотографія, вѣрно снятая, съ души народа. Это не есть выраженіе стремленій нынѣшнихъ поколѣній, но совокупная воля многомилліоннаго племени, съ многовѣковой культурой, воля исторіи, воля, которую не въ состояніи преодолѣть никакая сила въ мірѣ и не въ состояніи измѣнить никакія ухищренія“.

Конечно, мы должны оставить на отвѣтственности автора его утвержденіе, что главные пункты программы новой партіи являются какъ бы обобщеніемъ всѣхъ стремленій, существующихъ въ польскомъ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, въ партійныхъ программахъ польскаго общества необходимо отличать элементы національные, относительно которыхъ, конечно, всѣ поляки будутъ между собою согласны, отъ элементовъ политическихъ и соціальныхъ, относительно которыхъ уже должны встрѣтиться разногласія. Подъ національными стремленіями, выраженными въ программѣ прогрессивно-демократической партіи, конечно, подпишутся всѣ, начиная угодовцами и кончая SND или PPS. Я имѣю здѣсь въ виду такіе пункты, какъ: 1) „возстановленіе польскаго языка въ качествѣ органа всей общественной жизни въ Царствѣ Польскомъ“, 2) „упраздненіе всѣхъ существующихъ въ Царствѣ Польскомъ, связанныхъ съ происхожденіемъ и вѣроисповѣданіемъ, ограниченій и преимуществъ“ и 3) „предоставленіе полякамъ равноправности съ прочими гражданами Имперіи за предѣлами Царства Польскаго“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на этихъ требованіяхъ сойдутся всѣ поляки. По другимъ пунктамъ, которые касаются политической стороны дѣла и соціальныхъ отношеній, конечно, будутъ уже разногласія. Не касаясь соціальныхъ отношеній,—тѣмъ болѣе, что программа новой польской партіи, какъ она изложена въ статьѣ г. Сѣрошевскаго, совсѣмъ не затрагиваетъ этихъ отношеній и связанныхъ съ ними экономическихъ вопросовъ,—мы остановимся только на томъ, что непосредственно касается области политики.

Нѣтъ надобности подробно останавливаться на такихъ пунктахъ, какъ широкая индивидуальная и общественная свобода и участіе всего населенія въ избирательномъ правѣ, занимающія видное мѣсто въ прогрессивно-демократической программѣ: самое названіе, какое даетъ себѣ партія, указываетъ на то, что въ ея программѣ эти пункты должны занимать видное мѣсто. Въ этомъ отношеніи, конечно, новая партія можетъ только найти сочувствіе и поддержку во всѣхъ прогрессивно и демократически настроенныхъ русскихъ, но еще вопросъ, насколько всѣ пункты программы, о которой идетъ рѣчь, пользуются признаніемъ польскаго общества, взятаго въ цѣломъ. И это прежде всего, разумѣется, должно интересовать самоё же новую партію.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ политическій вопросъ заключается въ государственно-правовомъ положеніи Царства Польскаго (или этнографической Польши, вѣрнѣе говоря, границы которой не вполнѣ совпадаютъ съ границами Царства).

Въ программѣ новой польской партіи я позволяю себѣ обратить вниманіе русскаго читателя на признаваемомъ этою партіею различіи между Царствомъ Польскимъ, съ одной стороны, и Литвою съ Правобережною Украйною, съ другой. Различеніе между поляками, какъ сплошнымъ населеніемъ Царства, и поляками, составляющими лишь одну (и при томъ не самую многочисленную) изъ народностей, населяющихъ Литву и Правобережную Украйну, показываетъ, что прогрессивно-демократическая партія стоитъ, какъ и слѣдовало ожидать, не на точкѣ зрѣнія, такъ называемаго, историческаго права, которое я назвалъ бы націоналистическимъ легитимизмомъ, а на точкѣ зрѣнія культурнаго самоопредѣленія націй. Нужно, чтобы польское общество, которое такъ чутко относится ко всему, что касается его національныхъ правъ, знало, что въ данномъ отношеніи лучшіе русскіе люди, и при томъ какъ славянофилы (только не послѣдней формаціи), такъ и западники, всегда стояли на точкѣ зрѣнія справедливости—по правилу не дѣлать другимъ того, чего не желаемъ, чтобы другіе намъ дѣлали. Въ этомъ смыслѣ особенно было бы желательнымъ, чтобы въ польскомъ обществѣ получали самое широкое распространеніе извѣстія о такихъ, напр., новѣйшихъ фактахъ, какъ пункты 6 резолюціи съѣзда русскихъ журналистовъ въ Петербургѣ въ началѣ марта, гласящіе о „необходимости проводить въ сознаніе всего населенія принципа полнаго гражданскаго равноправія всѣхъ народностей и признанія за каждою изъ нихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе“ [1]).

Но вотъ въ этомъ вопросѣ—о политическомъ самоопредѣленіи и могутъ быть разногласія и, между прочимъ, среди самихъ поляковъ. Политическое самоопредѣленіе есть или, по крайней мѣрѣ, можетъ оказаться понятіемъ довольно растяжимымъ. Можно не сомнѣваться въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ изъ національнаго самоопредѣленія и въ Царствѣ Польскомъ, и въ Литвѣ, и въ Правобережной Украинѣ уже вовсе не дѣлается выводовъ въ смыслѣ націоналистическаго легити-

---

[1]) См. „Право“, № 10, столб. 734. Около того же времени московское Педагогическое общество высказалось за возвращеніе школамъ Царства Польскаго преподаванія на національномъ языкѣ.

мизма, но въ какихъ отношеніяхъ большинство поляковъ мыслитъ желательныя взаимныя отношенія Царства Польскаго и Имперіи, это вопросъ, я думаю, не совсѣмъ ясный и для самихъ поляковъ, не говоря уже о русскихъ. Для большинства послѣднихъ, быть можетъ, здѣсь и вопроса-то никакого нѣтъ, такъ какъ образовалась своего рода привычка видѣть въ Царствѣ простой Привислинскій Край, а большинство поляковъ, думается мнѣ, тоже въ теченіе долгаго времени такъ безнадежно смотрѣло на ближайшее будущее, что мало кому приходилось строить сколько-нибудь опредѣленные планы въ указанномъ смыслѣ.

Быть можетъ, прогрессивно-демократическая партія и на самомъ дѣлѣ угадала затаенныя мысли большинства поляковъ на этотъ счетъ, когда формулировала свои desiderata, касающіяся государственно-правового положенія Царства Польскаго и сводящіяся къ пріобрѣтенію имъ автономіи [1]). Весь вопросъ въ томъ, много ли такихъ поляковъ, которые помирились бы и на меньшемъ [2]), и много ли, наоборотъ, такихъ, которымъ и этого показалось бы мало.

Однимъ изъ преимуществъ прогрессивно-демократической программы г. Сѣрошевскій считаетъ ея „ясность и искренность“, но онъ указываетъ при этомъ, что рядомъ съ нею возникаютъ въ настоящее время или, по крайней мѣрѣ, „появляются на поверхности жизни“ и другія новыя соціально-политическія группы. Какія—это пока еще остается неизвѣстнымъ, но самый фактъ образованія новыхъ группъ, „болѣе или менѣе радикальныхъ, болѣе или менѣе активныхъ“, какъ выражается о нихъ г. Сѣрошевскій, нельзя не признать въ высокой степени знаменательнымъ. Конечно, нельзя думать, что и та новая партія, о которой шла рѣчь въ этой замѣткѣ, такъ-таки сразу и возникла только въ наши дни. Ея элементы,—только разрозненные прежде,—разумѣется, и раньше существовали, и основные принципы не теперь только были формулированы. За двадцать пять лѣтъ, протекшихъ съ того времени, когда тоже ожидались существенныя измѣненія въ русско-польскихъ отношеніяхъ, много воды утекло, много успѣло народиться и исчезнуть частныхъ теченій въ польскомъ обществѣ, но въ принципахъ теперешней прогрессивно-демократической партіи слышатся отголоски того, что четверть вѣка тому назадъ составляло главную силу проповѣди А. Свентоховскаго въ лучшіе годы издаваемой имъ и до сихъ поръ „Prawdy“.

Связь между обоими явленіями, т. е. публицистикой польскихъ прогрессистовъ начала восьмидесятыхъ годовъ и теперешней прогрессивно-демократической партіей, для меня не подлежитъ сомнѣнію, хотя я и не взялся бы сейчасъ доказать ее фактически. Изъ всѣхъ польскихъ направленій вспоминаемаго мною времени, то направленіе, представительницей котораго была „Prawda“ А. Свентоховскаго, болѣе всего подходило къ тому, что стояло у насъ на знамени „Отечественныхъ Записокъ“: это была идея развитой человѣческой индивидуальности, идея народа, какъ совокупности трудящихся классовъ общества, идея прогресса на основахъ реалистическаго міросозерцанія.

Если я только не ошибаюсь въ своихъ сближеніяхъ,—я не вижу основаній для какихъ-либо здѣсь сомнѣній,—этого одного достаточно для того, чтобы предсказать сочувственный пріемъ въ передовой части русскаго общества всему тому, что есть гуманнаго и прогрессивнаго въ идеяхъ и стремленіяхъ польскихъ прогрессивныхъ демократовъ.

P. S. Статья уже была готова и сдана въ печать, когда въ № 88 „Руси“ (отъ 6 апр.) появилась довольно пространная записка подъ заглавіемъ „Польская національно-демократическая партія о нуждахъ Царства Польскаго“. По свѣдѣніямъ редакціи газеты, помѣстившей въ томъ же № и объяснительную статью, озаглавленную „Польскія программы“, новая партія, „самая видная сегодня“, какъ выражается „Русь“,—„представляетъ въ сущности лишь расширенные кадры группы всепольской, но уже безъ ея шовинистическаго характера“. Газета думаетъ, что прогрессивно-демократическая партія является, „повидимому, второстепенной группой“ вопреки тому заявленію, которое она сдѣлала сама о себѣ. Не берусь, за полною неосвѣдомленностью, рѣшать вопросъ, кто въ данномъ случаѣ правъ и насколько точно свѣдѣніе „Руси“, что „національ-демократы стремятся опереться на крестьянское сословіе“, въ то время, какъ прогрессивные демократы „принимаютъ болѣе во вниманіе интересы рабочихъ“. Мнѣ думается, что новыя польскія партіи находятся пока im werden, лишь теперь формулируя свои ближайшія desiderata и лишь приступая къ подсчету своихъ силъ. Такъ какъ

---

[1]) Вотъ эти desiderata такъ, какъ они изложены въ статьѣ г. Сѣрошевскаго:

„1) Царство Польское получитъ обратно ту политическую организацію, въ какой оно было первоначально присоединено къ Россіи, и будетъ составлять не одну изъ областей Россійской Имперіи, именуемую Привислинскимъ Краемъ, а отдѣльную государственно-правовую единицу.

2) Въ качествѣ такой государственно-правовой единицы Царство Польское получитъ автономію, въ основаніе которой будетъ положенъ органическій статутъ, выработанный собственнымъ сеймомъ, избраннымъ путемъ всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ. Такой автономіи не можетъ замѣнить допущеніе Царства Польскаго къ участію въ обще-имперскомъ правопорядкѣ Россіи“.

[2]) Мнѣ не разъ встрѣчались въ печати заявленія, дѣлавшіяся поляками о томъ, что они мечтаютъ не только о возвращеніи къ положенію 1815—1830 гг., но даже къ осуществленію идей маркиза Велепольскаго, лишь бы вернуться къ политикѣ Н. А. Милютина послѣ подавленія возстанія 1863 г., къ политикѣ объединенія безъ обрусѣнія.

въ моей статьѣ на первый планъ выдвинуты не внутреннія отношенія польской націи, а то, что можно назвать русско-польскими отношеніями, то для насъ здѣсь важно лишь совершенно вѣрное замѣчаніе „Руси“, что „національная программа у обѣихъ партій приблизительно одинакова“.

Если фактическія свѣдѣнія, сообщаемыя „Русью“ вѣрны, особую важность получаютъ еще два замѣчанія, сдѣланныя въ упомянутой статьѣ. „При оцѣнкѣ этой записки, говоритъ газета, не будемъ забывать, что она исходитъ изъ сферъ, стремившихся вчера еще къ полной отдѣльности Польши, а теперь мирящихся съ русской государственностью и ищущихъ рѣшенія вопроса въ предѣлахъ этого, еще недавно ненавистнаго, волшебнаго круга“. И далѣе: этотъ фактъ къ тому же еще сильно подчеркивается тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящая записка обращена поляками (и притомъ самой значительной польской партіей) прямо къ русскому общественному мнѣнію“.

Прибавимъ, „что національная демократическая партія въ Царствѣ Польскомъ“ (такъ она подписывается подъ своимъ меморіаломъ) свою основную точку зрѣнія выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „дѣйствительныя улучшенія могутъ быть достигнуты лишь при обоснованіи государственной принадлежности Царства Польскаго къ Россійской Имперіи на началахъ автономіи края, истекающихъ изъ его польскаго характера и сообразующихся съ его природными особенностями, историческимъ развитіемъ и соціально-экономическимъ строемъ“.

Н. Карѣевъ.

Упраздненіе особаго совѣщанія.

Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности приказало долго жить. Говорятъ: de mortuis aut bene aut nihil.

Если примѣнить это правило къ многочисленнымъ покойнымъ комиссіямъ, ихъ пришлось бы оставить совсѣмъ безъ поминокъ. Это было бы жестоко и несправедливо. Вѣрнѣе примѣнить къ нимъ другое правило: sine ira et studio. О покойникахъ можно судить безпристрастно. Лежачаго не бьютъ, а особое совѣщаніе повергнуто во прахъ постигшимъ его ударомъ. Постараемся объективно разсмотрѣть его значеніе, поставить діагнозъ его болѣзни, выяснить причины его преждевременнаго конца.

Три года съ лишнимъ просуществовало особое совѣщаніе; за это время оно успѣло проявить, не въ примѣръ другимъ комиссіямъ, удивительную предпріимчивость и работоспособность. Его несомнѣнная заслуга—обращеніе къ „мѣстнымъ людямъ“ съ опросомъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Конечно, опросъ этотъ былъ произведенъ въ условіяхъ, далекихъ отъ совершенства. Программа, предложенная совѣщаніемъ мѣстнымъ комитетамъ, безсодержательна и блѣдна. По настояніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ этой программы исключенъ былъ даже такой вопросъ, какъ крестьянскій. Само собою разумѣется, комитеты вышли изъ тѣсныхъ рамокъ, поставленныхъ имъ совѣщаніемъ, и въ своихъ трудахъ коснулись не только крестьянскаго вопроса, но и вопросовъ общаго правопорядка. Самый составъ мѣстныхъ комитетовъ,—въ особенности губернскихъ,— оставлялъ желать многаго; и если въ уѣздныхъ комитетахъ составъ былъ случайнымъ, то въ губернскомъ онъ былъ искусственно подобранъ. И тѣмъ не менѣе предвидѣнный совѣщаніемъ опросъ мѣстныхъ людей сыгралъ огромную роль въ смыслѣ пробужденія общественнаго самосознанія въ мѣстной средѣ. Съ этого момента забродила политическая мысль, стали выясняться и складываться программы будущихъ политическихъ партій.

Труды мѣстныхъ комитетовъ обнародованы особымъ совѣщаніемъ. Они образуютъ въ настоящее время цѣлую библіотеку,—всего съ разными сводами и общими обзорами свыше 60 томовъ. И хотя сводка матеріаловъ производилась далеко не всегда и далеко не вполнѣ удовлетворительно, тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ совѣщаніи ветераномъ крестьянской реформы П. П. Семеновымъ, что матеріалы эти „драгоцѣнны“ и „превосходны“ именно потому, что въ уѣздные сельскохозяйственные комитеты вошли большею частью лица, близко стоящія къ деревнѣ. По словамъ предсѣдателя совѣщанія С. Ю. Витте, нельзя не преклониться предъ трудами комитетовъ; въ области крестьянскаго дѣла мысли комитетовъ столь государственны, столь мудры, что доказываютъ ясно, до какой степени развилось государственное самосознаніе у мѣстныхъ людей. Во всякомъ случаѣ, обнародованіе трудовъ мѣстныхъ комитетовъ составляетъ большую заслугу особаго совѣщанія: осуществляя крестьянскую реформу, народное представительство будущей Россіи сумѣетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ и извлечь изъ него поучительные уроки...

Непосредственная работа особаго совѣщанія все время точно также считалась съ матеріалами, доставленными сельскохозяйственными комитетами. Работа эта—особенно въ послѣднее время—велась весьма интенсивно: совѣщаніе засѣдало два раза въ недѣлю. Всего оно имѣло около 90 засѣданій; въ теченіе этого времени оно успѣло разсмотрѣть, помимо болѣе частныхъ вопросовъ—о мѣстныхъ путяхъ сообщенія, о мелкомъ кредитѣ, о работѣ въ праздничные дни,— рядъ основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ крестьянской реформы—о кресть-

янскомъ управленіи, о крестьянскомъ правѣ и волостномъ судѣ, объ общинѣ и крестьянской арендѣ. Указъ 30-го марта застигъ особое совѣщаніе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно собиралось перейти къ разсмотрѣнію экономической стороны крестьянскаго дѣла,—и, въ частности, вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ и о средствахъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія... На этомъ вопросѣ дѣятельность особаго совѣщанія неожиданно оборвалась.

Какъ и слѣдовало ожидать, практическіе результаты, достигнутые особымъ совѣщаніемъ, оказались совершенно ничтожными. Организація мелкаго кредита, разрѣшеніе работы въ праздничные дни—вотъ, пожалуй, и все. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: дѣло особаго совѣщанія провиденціально обречено было на полную и неизбѣжную неудачу.

Причина этой неудачи—совершенная невозможность, при данномъ соотношеніи правительственныхъ и общественныхъ силъ, осуществленія серьезной законодательной реформы бюрократическими пріемами законодательнаго творчества. Нельзя, конечно, отрицать, что особое совѣщаніе выгоднымъ для себя образомъ выдвигалось изъ ряда другихъ такихъ же правительственныхъ, т. е. бюрократическихъ совѣщаній. Нельзя отрицать, что, въ лицѣ своего предсѣдателя, совѣщаніе, дѣйствительно, одушевлено было желаніемъ *что нибудь* сдѣлать, прійти *къ какимъ нибудь* положительнымъ результатамъ. Наконецъ, нельзя отрицать, что взгляды предсѣдателя и большинства членовъ совѣщанія на крестьянскій вопросъ—въ особенности въ послѣдней стадіи работъ совѣщанія—отличались непривычной для бюрократіи, хотя, по существу, и весьма умѣренной, широтой. И, тѣмъ не менѣе, совѣщаніе не могло не оказаться безсильнымъ предъ огромностью возложенной на него задачи. Крестьянскій вопросъ—вопросъ не только правовой, а соціальной реформы. Для его рѣшенія необходимъ могучій подъемъ общественныхъ настроеній,—то дерзновеніе творческой мысли, котораго наивно требовать и ждать отъ бюрократическихъ совѣщаній. Дальше палліативовъ совѣщаніе и пойти не могло. Такъ, напримѣръ, вмѣсто регламентаціи крестьянской продовольственной аренды, оно ограничилось регламентаціею—правда, довольно удачной—аренды предпринимательской, имѣющей весьма малое отношеніе къ крестьянскому быту. Вопросъ объ урегулированіи арендныхъ цѣнъ, по типу ирландскаго или англійскаго аграрнаго законодательства, признанъ былъ выходящимъ изъ сферы компетенціи особаго совѣщанія. Собираясь говорить о крестьянскомъ малоземельѣ, совѣщаніе не рѣшилось даже поставить вопросъ о признаніи государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель. При такихъ условіяхъ можно ли было ожидать отъ совѣщанія *настоящей* крестьянской реформы? И развѣ не право было общественное мнѣніе, съ самаго начала относившееся съ великимъ недовѣріемъ къ „благимъ намѣреніямъ“ особаго совѣщанія?

Крестьянская реформа будетъ первымъ и самымъ великимъ дѣломъ будущаго народнаго представительства. Бюрократическимъ комиссіямъ лучше и не трогать этого дѣла.

Самая судьба особаго совѣщанія является для русскаго общества весьма поучительнымъ и полезнымъ урокомъ. Совѣщаніе исходило изъ мысли о возможности „реформъ“ безъ „реформы“. И оказалось, что свое зданіе оно строило на пескѣ. При всей скромности своихъ начинаній, совѣщаніе, не удовлетворивъ недовольныхъ, пугливыхъ, однако, успѣло напугать. Какъ никакъ, а начинанія все-таки были. Достаточно того, что совѣщаніе поставило открыто и прямо вопросъ о необходимости упраздненія сословной обособленности крестьянъ, о необходимости организаціи всесословной общественной единицы, взамѣнъ нынѣшняго крестьянскаго общества, о необходимости для всего населенія, не исключая крестьянъ, общаго права и общаго суда. Оно только подошло къ вопросу объ экономическихъ причинахъ крестьянскаго неустройства...

Всего этого оказалось болѣе, чѣмъ достаточно, для того, чтобы настроить на извѣстный ладъ политическіе разговоры въ петербургскихъ гостиныхъ. „Люди порядка“ заговорили о ниспроверженіи основъ, о посягательствѣ на священное право частной собственности... Пѣсня особаго совѣщанія такъ и осталась недопѣтой...

Не ясно ли, что при существующихъ условіяхъ никакая плодотворная законодательная реформа невозможна, невозможна, между прочимъ, и потому, что судьба ея зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ случайныхъ вѣяній, отъ игры незримыхъ и таинственныхъ силъ. Не ясно ли, что обновленіе государственнаго строя должно предшествовать обновленію общественной жизни, — политическая реформа должна предшествовать реформамъ соціальнымъ и правовымъ?

В. М. Гессенъ.

Результаты дѣятельности финляндскаго сейма.

На-дняхъ, какъ извѣстно, закончилась нынѣшняя сессія сейма, съ дѣятельностью котораго до нѣкоторой степени познакомила читателей наша періодическая печать. Поэтому теперь умѣстно подвести общіе итоги всей его дѣятельности, посмотрѣть, что же онъ, въ общемъ, сдѣлалъ.

Послѣдній, только что окончившійся, сеймъ собирался при совершенно исключительныхъ, ненормальныхъ условіяхъ, а потому его первой и главной

задачей было полное возстановленіе въ Финляндіи законнаго порядка, нарушеннаго за послѣдніе годы. Въ рядѣ петицій—въ такъ наз. большой—о возстановленіи законнаго порядка [1]), о злоупотребленіяхъ администраціи Выборгской губерніи, относительно дѣятельности прокурора сената, о свободѣ печати, по школьному вопросу и о прекращеніи дѣятельности жандармовъ въ Финляндіи — сеймъ выяснилъ всѣ послѣдствія новаго режима и обосновалъ необходимость возвращенія къ конституціонному правленію.

Сеймъ исходилъ изъ того положенія, что для возобновленія законодательной дѣятельности необходимо: опредѣленное отношеніе правительства къ конституціи, безъ чего земскіе чины не имѣютъ увѣренности, что ихъ рѣшенія будутъ имѣть надлежащій смыслъ. Потому-то сеймъ отклонилъ не мало чрезвычайно важныхъ самихъ по себѣ вопросовъ, какъ, напр., правительственныя предложенія о расширеніи избирательнаго права, о страховыхъ обществахъ, о новыхъ желѣзнодорожныхъ сооруженіяхъ и др., моцію [2]) объ ограниченіи производства и продажи спиртныхъ напитковъ и пр.

По представленію земскихъ чиновъ правительство рѣшилось на такой серьезный шагъ, какъ пріостановка примѣненія устава о воинской повинности 1901 г., который былъ корнемъ всего зла. Сообразно съ этимъ послѣдовало продленіе временного утвержденія налоговъ до конца текущаго года и теперь остается ожидать полнаго устраненія остающихся еще препятствій къ возвращенію законнаго порядка.

По уставу о воинской повинности 1878 г., принятому сеймомъ, финскія войска имѣютъ цѣлью „защищать престолъ и отечество и тѣмъ содѣйствовать защитѣ имперіи“. Такимъ образомъ еще раньше была признана эта обязанность Только что окончившійся сеймъ предложилъ правительству отмѣнить примѣненіе устава о воинской повинности 1901 г. и принять въ законномъ порядкѣ до разрѣшенія согласно съ основными законами вопроса о воинской повинности временныя мѣры; а въ связи съ первымъ временнымъ утвержденіемъ налоговъ до 1-го іюля 1905 г. сеймъ высказался, чтобы прежде чѣмъ будетъ сдѣлано предписаніе о перечисленіи какихъ-либо новыхъ суммъ въ русское государственное казначейство, было передано земскимъ чинамъ предложеніе по этому вопросу съ указаніемъ суммы и цѣли ассигнованія. На это правительство предложило сейму временное ежегодное перечисленіе суммы въ десять милліоновъ марокъ въ государственное казначейство на военныя нужды. Сеймъ принялъ это предложеніе, какъ вполнѣ отвѣчающее сознанному Финляндіей долгу содѣйствовать защитѣ Имперіи, но въ виду значительности суммы и поздняго внесенія въ сеймъ финансовыхъ предложеній, составленіе полнаго бюджета было уже невозможно. А такъ какъ предложеніе касалось исключительно временной мѣры, то сеймъ на этотъ разъ рѣшилъ ассигновать упомянутую сумму лишь на 1905 г. Такимъ образомъ для установленія правильнаго теченія жизни въ краѣ необходимо будетъ еще въ текущемъ году созвать новый сеймъ.

Изъ остальныхъ вопросовъ сеймъ ограничился разрѣшеніемъ лишь тѣхъ, которые касаются собственныхъ дѣлъ самого сейма, какъ напр., финляндскаго банка, состоящаго подъ гарантіей и на попеченіи земскихъ чиновъ, и пр.

Финляндецъ.

[1]) Напечатанной in extenso въ „Правѣ“.

[2]) Моціями называются вносимые депутатами законопроекты объ изданіи, измѣненіи или отмѣнѣ общихъ законовъ, требующихъ согласнаго рѣшенія государя и сейма.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Глубокоуважаемый Владиміръ Галактіоновичъ! Вполнѣ сочувствуя идеѣ популяризаціи политическихъ знаній, выраженной г. Пантелѣевымъ въ письмѣ къ Вамъ, (помѣщенномъ въ „Правѣ“ № 12), мы, группа слушательницъ женскаго педагогическаго института, присоединяемъ двадцать руб. къ пожертвованію г. Пантелѣева на изданіе политическихъ брошюръ для народа съ цѣлью подготовки его къ предстоящему народному представительству.

Слѣдуетъ 56 подписей.

II.

Милостивые государи

господа редакторы:

Не имѣя возможности лично присутствовать на общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты 13 марта текущаго года, прошу не отказать мнѣ чрезъ посредство вашей уважаемой газеты выразить мою солидарность съ резолюціей сказаннаго общаго собранія, напечатанной въ № 11 газеты „Право“.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи Присяжный Повѣренный Хитровъ.

III.

Просимъ многоуважаемую редакцію присоединить наши подписи къ адресу, поднесенному Римскому-Корсакову отъ съѣзда профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній Профессора с.-петербургскаго университета: В. Шимкевичъ, А. Догель, Б. Селивановъ, Д. Бобылевъ, П. Лавровъ, Д. Айналовъ, Н. Введенскій, О. Хвольсонъ, И. Боргманъ, И. Пташицкій.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Въ текущемъ году въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ возникли безпорядки, сопровождающіеся разгромомъ и грабежемъ, преступными скопищами крестьянъ владѣльческихъ усадебъ, торгово-промышленныхъ заведеній и движимаго имущества.

Такое злонамѣренное нарушеніе имущественныхъ правъ не можетъ быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна, и охраненіе ея отъ незаконнаго посягательства, а тѣмъ болѣе отъ наси-

лія. составляетъ первѣйшую обязанность правительства и необходимое условіе мирнаго и спокойнаго преуспѣянія общественной жизни.

Въ цѣляхъ вящшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности, Мы повелѣваемъ:

1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ учреждать, по мѣрѣ надобности, въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя уѣздныя комиссіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, въ участкахъ коихъ произошли безпорядки, а также приглашаемыхъ въ комиссію одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, проживающихъ въ ближайшихъ къ мѣсту происшествій мѣстностяхъ.

2) Возложить на означенныя въ п. 1-мъ комиссіи выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи.

3) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ преподать упомянутымъ временнымъ комиссіямъ подробныя указанія о порядкѣ ихъ дѣйствій, а также командировать особо назначенныхъ для сего министромъ лицъ для руководства дѣйствіями сихъ комиссій.

4) Поручить министру внутреннихъ дѣлъ выработать п, по сношеніи съ министрами юстиціи и финансовъ и государственнымъ контролеромъ, внести на Наше утвержденіе, чрезъ комитетъ министровъ, проектъ правилъ о порядкѣ осуществленія мѣры, указанной въ п. 2-мъ, и возмѣщенія убытковъ потерпѣвшимъ, а также объ оказаніи воспособленія выдачей ссудъ изъ казны тѣмъ изъ потерпѣвшихъ владѣльцевъ, кои оказались бы не въ состояніи собственными средствами немедленно возстановить свои усадьбы или пріобрѣсти необходимый для веденія въ нихъ хозяйства инвентарь.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Царское Село.
10-го апрѣля 1905 г.

Объявленіе кутаисскаго генералъ-губернатора.

Указавъ на то, что въ цѣляхъ успокоенія края нынѣ устанавливается усиленная охрана, генералъ-губернаторъ обращается въ этомъ объявленіи къ населенію съ слѣдующими словами:

Я ни на минуту не допускаю даже мысли, чтобы среди васъ не нашлось значительнаго количества благоразумныхъ, стойкихъ и твердыхъ духомъ людей, которые, не сочувствуя, какъ и громадное большинство населенія, противоправительственной пропагандѣ, снискали бы въ себѣ достаточно духовной силы, чтобы при моей поддержкѣ сбросить съ себя и остальныхъ обывателей обаяніе злоумышленниковъ, сковавшее массу населенія какъ бы цѣпями ужаса, избавить себя отъ этого унизительнаго гнета и деспотизма кучки смѣлыхъ и дерзкихъ агитаторовъ и вырвать изъ своей среды этихъ злодѣевъ, губящихъ васъ и ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей вашихъ, которыхъ они отрываютъ отъ ученія, выгоняютъ изъ стѣнъ учебныхъ заведеній, обрекая ихъ на невѣжество, и выбрасываютъ на улицу для того, чтобы, возвративъ ихъ, сдѣлать ихъ врагами своей родины.

Будучи, такимъ образомъ, неколебимо увѣренъ въ васъ и въ силахъ вашихъ,—я глубоко убѣжденъ, что вы сами, вполнѣ ясно сознавая весь страшный, грозящій вамъ и дѣтямъ вашимъ величайшими бѣдствіями вредъ отъ той преступной пропаганды, которая внесла въ послѣднее время смуту и горе въ дома ваши,—сдѣлаете все, что только можете, чтобы искоренить заброшенную въ среду вашу преступную агитацію эту и ея руководителей и тѣмъ самымъ дадите мнѣ возможность, безъ ненужныхъ жертвъ, выполнить возложенную на меня Высочайшею властью задачу умиротворенія вашего родного края и возстановленія въ немъ законнаго и нормальнаго порядка управленія.

При этомъ, однако, долгомъ своимъ считаю еще разъ напомнить вамъ, что только при этомъ условіи возможно будетъ избѣжать тѣхъ случайностей и несчастій, которыя неизбѣжно будутъ сопровождать принятіе самыхъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, къ которымъ вынужденъ буду я прибѣгнуть, если не встрѣчу въ васъ, сверхъ всякаго ожиданія, должнаго мнѣ содѣйствія, и отъ которыхъ, къ сожалѣнію, пострадать могутъ, конечно, несмотря на всѣ предосторожности, очень и очень многіе даже изъ самыхъ благонамѣренныхъ лицъ.

Постановленіе тамбовскаго губернатора.

Въ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ опубликовано „постановленіе тамбовскаго губернатора“ относительно тамбовскаго общества попеченія о дѣтяхъ. Въ постановленіи этомъ подробно излагается исторія засѣданія общества 24-го марта:

„Доложены поданныя предсѣдателю правленія И. Я. Герду петиціи учащихся мѣстныхъ гимназій: мужской и женской, реальнаго училища и духовной семинаріи. Въ петиціяхъ изложены требованія, касающіяся измѣненія общихъ основъ, установленныхъ правительствомъ, средняго образованія, умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ высказаны угрозы, что, въ случаѣ неудовлетворенія требованій, учащіеся оставляютъ за собой право оказать на правительство воздѣйствіе способомъ по ихъ усмотрѣнію. Несмотря, такимъ образомъ, на то, что эти петиціи являлись, по способу предъявленія ихъ, изложенія и угрозамъ, крайне дерзкими со стороны учащихся, нарушившихъ такимъ поступкомъ элементарныя понятія о школьной дисциплинѣ, правленіе общества попеченія о дѣтяхъ и предсѣдатель его, позабывъ, что цѣль и дѣятельность общества обязываютъ ихъ относиться съ осторожностью къ учащейся молодежи, увлеченной непонятными ей соціальными вопросами, не только не отклонили отъ себя разсмотрѣнія этихъ петицій, но даже перенесли ихъ на публичное обсужденіе, скрывъ предварительно такое намѣреніе передъ административною властью. Предсѣдатель правленія, по выслушаніи петицій, предложилъ выразить сочувствіе общества изложеннымъ въ нихъ требованіямъ и сообщить ихъ московскому педагогическому обществу. Затѣмъ, членами общества Киншиной и Вольскимъ были произнесены продолжительныя, дерзкія, противоправительственныя рѣчи, зажигательно подѣйствовавшія на публику. Вслѣдъ за рѣчами началось чтеніе докладовъ ревизіонной комиссіи, но было прервано криками, шумомъ, что теперь не время заниматься очередными вопросами, а что общее собраніе должно выслушать заявленія прибывшихъ воспитанниковъ екатеринискаго учительскаго института объ ихъ нуждахъ. Заявленія, полныя ложныхъ извращеній фактовъ, были выслу-

шаны. Страсти публики и учащихся достигли крайнихъ предѣловъ, поднялись крики, страшный шумъ, засѣданіе закрылось, воспитанниковъ института рѣшено проводить до института, былъ пущенъ слухъ, что ихъ на улицѣ поджидаетъ „черная сотня“. Предсѣдатель правленія Гердъ, по его словамъ, лично удостовѣрившись, что на улицѣ нѣтъ никакой сотни, старался успокоить публику, но она, выйдя всей массой на улицу, направилась къ институту въ сильно возбужденномъ состояніи, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками „долой самодержавіе“.

26-го марта учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній забастовали“.

Въ виду всего вышеизложеннаго тамбовскій губернаторъ шталмейстеръ фонъ-деръ-Лауницъ 4-го апрѣля постановилъ:

„Согласно § 67 устава общества, утвержденнаго 6-го февраля 1902 года, за министра внутреннихъ дѣлъ товарищемъ министра сенаторомъ Дурново, и на основаніи ст. 321 общ. губ. учрежд., т. II свод. закон., закрыть тамбовское общество попеченія о дѣтяхъ, о чемъ и объявить по принадлежности къ немедленному исполненію“.

Всеподданнѣйшіе адреса, заявленія, записки, резолюціи и др.

Петиція Государю Императору Виленской думы.

Ваше Императорское Величество

Августѣйшій Монархъ!

Виленская городская дума, вслѣдствіе призыва Вашего Императорскаго Величества, выраженнаго въ указѣ Правительствующему Сенату отъ 18-го февраля 1905 г., въ засѣданіи 5-го сего апрѣля постановила всеподданнѣйше повергнуть на благовоззрѣніе Вашего Императорскаго Величества нижеслѣдующія соображенія:

1) Такъ какъ городъ нашъ является и административнымъ, и культурнымъ центромъ всего Сѣверо-Западнаго края, то нужды послѣдняго особенно рельефно отражаются на интересахъ городского населенія, и передъ городскимъ самоуправленіемъ ежедневно возникаютъ вопросы, которые оно не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить при существующемъ порядкѣ вещей. Въ ряду особенно тягостныхъ условій нашей жизни первое мѣсто, безспорно, занимаетъ ограниченіе весьма значительной части населенія въ имущественныхъ и личныхъ правахъ по національности и вѣроисповѣданію.

Разнаго рода ограничительные законы, временныя правила и инструкціи, будучи изданы временно, при исключительныхъ условіяхъ жизни края, продолжаютъ существовать понынѣ, тормозя нормальное развитіе народной жизни и разоряя нашъ край въ экономическомъ отношеніи. Сплоченіе же на незначительной городской территоріи громаднаго числа лицъ, ограниченныхъ въ правахъ, сравнительно съ кореннымъ населеніемъ Имперіи, отражается губительно на всемъ населеніи, вызывая вражду на племенной религіозной почвѣ.

Въ виду этого Виленская городская дума приходитъ къ заключенію о необходимости скорѣйшей отмѣны всѣхъ существующихъ ограниченій и уравненія всѣхъ населяющихъ нашъ край народностей въ правахъ съ коренными жителями Имперіи.

2) Нынѣ существующія у насъ правительственныя школы, отклоняясь отъ строго воспитательныхъ цѣлей, не вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, а, потому, для устраненія самыхъ крупныхъ недостатковъ необходимо: 1) открыть самый широкій доступъ къ нимъ всѣхъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія; 2) допустить въ число преподавателей лицъ всѣхъ національностей, населяющихъ нашъ край, какъ близко ознакомленныхъ съ бытовой и нравственной стороной жизни населенія и могущихъ посему благотворно вліять на воспитаніе юношества; 3) предоставить родителямъ и представителямъ городскихъ самоуправленій для достиженія прочной связи между семьей и школой право участія въ педагогическихъ совѣтахъ; 4) преподавать Законъ Божій на родномъ языкѣ учащихся и ввести преподаваніе мѣстныхъ языковъ въ видѣ необязательнаго предмета.

3) Въ виду недостаточности правительственныхъ школъ, необходимо предоставить частнымъ лицамъ право свободнаго открытія школъ съ веденіемъ въ нихъ преподаванія на избранномъ учредителемъ языкѣ.

4) Для поднятія матеріальнаго благосостоянія населенія и умственнаго его развитія слѣдуетъ ввести всеобщее обязательное обученіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать за всѣми желающими право безпрепятственно обучать грамотѣ.

5) Необходимо разрѣшить безпрепятственное употребленіе мѣстныхъ языковъ въ частныхъ учрежденіяхъ, повременныхъ изданіяхъ, театрахъ, литературныхъ чтеніяхъ и собраніяхъ, а также разрѣшить подачу прошеній и иного рода бумагъ во всѣ мѣстныя правительственныя учрежденія на родномъ языкѣ просителя.

6) Слѣдуетъ предоставить лицамъ всѣхъ существующихъ вѣроисповѣданій публичное исполненіе обрядностей ихъ религій.

7) Въ виду предположеннаго пересмотра городового положенія 1892 г., которое, съ одной стороны, устранило цѣлыя категоріи обывателей, а также и все еврейское населеніе отъ участія въ городскихъ выборахъ, а съ другой—предоставило мѣстной администраціи право не утверждать избираемыхъ на общественныя должности, Виленская городская дума признаетъ, что было бы необходимо отложить предстоящіе въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года городскіе выборы до разрѣшенія сказаннаго вопроса въ законодательномъ порядкѣ.

8) Единственною гарантіею проведенія въ жизнь вышеизложенныхъ положеній и правильнаго ихъ развитія Виленская городская дума считаетъ устраненіе существующаго при бюрократическомъ строѣ административнаго усмотрѣнія и установленіе твердаго правового порядка, для чего признаетъ необходимымъ скорѣйшій созывъ свободно избранныхъ представителей всѣхъ классовъ населенія, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, съ цѣлью разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній и установленія контроля по исполненію таковыхъ. Апрѣля 5 дня 1905 г.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшіе:

Виленскій городской голова и гласные.

Всеподданнѣйшій адресъ.

Общее собраніе членовъ общественнаго собранія Бѣлорѣцкаго завода, по словамъ „Уральск. Ж.“, единогласно приняло 20-го марта слѣдующій Всеподданнѣйшій адресъ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

Общее собраніе членовъ общественнаго собранія въ Бѣлорѣцкомъ заводѣ, Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, состоявшееся 20-го сего марта мѣсяца, единогласно постановило повергнуть къ стопамъ Твоимъ, Государь, всеподданнѣйшія чувства безпредѣльной любви и сердечной благодарности за призывъ народныхъ представителей къ участію въ законодательной дѣятельности государства Россійскаго, выраженный въ рескриптѣ отъ 18-го февраля на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Многострадательная родина наша многіе годы ждетъ своего духовнаго обновленія, ждетъ удовлетворенія давно назрѣвшихъ нуждъ народныхъ, а въ особенности ждемъ этого мы, жители далекихъ окраинъ, лишенные и тѣхъ правъ, которыми уже давно пользуются наши соотечественники въ центральной Россіи.

Мы до настоящаго времени лишены голоса даже при обсужденіи обыденныхъ мѣстныхъ нуждъ нашего края, лишены земскихъ учрежденій, и всецѣло находимся въ зависимости отъ милостей мѣстной администраціи, элемента пришлаго и зачастую чуждаго интересамъ этого края, а нужды наши велики и многообразны: нашъ южный Уралъ обиленъ естественными богатствами въ нѣдрахъ земли, но заводская промышленность его въ упадкѣ, такъ какъ правдивый голосъ мѣстнаго работника-интеллигента о дѣйствительныхъ нуждахъ этой промышленности игнорируется; крестьянское населеніе края, хотя и освобожденное отъ крѣпостной зависимости, но лишенное земельныхъ надѣловъ, находится въ экономической, сугубо крѣпостной зависимости отъ произвола заводской администраціи; обширныя лѣсныя богатства мѣстныхъ аборигеновъ-башкиръ, столь цѣнныя и важныя для будущихъ судебъ края, хотя и подчинены спеціальному башкирскому охранительному закону, созданному въ административныхъ канцеляріяхъ, а потому далеко неудовлетворительному, расхищаются всѣми тѣми, кто не стѣсняется поживиться на счетъ людской безпомощности; просвѣщеніе народа, вслѣдствіе устраненія живыхъ силъ интеллигентнаго общества отъ этого дѣла, участіе въ которомъ оно считаетъ своимъ святымъ долгомъ, въ застоѣ; всѣ начинанія общественныя въ этомъ направленіи. съ искреннимъ желаніемъ вывести темный народъ на широкій путь истиннаго просвѣщенія, подвергаются запрету власть имущихъ и не достигаютъ цѣли; въ частности и наше бѣлорѣцкое общественное собраніе, возникшее въ цѣляхъ взаимнаго полезнаго общенія въ интересахъ просвѣщенія, поставленное въ рамки всепроникающей административной опеки, выродилось лишь въ увеселительное учрежденіе.

Но, Великій Государь, русское общество, равно какъ и русскій народъ, сильные духомъ и любовью къ родинѣ, въ этой опекѣ больше не нуждаются—оно созрѣло для самодѣятельности, для самоуправленія, для созидательной работы на благо родины, къ вящшей славѣ и могуществу Своего Государя. Только путемъ дружной законодательной работы свободно избранныхъ всеобщимъ и прямымъ голосованіемъ народныхъ представителей обширная и многообразная Россія станетъ дѣйствительно великой и могучей внутри и извнѣ. Повели же, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы и мы, жители окраинъ, лишенные земскихъ учрежденій, не были забыты, когда давно жданный призывъ представителей народа въ законодательное собраніе по волѣ Твоей осуществится, ибо и мы—вѣрныя и любящія дѣти своей родины и своего Государя, и нужды наши не менѣе, если не болѣе насущны, чѣмъ нужды всѣхъ гражданъ Имперіи Россійской“.

Адресъ Енисейской думы.

„Великій Государь! Твои высокознаменательныя слова, сказанныя въ рескриптѣ отъ 18 февр. на имя мин. вн. дѣлъ о призывѣ къ участію въ предварительной разработкѣ и въ обсужденіи законодательныхъ предположеній зрѣлыхъ силъ общественныхъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, преисполнили радостью сердца Твоихъ подданныхъ, такъ какъ эти слова служатъ намъ залогомъ, что начатое по предначертаніямъ и волѣ незабвеннаго для Россіи Твоего Дѣда устроительство Русской земли на началахъ равенства для всѣхъ гласнаго, скораго и милостиваго суда, пріобщенія всѣхъ сословій къ заботамъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ будетъ продолжено и благами цивилизаціи будутъ одинаково пользоваться всѣ части обширной Твоей державы. Услышавши Твои слова, мы, жители сѣверной окраины Сибири, гдѣ и по настоящее время нѣтъ еще земства, гдѣ царитъ печальной извѣстности бюрократическая волокита, глубоко вѣримъ, что Твои драгоцѣнныя на пользу Русскаго государства стремленія увѣнчаются успѣхомъ и принесутъ умиротвореніе дорогой нашей отчизнѣ, когда незыблемо установятся въ ней уваженіе къ строгой законности, вырабатываемой силой нестѣсняемаго цензурою общественнаго мнѣнія, когда падутъ національныя и иныя ограниченія въ гражданскихъ правахъ на пользу безостановочнаго преуспѣванія всей нашей родины, когда расширится и укрѣпится общественная самодѣятельность, а произволъ и усмотрѣніе отойдутъ въ область прошлаго, а поданные Твои получатъ при неприкосновенности личности законную возможность сообща и свободно обсуждать и проводить въ жизнь то, что можетъ служить утвержденію справедливости общественныхъ отношеній, когда будетъ дана возможность облеченнымъ довѣріемъ избраннымъ лицамъ изъ далекой окраины собираться ежегодно въ столицу для совмѣстной съ правительствомъ работы на благо обширнаго Русскаго царства“.

Всеподданнѣйшій адресъ дворянъ Тифлисской губерніи.

„Въ тотъ важный историческій моментъ, когда Россія призывается къ созидательной работѣ, грузинское дворянство, какъ и весь грузинскій народъ, вѣрное своимъ традиціямъ единенія съ великой Россіей, — единенія, закрѣпленнаго на поприщѣ гражданственности и запечатлѣннаго кровью, пролитой на поляхъ брани подъ однимъ общимъ знаменемъ, вмѣстѣ съ братскимъ русскимъ народомъ, твердо вѣритъ, что близокъ тотъ день, когда свободно избранные представители всей земли русской безъ различія національностей, займутся устроеніемъ Россіи и ея окраинъ, въ томъ числѣ и Грузіи, состоящей изъ Тифлисской, Кутаисской губерній, Батумской области, Сухумскаго и Закатальскаго округовъ. Радѣя объ общей волѣ народа и нуждахъ государственныхъ, дворянство высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что мирное культурное развитіе грузинскаго народа возможно лишь при условіи признанія за Грузіей, этой неотъемлемой частью русскаго государства, добровольно связавшей свою судьбу съ его судьбой, права на управленіе законами, установленными мѣстнымъ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщей прямой, тайной и равной для всего населенія Грузіи подачи голосовъ

---

*

Программа партіи Д. Н. Шипова.

I. Народное представительство должно быть организовано какъ особое выборное учрежденіе—государственный Земскій Совѣтъ.

II. Въ кругъ обязанностей государственнаго Земскаго Совѣта должны входить: а) разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ; б) обсужденіе государственнаго бюджета; в) разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ; сверхъ того, предоставляется государственному Земскому Совѣту возбужденіе вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ.

Примѣчаніе. Всѣ законопроекты, возникшіе какъ по правительственной иниціативѣ, такъ и по иниціативѣ государственнаго Земскаго Совѣта, по предварительной разработкѣ ихъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ, поступаютъ въ особое правительственное учрежденіе, которе и вноситъ ихъ въ окончательной формѣ на разсмотрѣніе государственнаго Земскаго Совѣта.

III. Государственному Земскому Совѣту должно быть предоставлено право запроса министровъ, но министры отвѣтственны не передъ народнымъ представительствомъ, а предъ Государемъ.

IV. Предсѣдатель государственнаго Земскаго Совѣта утверждается Государемъ изъ избранныхъ Совѣтомъ кандидатовъ, и всѣ мнѣнія Совѣта докладываются Государю предсѣдателемъ Совѣта.

V. Народное представительство должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ послѣднее должно быть распространено по возможности на всѣ части Россійской имперіи.

VI. Русскій земско-государственный строй представляется въ слѣдующемъ развитіи: мелкія земскія единицы и уѣздные города, объединенные въ уѣздныхъ земствахъ, уѣздныя земства и губернскіе города—въ губернскихъ земствахъ, губернскія земства и города съ населеніемъ свыше установленной нормы—въ Государственномъ Земскомъ Совѣтѣ.

VII. Представительство въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, должно быть организовано не на сословныхъ началахъ, и къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи должны быть привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго самоуправленія".

Постановленіе Ярославскаго губ. земства.

Ярославское губернское земское собраніе чрезвычайной сессіи, происходившее 27 и 28 минувшаго марта, сдѣлало слѣдующее постановленіе по поводу рескрипта 18 февраля: 1) признать, что для правильнаго направленія работъ особаго совѣщанія, учрежденнаго по рескрипту отъ 18 февраля сего года на имя министра внутреннихъ дѣлъ для установленія порядка привлеченія достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія лицъ къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, а также и для того, чтобы работы совѣщанія внесли столь желательное успокоеніе въ настроеніе общества и народныхъ массъ, необходимо ускорить ходъ работъ особаго совѣщанія, ввести въ составъ его на всѣхъ стадіяхъ работъ, начиная съ первой, представителей существующихъ въ странѣ общественныхъ учрежденій и прежде всего представителей губернскихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ болѣе значительныхъ городовъ, по избранію этихъ учрежденій, а также обставить всѣ занятія особаго совѣщанія полной гласностью, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свободному обсужденію печати тѣ вопросы, которые должны составлять предметъ занятій особаго совѣщанія; 2) на основаніи Именного указа Сенату отъ 18-го февраля сего года представить изложенныя въ пунктѣ 1-мъ мнѣнія собранія на Высочайшее имя на предметъ разсмотрѣнія этого мнѣнія въ совѣтѣ министровъ; 3) вмѣстѣ съ тѣмъ поручить управѣ копію съ предоставленія на Высочайшее имя препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, какъ предсѣдателю особаго совѣщанія; 4) для разработки вопросовъ объ основаніяхъ народнаго представительства и о приложеніи этихъ основаній къ Ярославской губерніи, образовать спеціальную подготовительную комиссію губернскаго земства въ составѣ губернской земской управы и 20 губернскихъ гласныхъ по 2 отъ каждаго уѣзда, съ предоставленіемъ каждому губернскому гласному права принять участіе въ трудахъ комиссіи на правахъ члена; 5) привлечь къ трудамъ комиссіи на одинаковыхъ съ другими членами правахъ по 2 лица изъ числа уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, отъ крестьянскихъ обществъ каждаго уѣзда, причемъ избраніе этихъ лицъ должно быть произведено при посредствѣ уѣздныхъ земскихъ управъ, по возможности путемъ избранія всѣми гласными отъ крестьянскихъ обществъ уѣзда; при занятіяхъ въ комиссіи поручить губернской управѣ оплачивать проѣзды прибывшихъ на засѣданія гласныхъ крестьянъ по дѣйствительной стоимости и выдавать имъ по 3 рубля суточныхъ изъ статьи и смѣты на непредвидѣнныя надобности; 6) предоставить комиссіи приглашать въ засѣданіе лицъ по своему усмотрѣнію.

На основаніи Именного указа Сенату отъ 18-го февраля сего года губернское земское собраніе постановило представить на Высочайшее имя на предметъ разсмотрѣнія своего мнѣнія въ совѣтъ министровъ. Текстъ этого представленія таковъ:

„Ваше Императорское Величество.

Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 18 февраля сего года, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было даровать лицамъ и учрежденіямъ драгоцѣнное право вносить свои виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія на Имя Вашего Императорскаго Величества для разсмотрѣнія и обсужденія этихъ видовъ и предположеній въ совѣтѣ министровъ. Пользуясь этимъ правомъ, Ярославское губернское земское собраніе постановило представить на Имя Вашего Императорскаго Величества слѣдующее свое мнѣніе:

Губернское собраніе полагаетъ, что для правильнаго направленія занятій особаго совѣщанія, учрежденнаго по рескрипту отъ 18 февраля сего года на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ для установленія порядка привлеченія достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, а также и для того, чтобы работы совѣщанія внесли столь желанное успокоеніе въ настроеніе общества и народныхъ массъ, необходимо ускорить ходъ работъ особаго совѣщанія, ввести въ составъ его на всѣхъ стадіяхъ работъ, начиная съ первой, представителей существующихъ въ странѣ общественныхъ учрежденій и прежде всего представителей губернскихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ болѣе значительныхъ городовъ, по избранію этихъ учрежденій, а также обставить всѣ занятія особаго совѣщанія полной гласностью, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свободному обсужденію печати тѣ вопросы, которые должны составить предметъ занятій особаго совѣщанія".

Приговоръ сельскаго общества

Ивановское сельское общество Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи, 29-го марта составило приговоръ, рѣшивъ предоставить его, помимо земскаго начальника, въ особое совѣщаніе А. Г. Булыгина. Въ томъ приговорѣ 156 домохозяевъ говорятъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Самое важное, что должно разрѣшить особое совѣщаніе, это выработать привила выборовъ, какъ говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ, „достойнѣйшихъ, довѣріемъ облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей“. Наше крестьянское населеніе—самое большое, и оно больше другихъ терпитъ отъ тѣхъ порядковъ, которые теперь хотятъ упразднить и замѣнить новыми, справедливыми для всѣхъ. Мы чувствуемъ, что созывъ народныхъ представителей, что участіе въ законодательной работѣ—дѣло великое, дѣло, нами жданное и желанное.

„Мы услышали, наконецъ, призывающій Высочайшій рескриптъ и поняли, что одинъ путь остается для нашего спасенія отъ нищеты и тьмы — это созывъ народныхъ представителей. Вся наша надежда только на нихъ, истинныхъ нашихъ заступниковъ, а потому, откликаясь на Высочайшій рескриптъ, мы требуемъ: немедленнаго созыва народныхъ представителей для участія въ переустройствѣ нашего государственнаго порядка; а чтобы представители были дѣйствительными, истинными выразителями нашихъ нуждъ,—требуемъ, чтобы намъ не мѣшали выбирать того, кого мы захотимъ, а для этого нужно дать право всѣмъ писать и говорить свободно. По той же причинѣ требуемъ вездѣ отмѣны усиленной охраны—нагайки казаковъ и штыки солдатъ не успокоятъ насъ“.

Постановленія съѣзда профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній 25—28 марта 1905 г., принятыя на общихъ собраніяхъ.

1. По секціи общихъ дѣлъ.

I. Объединенные общей заботой о нуждахъ русскаго просвѣщенія и культурнаго развитія, мы, представители высшихъ учебныхъ заведеній, не можемъ не взирать съ глубокой тревогой на тяжелыя условія, переживаемыя нашей страной.

Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ представляетъ лишь частное проявленіе общаго кризиса русской жизни. Все русское общество напряженно ждетъ коренного преобразованія, которое должно привести къ обновленію государственнаго строя.

Вдумываясь въ смыслъ переживаемыхъ событій, мы, какъ граждане и какъ люди науки, внимательно наблюдающіе общественную жизнь, въ сознаніи своей отвѣтственности передъ страною, считаемъ долгомъ открыто заявить, что Россія находится на краю пропасти. Бѣдственное положеніе народныхъ массъ, созданное режимомъ, столько лѣтъ относившимся съ пренебреженіемъ къ интересамъ труда, приводитъ къ грознымъ симптомамъ—аграрнымъ волненіямъ и повсемѣстнымъ забастовкамъ рабочихъ.

Вопросы соціально-экономическаго устроенія народныхъ массъ, чрезвычайно обостренные продолжительною и несчастной войной, не были и не могутъ быть разрѣшены бюрократическимъ путемъ. Они встаютъ передъ Россіей во всемъ своемъ стихійномъ величіи, настойчиво требуя неотложнаго и справедливаго разрѣшенія. Все общество сверху до низу пришло въ движеніе, всѣ старыя основы уже фактически рушатся. Между тѣмъ, новыя формы еще не сложились, и общество переживаетъ періодъ полнаго разстройства, создающаго тягостную неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

Коренная политическая реформа нашего строя не терпитъ отлагательствъ. Каждая минута промедленія увеличиваетъ правительственную и отечественную анархію—ту смуту, которая грозитъ неисчислимыми бѣдствіями странѣ. Каждая минута промедленія неизбѣжно влечетъ за собою кровавыя осложненія. Они падутъ на отвѣтственность тѣхъ, кто можетъ и не хочетъ двинуть Россію впередъ.

Преобразованіе государственнаго строя Россіи должно быть основано на началахъ конституціонно-демократическихъ. Только бюрократическія учрежденія могутъ довольствоваться въ настоящее время совѣщательной функціей. Общественное же мнѣніе, организованное въ народное представительство, потребуетъ для себя рѣшающаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Совѣщательнымъ учрежденіемъ не можетъ быть осуществляемъ контроль надъ администраціей, необходимый въ видахъ установленія на незыблемыхъ началахъ законности управленія. Только рѣшающій голосъ народнаго представительства обезпечитъ основныя неприкосновенныя и неотъемлемыя права гражданина.

Коренная политическая реформа необходимо предполагаетъ предоставленіе народному представительству права на участіе въ осуществленіи законодательной власти, права на контроль надъ администраціей, права на ежегодное установленіе и провѣрку исполненія государственной росписи доходовъ и расходовъ.

Государственный строй преобразованной Россіи по своей соціальной структурѣ долженъ быть строемъ послѣдовательнаго и безусловнаго демократизма.

Національнымъ, вѣроисповѣднымъ, сословнымъ и классовымъ привилегіямъ и правоограниченіямъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ демократическомъ государствѣ. Такія привилегіи и правоограниченія противорѣчатъ идеѣ соціальной справедливости и соціальнаго равенства и, какъ таковыя, отвергаются правосознаніемъ политически мыслящей части русскаго общества.

Народное представительство будущей Россіи должно быть построено на началахъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права.

Всякое отступленіе отъ этихъ началъ влечетъ за собою искаженіе демократическаго принципа, установленіе классовыхъ привилегій для меньшинства, классовыхъ правоограниченій для народныхъ массъ.

Коренное преобразованіе государственнаго строя и улучшеніе экономическаго положенія не можетъ быть осуществлено средствами бюрократіи. Оно должно быть дѣломъ народныхъ представителей. Правильное, свободное избраніе этихъ представителей возможно только при условіи устраненія всякаго административнаго давленія на выборы. Посему созыву перваго народнаго собранія должно предшествовать немедленное упраздненіе всѣхъ существующихъ ограниченій свободы общественныхъ собраній, свободы печатнаго и устнаго слова, дабы все населеніе Имперіи, безъ различія классовъ, національностей и вѣроисповѣданій, могло принять одинаковое участіе въ общемъ дѣлѣ собиранія разсыпанной храмины русской земли.

II. Съѣздъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, собравшійся въ Петербургѣ, выражаетъ негодованіе по поводу неожиданнаго, немотивированнаго, поголовнаго увольненія студентовъ Варшавскаго университета и полагаетъ, что въ этомъ жестокомъ (суровомъ) рѣшеніи правительства вновь обнаруживается отсутствіе у него другихъ средствъ, кромѣ полицейскаго, бюрократическаго произвола, ведущаго лишь къ разрушенію.

III. Признавая, что разстройство академической жизни вызвано политическимъ положеніемъ страны, и что поэтому никакія мѣры, касающіяся спеціально высшихъ учебныхъ заведеній, не могутъ водворить въ нихъ спокойствіе,—съѣздъ полагаетъ, что

1) всякія попытки реформировать высшую школу бюрократическимъ путемъ безполезны; только на-

родное представительство будетъ имѣть должный авторитетъ для коренного переустройства высшихъ учебныхъ заведеній;

2) во избѣжаніе лишнихъ печальныхъ осложненій въ академической жизни, необходимо нынѣ же предоставить совѣтамъ (или соотвѣтствующимъ установленіямъ) надлежащія полномочія для самостоятельнаго управленія учебными заведеніями съ выборнымъ ректоромъ (или директоромъ) во главѣ.

2. По секціи академической.

I. Принимая во вниманіе, что практикуемая до сихъ поръ правительствомъ въ примѣненіи къ нерусскимъ національностямъ политика униженія и истребленія племенныхъ особенностей, равно какъ и ограниченія неправославнаго вѣроисповѣданія,— не только противорѣчитъ элементарнымъ началамъ справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ наноситъ явный вредъ нравственному, культурному и экономическому развитію и всей Россіи, какъ цѣлаго, и отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ ея народовъ; принимая, затѣмъ, во вниманіе, что такая руссификаторская политика является одною изъ причинъ нынѣшняго униженія русскаго государства и его внѣшняго и внутренняго безсилія,—съѣздъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ выразить рѣшительный протестъ по поводу этой политики и свое глубокое убѣжденіе въ необходимости предоставить всѣмъ національностямъ, живущимъ въ предѣлахъ Россіи, полную равноправность и признать ихъ право на самоопредѣленіе; этотъ принципъ долженъ найти себѣ ближайшее выраженіе въ предоставленіи мѣстному національному языку господствовать въ школѣ. Въ частности, политика правительства въ Царствѣ Польскомъ, въ особенности мѣры послѣднихъ дней, находится въ коренномъ противорѣчіи съ этимъ принципомъ.

II. Съѣздъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній считаетъ долгомъ высказать свое негодованіе и рѣшительный протестъ по поводу провокаторской дѣятельности отдѣльныхъ представителей власти и духовенства, нѣкоторыхъ общественныхъ группъ и учрежденій, какъ, напримѣръ, такъ называемыхъ, русскихъ собраній и органовъ печати, имѣющихъ цѣлью возбудить народъ противъ интеллигенціи и, въ частности, противъ учащейся молодежи.

Поселяя въ странѣ духъ розни и вражды, такая дѣятельность открываетъ предъ обществомъ страшную перспективу стихійной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ и является полнымъ отрицаніемъ самыхъ элементарныхъ условій общественной жизни.

Широкое и сильное политическое движеніе, охватившее различные слои и группы нашего общества, естественно распространилось и на высшія учебныя заведенія. Въ нихъ оно приняло форму общей забастовки учащихся. Грозно и неотложно сталъ передъ обществомъ и передъ преподавательскими коллегіями вопросъ о необходимости коренного переустройства академической жизни. Задача эта представляется дѣломъ чрезвычайной важности, и она можетъ разрѣшаться лишь въ связи и параллельно съ общею реформою нашего строя. Но совершенно ясно уже и теперь для тѣхъ, кто близко стоитъ къ дѣлу отечественнаго просвѣщенія, одно: Совѣты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, огромное большинство профессоровъ и преподавателей пришли къ единодушному заключенію о пагубности, опасности и, потому, недопустимости не только для дальнѣйшаго развитія, но и для самаго существованія высшей школы въ Россіи тѣхъ исключительныхъ мѣръ и полицейскихъ насилій, которыя непрерывно примѣнялись властью по отношенію къ студенчеству, постоянно возрастая въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ. Твердое убѣжденіе, вынесенное изъ долгаго тяжелаго опыта, побудило профессоровъ и преподавателей открыто заявить, что практика системы репрессій уже причинила академическому благосостоянію едва ли исчислимый и трудно поправимый вредъ. Такое убѣжденіе Совѣтовъ доведено уже до свѣдѣнія какъ общества, такъ и правительства, и оно нынѣ является фактомъ гласнымъ и общеизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ печать проникаютъ тревожныя вѣсти о новыхъ предположеніяхъ администраціи водворить внѣшній— формальный и призрачный — порядокъ въ учебныхъ заведеніяхъ обычными средствами полицейско-бюрократическаго обузданія—поголовными увольненіями студентовъ и профессоровъ и новымъ устроеніемъ академическаго быта канцелярскимъ путемъ. Передъ нами встаютъ при этихъ слухахъ знакомыя мрачныя картины: обструкція, междуусобіе между учащимися, занятіе зданій высшей школы полицейскою силою, отборъ среди учащихся благонадежныхъ отъ безпокойныхъ, массовыя исключенія и высылки, словомъ—безчисленныя жертвы. Офиціальные органы правительства не опровергли до сихъ поръ сообщенныхъ извѣстій. То, что произошло въ послѣдніе дни въ Петербургской Консерваторіи и Варшавскомъ Университетѣ, наоборотъ, заставляетъ думать, что такая угроза близка къ осуществленію.

Глубоко увѣренные въ томъ, что возобновленіе указанныхъ мѣропріятій приведетъ къ окончательной гибели высшаго образованія, въ которомъ такъ нуждается наша родина, мы—нижеподписавшіеся профессора и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній Россіи—не можемъ оставаться безучастными передъ наступающею бѣдою. При такомъ убѣжденіи мы считаемъ противорѣчащимъ нашему достоинству, нашему понятію о личной чести и гражданскомъ долгѣ—какимъ бы то ни было образомъ поддерживать практику полицейско-бюрократическаго воздѣйствія на учащееся юношество. Поэтому, считаемъ нравственно невозможнымъ чтеніе лекцій, веденіе практическихъ занятій и производство экзаменовъ при условіи примѣненія въ высшихъ школахъ репрессій и насилій. Мы твердо рѣшились этого не дѣлать.

III. Признавая въ настоящее время важнѣйшей общественной потребностью распространеніе и углубленіе политическихъ знаній, Съѣздъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній обращаетъ вниманіе мѣстныхъ группъ на необходимость озаботиться, путемъ чтенія лекцій, изданія популярныхъ брошюръ, участія въ повременной прессѣ, устройства кружковъ для самообразованія и т. д., о постоянной и широкой организаціи распространенія въ обществѣ знаній по основнымъ вопросамъ конституціоннаго права.

Постановленіе съѣзда агрономовъ и статистиковъ.

Съѣздъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію, при обсужденіи условій своей дѣятельности, прежде всего пришелъ къ заключенію, что ихъ работа не можетъ быть нормально направлена при настоящихъ условіяхъ общественно-политическаго и хозяйственнаго состоянія страны.

Въ странѣ началось революціонное движеніе, вызванное попираніемъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ населенія. Налоговое бремя, падающее наибольшею своею тяжестью на крестьянъ, и высокія арендныя платы истощили производительныя силы крестьянства. Полное безправіе, невѣжество и нищета, въ которыя ввергнута масса населенія современнымъ бюрократическимъ режимомъ, мѣшали и мѣшаютъ развитію народнаго хозяйства и поставили его въ безвыходное положеніе. Современное правительство, подавляя всякую самодѣятельность, препятствуя организаціи народ-

наго представительства на началахъ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія, мѣшаетъ разрѣшенію этого кризиса законодательнымъ путемъ. Такое положеніе вещей приводитъ къ тому, что революціонное движеніе и, прежде всего, крестьянское выливаются въ форму стихійныхъ, разрушительныхъ бунтовъ, которые грозятъ анархіей гражданской войны.

Въ виду этого съѣздъ полагаетъ необходимымъ:

I). Замѣну самодержавно-бюрократическаго режима свободно-демократическимъ строемъ, для каковой цѣли необходима немедленная организація учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ ограниченія пола, національности и вѣроисповѣданій.

II). При немедленномъ уничтоженіи положенія объ усиленной охранѣ—полную неприкосновенность личности и частнаго жилища, свободу слова, печати, вѣроисповѣданій, передвиженій, собраній, союзовъ, стачекъ и освобожденіе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія,—при каковомъ условіи единственно возможно правильное представительство всего народа въ учредительномъ собраніи.

Проектъ аграрной реформы.

I). Для наемныхъ рабочихъ всѣхъ сферъ труда долженъ быть установленъ восьми-часовой рабочій день, минимумъ заработной платы, государственное страхованіе — на началахъ самоуправленія страхованіе отъ болѣзней, старости, инвалидности и безработицы, нормировка рабочаго времени подростковъ и, вообще, широкое законодательство для охраны интересовъ всѣхъ трудящихся классовъ.

II). Финансовую политику реорганизовать на началахъ замѣны косвенныхъ налоговъ прогрессивнымъ подоходнымъ, а также прогрессивнымъ реальнымъ налогомъ, съ отмѣной выкупныхъ платежей и недоимокъ.

III). Немедленное прекращеніе настоящей, губительной войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ высказываетъ увѣренность, что все русское общество въ настоящее время не можетъ возлагать никакихъ надеждъ на работающія нынѣ различныя правительственныя комиссіи.

Въ цѣляхъ проведенія въ жизнь программы, изложенной въ настоящей резолюціи, и активнаго участія въ происходящемъ народномъ движеніи за политическое освобожденіе и экономическія реформы, съѣздъ призналъ необходимымъ организовать союзъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію.

Резолюція засѣданія бакинскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества отъ 6 февраля. Заслушавъ докладъ К. И. Хатисова на тему „Два слова о послѣднихъ двухъ рабочихъ стачкахъ въ гор. Баку“, собраніе, въ присутствіи болѣе 1000 чел., постановило:

Принимая во вниманіе:

1). что двукратно происходившія въ гор. Баку стачки въ 1903 г. (іюль) и 1904 г. (декабрь) носили по существу мирный характеръ экономическихъ требованій;

2) что стачки эти могли бы пройти при возможности свободнаго обмѣна мнѣній между рабочими и предпринимателями безъ всякихъ личныхъ жертвъ со стороны рабочихъ и безъ напрасныхъ матеріальныхъ потерь со стороны предпринимателей;

3) что существующія при нынѣшнемъ бюрократическомъ строѣ воспрещенія свободы личности, свободы собраній и союзовъ, свободы слова и печати и свободы стачекъ почти абсолютно лишали возможности многотысячное рабочее населеніе бакинскаго района обсудить свои требованія, благодаря чему стачки зачастую затягивались, принося совершенно напрасные милліонные убытки народному хозяйству;

4) что при такомъ положеніи вещей первымъ и необходимымъ условіемъ, при которомъ возможно разрѣшеніе рабочаго вопроса и мирное существованіе рабочихъ и предпринимателей, является свобода слова, печати, собраній и союзовъ и неприкосновенность личности;

5) что присвоеніе этихъ правъ исключительно одной части населенія уничтожало бы въ корнѣ самую свободу, а потому свобода эта должна быть предоставлена всѣмъ гражданамъ Россіи безъ различія сословій, національности и вѣроисповѣданій;

6) что права эти могутъ примирить интересы рабочихъ и предпринимателей лишь при гарантированіи ихъ основнымъ закономъ отъ всякаго рода нарушеній со стороны самой власти;

7) что такія законныя гарантіи могутъ быть выработаны лишь собраніемъ свободно избранныхъ представителей страны, постановило:

Признать необходимымъ созывъ представителей страны, избранныхъ на основаніи всеобщей полной, тайной, прямой и безъ различія національностей подачи голосовъ для установленія основныхъ нормъ, гарантирующихъ населенію свободу слова, печати на всѣхъ языкахъ, свободу совѣсти всѣхъ вѣроисповѣданій, собраній и союзовъ, каковой порядокъ единственно можетъ обезпечить отъ тяжелыхъ послѣдствій неправильнаго пониманія классоваго антагонизма и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ возможность самому рабочему классу безъ чуждой ему опеки со стороны бюрократіи и предпринимателей правомѣрно разрѣшить свой рабочій вопросъ.

Полагаемъ, что эта реформа, и только она обезпечитъ рабочему классу его заработокъ, а предпринимателямъ увѣренность въ возможности развитія производства.

Собраніе, принявшее изложенную резолюцію, на двѣ трети состояло изъ русскихъ, грузинъ, евреевъ поляковъ и, вообще, не-армянъ.

Резолюція Общаго Собранія членовъ Консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ Мировомъ Съѣздѣ. Выслушавъ 19 января 1905 года докладъ своего сочлена С. В. Метаксы о постановкѣ вопроса „о юридической помощи населенію“ на Съѣздѣ русской группы криминалистовъ въ Кіевѣ, собраніе выражаетъ свою полную солидарность съ слѣдующимъ постановленіемъ Съѣзда: „Рѣшая вопросъ о юридической помощи населенію, Съѣздъ находитъ, что при условіяхъ безправія и произвола, являющихся основными устоями современнаго русскаго строя, ни о какой юридической помощи не можетъ быть рѣчи, и полагаетъ, что устраненіе бѣдственнаго положенія, въ которомъ находится страна, и установленіе нормальной политической и юридической жизни возможно лишь тогда, когда въ Россіи будетъ введено представительное правленіе и будутъ созданы гарантіи свободы, личности, мысли, слова, печати, вѣроисповѣданія, собраній и союзовъ, а также равенство всѣхъ частей населенія передъ закономъ.

Реформы эти не могутъ быть осуществлены бюрократіей, неспособной къ творческому обновленію русской жизни, но лишь представителями народа, свободно избранными на началахъ всеобщей, тайной, прямой и равной подачи голосовъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Общее Собраніе Консультаціи выражаетъ и свое глубокое негодованіе по поводу грубаго насилія, совершеннаго г. Фойницкимъ совмѣстно съ администраціей надъ членами Съѣзда.

Записка Могилевскаго общества сельскаго хозяйства о нуждахъ государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія, посланная въ совѣтъ министровъ, согласно постановленію общаго собранія членовъ означеннаго общества. — Общее собраніе происходило 19 марта 1905 г. въ губ. гор. Могилевѣ.

Необъятное по пространству и численности населенія отечество наше въ настоящее время переживаетъ критическій моментъ своего историческаго развитія, выражающійся въ цѣломъ рядѣ такихъ нестроеній государственной и общественной жизни, которыя способны привести въ безысходные ужасъ и отчаяніе всего.

Горестныя неудачи русскаго оружія на Дальнемъ Востокѣ, необезпеченность экономическаго благосостоянія народа, тьма невѣжества, въ которомъ утопаетъ подавляющая своею численностью часть крестьянскаго населенія, неудовлетворительная постановка высшаго, средняго и начальнаго образованія, сословная и расовая рознь, приведшая къ тѣмъ печальнымъ безсмысленнымъ массовымъ безпорядкамъ которые уже имѣли мѣсто во многихъ городахъ и губерніяхъ, неувѣренность въ личной и имущественной безопасности и достигшее крайнихъ предѣловъ возбужденіе всего населенія Имперіи,— вотъ краткій перечень тѣхъ явленій, которыми характеризуется нынѣшній моментъ въ исторической жизни Россіи.

Безпристрастный анализъ тѣхъ условій, въ которыхъ протекала государственная жизнь нашего отечества, вплоть до событій послѣдняго времени, даетъ ключъ къ пониманію причинъ современнаго положенія вещей и указываетъ тѣ пути, которыми Россія можетъ быть призвана къ новой жизни.

Русская государственная жизнь сложилась въ направленіи, совершенно противоположномъ принципу раздѣленія властей: законодательной, исполнительной и судебной.

Когда, по мѣрѣ расширенія государственной территоріи и постепеннаго осложненія общественной жизни страны, фактическое осуществленіе всѣхъ трехъ властей въ одномъ лицѣ Самодержавнаго Монарха стало, въ силу простой физической необходимости, невозможнымъ, создался бюрократическій режимъ, поставившій непроницаемую преграду между Царемъ, искренно желающимъ блага своему народу, и этимъ народомъ, съ такою же искренностью стремящимся къ общему благоденствію подъ верховнымъ водительствомъ своего Государя.

Такое средостѣніе, образовавшееся между монархомъ и народомъ, неизбѣжно привело къ настоящему тяжкому положенію.

Бюрократическая опека создала безправность крестьянскаго населенія, привела большую часть его въ состояніе глубокаго общественнаго индифферентизма и совершенно устранила народъ отъ благотворнаго вліянія лучшей интеллигентной части общества.

Общественная самодѣятельность въ лицѣ земскаго и городского самоуправленія, въ теченіе 40 лѣтъ стѣсняемая въ своей дѣятельности правительственной опекой, не могла плодотворно выполнить тѣхъ задачъ, которыя были на нее возложены. Школа, усердно оберегаемая отъ мнимо вредныхъ идей, перестала служить прямымъ своимъ задачамъ и, на почвѣ искусственно внесенной въ нее политики, потеряла спокойное теченіе своей жизни. Лучшіе профессора принуждены отдаваться своей научной работѣ за предѣлами отечества. Учащаяся молодежь, не только въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вовлеченная ненормальнымъ ходомъ вещей въ политическую борьбу, лишена возможности спокойно продолжать свои занятія.

Опасеніе уронить престижъ бюрократіи, создавъ особую форму судебной отвѣтственности виновныхъ должностныхъ лицъ, привело къ фактической безнаказанности произвола чиновниковъ.

Въ русскій судъ шестьдесятъ четвертаго года проникли чуждыя ему административныя вліянія, а судебно-административная реформа 1889 года и новеллы, преслѣдующія цѣли, ничего общаго съ задачами правосудія не имѣющія, окончательно сразили его.

Честная печать, будучи вынуждена лавировать между унизительнымъ компромиссомъ и угрозой тяжелой административной кары, влачитъ жалкое существованіе.

Отсутствіе свободной критики дѣятельности правительства привело его къ опаснымъ увлеченіямъ въ той сферѣ, которая требуетъ наибольшей осторожности—въ управленіи финансами. Покровительственная система, несогласованная съ интересами сельскохозяйственной дѣятельности, система налоговъ, съ наибольшею тяжестью падающая на бѣднѣйшую часть населенія, и полное отсутствіе свободы союзовъ, могучихъ рычаговъ промышленности. тяжелымъ гнетомъ легли на экономическую жизнь страны, вызвавъ застой во всѣхъ ея отрасляхъ.

Созданная на короткій срокъ и просуществовавшая десятки лѣтъ усиленная охрана вырвала изъ среды общества тысячи молодыхъ силъ и совершенно не внесла того успокоенія, ради котораго была призвана къ жизни.

Факты бакинскаго, кишиневскаго, гомельскаго и могилевскаго погромовъ, избіеніе мирныхъ гражданъ въ Москвѣ, Тамбовѣ, Псковѣ и др. мѣстахъ, избіеніе дѣтей въ Курскѣ, прискорбныя событія 9-го января въ Петербургѣ навсегда останутся краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ противъ системы бюрократическаго режима, не имѣющаго точки опоры въ довѣріи и сочувствіи населенія.

Бюрократія, удаляя отъ всякаго соприкосновенія съ народомъ лучшія силы интеллигенціи, шедшія къ нему навстрѣчу съ самыми искренними и благожелательными цѣлями, не сумѣла предохранить народъ отъ подпольныхъ вліяній крайняго революціоннаго движенія.

Благожелательная часть интеллигенціи, не находившая въ себѣ способности искать иныхъ путей къ общенію съ народомъ, кромѣ легальныхъ, и видя послѣдніе для себя закрытыми, не могла оказать того благотворнаго вліянія, которое подняло бы умственный и нравственный уровень массъ, могущій дать отпоръ пропагандѣ крайнихъ революціонныхъ ученій. Послѣднія же, проникнувъ въ крестьянскую среду, изнемогающую въ тяжелой борьбѣ съ постепеннымъ пониженіемъ благосостоянія, потерявшую всякое довѣріе къ авторитету власти, нашли для себя въ непросвѣщенной массѣ благопріятную почву и выразились въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ массовыхъ движеній, уже проявившихся въ Орловской, Курской, Черниговской, Витебской, Гродненской, Могилевской и др. губерніяхъ...

Глубокое броженіе царитъ въ настоящее время въ предѣлахъ чуть-ли не всей Россіи, обѣщая создать въ самомъ недалекомъ будущемъ безпощадный, кровавый бунтъ на аграрной почвѣ, угрожающій снести въ разгарѣ присущихъ грубой силѣ страстей въ одномъ общемъ ураганѣ и зажиточные классы населенія, и интеллигенцію, и всю выработанную вѣками культуру, и послѣдніе слѣды государственнаго порядка...

Таково положеніе всей Россійской Имперіи!

Тяжесть же положенія Сѣверо-Западнаго края, въ предѣлахъ коего суждено жить намъ, членамъ Могилевскаго общества сельскаго хозяйства еще усугубляется цѣлымъ рядомъ исключительныхъ и ограничительныхъ законовъ и распоряженій администраціи, несовмѣстимыхъ съ неоднократно выраженной Высочайшими манифестами волей Государя Императора.

За преступныя, съ государственной точки зрѣнія, дѣянія немногочисленной части населенія весь на-

родъ на пространствѣ цѣлаго края уже 40 лѣтъ лишенъ гражданскихъ правъ первостепенной важности.

Земскія учрежденія 1864 года не коснулись его своимъ живительнымъ вліяніемъ. Выборный институтъ мировыхъ судей, оставившій по себѣ въ населеніи центральной Россіи добрую память, не былъ распространенъ на сѣверо-западный край. Даже вмѣсто урѣзаннаго, но сохранившаго слѣды выборнаго начала земства 1890 года, онъ вынужденъ довольствоваться учрежденіемъ съ гласными по назначенію и цѣлымъ рядомъ членовъ по должности.

Часть населенія (поляки и евреи) лишена такихъ элементарныхъ правъ, какъ права пріобрѣтенія земельной собственности, права государственной службы, права печатанія на родномъ языкѣ періодическихъ изданій, свободы богослуженія и права обученія на родномъ языкѣ даже Закону Божьему.

Еврейское населеніе, искусственно сдавленное на ограниченномъ пространствѣ, стѣсненное въ правѣ на образованіе и принужденное, въ силу ограничительныхъ законовъ, заниматься только торговлею и ремеслами и то лишь на этомъ пространствѣ, въ массѣ терпитъ невыразимую нищету, крайне понижая заработную плату и производя издѣлія самаго низкаго достоинства. Одаренное исключительною предпріимчивостью, трезвое и бережливое еврейское населеніе развращается исключительными и оскорбительными законами и, въ силу особаго своего положенія, вынуждено всѣми путями искать заработка, хотя бы посредствомъ эксплоатаціи другихъ частей населенія. Такое угнетенное положеніе, естественно, способствуетъ отчужденію евреевъ отъ всего русскаго, что, въ свою очередь, отражается и на отношеніи къ евреямъ той части русскаго населенія, которая не умѣетъ дать себѣ отчета въ причинахъ указаннаго явленія.

Бо́льшая экономическая обезпеченность и болѣе высокій культурный уровень польскаго населенія, наслѣдіе его историческаго прошлаго,—въ извѣстной степени предохраняетъ его отъ вредныхъ послѣдствій гнета ограниченій, тѣмъ не менѣе исключительное положеніе не можетъ не служить тормазомъ на пути братскаго сближенія польскаго и русскаго элементовъ края.

Такимъ образомъ, ко всѣмъ нестроеніямъ, общимъ для всѣхъ частей Имперіи, въ Сѣверо-Западномъ краѣ присоединяется искусственно поддерживаемая національная и вѣроисповѣдная рознь, переходящая въ непросвѣщенной средѣ въ глухую вражду, которая, въ свою очередь, въ моменты остраго нервнаго напряженія имѣетъ тенденцію проявляться въ особенно рѣзкихъ формахъ насилія.

Въ силу изложенныхъ условій, опасность народнаго взрыва, о которой говорилось по отношенію ко всей Россіи вообще, въ нашемъ краѣ грозитъ особенной напряженностью и заставляетъ всѣхъ благомыслящихъ людей забыть личные интересы и старые счеты и, соединивъ для общаго спасенія свои силы, искать рука объ руку обновленія страны, способнаго направить ее на путь мирнаго процвѣтанія.

Ускоренный ходъ общественной жизни послѣдняго времени и грозно надвигающіяся тучи народныхъ волненій требуютъ скорѣйшаго выхода на новую дорогу, и единственнымъ способомъ предотвращенія грозящей катастрофы, по глубокому убѣжденію Могилевскаго общества сельскаго хозяйства, можетъ служить лишь проведеніе цѣлаго ряда реформъ.

Основнымъ фундаментомъ таковыхъ реформъ должны служить водвореніе на мѣсто бюрократическаго произвола началъ строгой законности и свободной самодѣятельности населенія, являющихся первыми условіями успѣха на пути прогресса, и созданіе сильной, имѣющей опору въ довѣріи страны, отвѣтственной за свои дѣйствія власти.

Проведеніе этихъ принциповъ въ жизнь возможно путемъ дарованія всему населенію Имперіи, безъ различія сословій, вѣроисповѣданій, національностей и имущественныхъ состояній, нижеслѣдующихъ правъ, являющихся достояніемъ гражданъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ:

1. Гарантія личной свободы и неприкосновенности жилища, устанавливающая личное задержаніе, вторженіе въ частныя квартиры и вскрытіе частной корреспонденціи лишь по постановленію суда; право арестованныхъ въ исключительныхъ случаяхъ безъ такого постановленія требовать представленія суду въ 24-часовой срокъ, а равно право свободнаго передвиженія, какъ внутри Имперіи, такъ и за ея предѣлами и свобода труда.

2. Свобода совѣсти и право публичнаго отправленія богослуженія.

3. Свобода всей печати, допускающая ея отвѣтственность лишь по суду.

4. Равенство всѣхъ подданныхъ передъ лицомъ закона, исключающее возможность какихъ либо ограниченій по сословіямъ, національностямъ, вѣроисповѣданіямъ и имущественнымъ состояніямъ.

5. Право петицій, предоставляющее каждому гражданину возможность довести свой голосъ до свѣдѣнія законодательной власти, осуществляемой народнымъ представительствомъ.

6. Свобода союзовъ, преслѣдующихъ невоспрещенныя закономъ цѣли; право стачекъ рабочихъ и право собраній для совмѣстнаго обсужденія.

7. Привлеченіе къ уголовной и гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ въ общемъ порядкѣ.

8. Нормальная организація земскаго и городского самоуправленія съ полнымъ устраненіемъ сословности и приближеніемъ къ населенію путемъ созданія мелкой земской единицы; расширеніе круга вѣдомства самоуправленія на всѣ отрасли мѣстной жизни и сообщеніе ему должной устойчивости, устраняющей всякое стороннее вліяніе на направленіе его дѣятельности.

9. Академическая свобода съ устраненіемъ всѣхъ ограниченій въ дѣлѣ ученія и обученія, кромѣ вытекающихъ изъ общаго уголовнаго кодекса, и направленная къ распространенію всеобщаго безплатнаго начальнаго образованія система народнаго просвѣщенія.

10. Согласованная съ истинными интересами страны и преобладающимъ земледѣльческимъ ея характеромъ программа аграрной политики съ учрежденіемъ народнаго земельнаго фонда изъ казенныхъ, удѣльныхъ и выкупаемыхъ добровольно отъ владѣльцевъ частныхъ имуществъ съ установленіемъ въ законѣ для послѣднихъ предѣльныхъ нормъ при вновь совершаемыхъ покупкахъ.

11. Финансовая политика, направленная къ установленію прогрессивно-подоходной системы налоговъ.

12. Амнистія всѣхъ политическихъ осужденныхъ.

13. Уничтоженіе всѣхъ исключительныхъ законовъ и распоряженій ограничительнаго характера, дѣйствующихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и пріобщеніе его къ жизни всей Имперіи на изложенныхъ началахъ.

14. Всѣ перечисленныя реформы государственнаго строя могутъ быть достигнуты исключительно путемъ правильнаго и постояннаго участія народнаго представительства: а) въ законодательствѣ страны, б) въ утвержденіи государственнаго бюджета и в) въ контролѣ за законностью дѣйствій исполнительной власти, осуществляемой отвѣтственнымъ передъ народнымъ преставительствомъ однороднымъ кабинетомъ министровъ.

Сложившееся историческимъ путемъ положеніе настоящаго времени носитъ настолько опредѣленный и острый характеръ, что необходимость немедленнаго проведенія въ жизнь изложенныхъ реформъ

сознана всѣмъ сознательно относящимся къ переживаемому моменту населеніемъ страны.

Восторженно встрѣченный рескриптъ Государя Императора на имя министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 18 минувшаго февраля, даетъ полную увѣренность, что Его Императорское Величество даруетъ странѣ желанную реформу, и въ настоящее время ни у кого не возникаетъ сомнѣній, что къ участію въ законодательной власти будутъ призваны свободно избранные представители всего населенія Имперіи.

Вопросъ же объ участіи представителей Сѣверо-Западнаго края въ законодательной организаціи перваго призыва стоитъ совершенно неопредѣленно.

Между тѣмъ, именно этотъ край, въ силу изложенныхъ выше мотивовъ, особенно нуждается въ представительствѣ для выясненія своихъ насущнѣйшихъ потребностей въ первой же законодательной организаціи, работы которой, несомнѣнно, должны оказать глубокое вліяніе на все дальнѣйшее законодательство страны, и по своему положенію онъ можетъ съ полной надеждой на успѣхъ воспользоваться дарованною Государемъ Императоромъ милостью, такъ какъ въ настоящій моментъ передъ загорающейся зарей новой свободной государственной жизни всѣ части населенія готовы въ братскомъ единеніи итти рука объ руку по новому пути къ общей цѣли — процвѣтанію отечества.

Митингъ въ Ялтѣ.

15-го марта, т. е. черезъ день послѣ погрома, состоялся въ Ялтѣ съ разрѣшенія начальника губерніи грандіозный народный митингъ, на которомъ присутствовало нѣсколько тысячъ человѣкъ. Митингъ происходилъ на открытомъ воздухѣ на площади Мордвиновскаго сада.

Говорились рѣчи на политическія темы. Было выработано заявленіе, которое рѣшено отправить въ совѣтъ министровъ. Подъ заявленіемъ подписалось болѣе 1600 человѣкъ. Заявленіе гласитъ:

„Рабочіе гор. Ялты, собравшись 15 марта 1905 г., съ разрѣшенія господина управляющаго губерніей, для обсужденія своихъ нуждъ, рѣшили обратиться въ совѣтъ министровъ со слѣдующимъ заявленіемъ.

Проведеніе въ жизнь созидательныхъ реформъ, а тѣмъ болѣе народнаго представительства, возможно только при свободномъ и спокойномъ обсужденіи ихъ всѣмъ народомъ, чего можно достигнуть только при внутреннемъ и внѣшнемъ умиротвореніи и дарованіи полныхъ гражданскихъ правъ ея населенію. Неотложной необходимости этихъ условій плодотворной созидательной работы правительство, повидимому, до сихъ поръ не сознаетъ, что внушаетъ рабочимъ чувство глубокаго недоумѣнія, безпокойства и недовѣрія. По ихъ мнѣнію, довѣріе между правительствомъ и народомъ и возможность спокойной совмѣстной работы можетъ быть установлено при слѣдующихъ условіяхъ: 1) отмѣна всѣхъ законовъ, ограничивающихъ гражданскія права населенія, и предоставленіе ему свободы слова, печати, союзовъ, стачекъ, свободы совѣсти, неприкосновенности личности и жилищъ. Уничтоженіе закона объ усиленной охранѣ; уничтоженіе административной опеки земскихъ начальниковъ надъ крестьянами и уравненіе ихъ правъ съ правами всѣхъ сословій; уравненіе въ правахъ всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій; 2) снятіе административныхъ каръ и полная амнистія пострадавшихъ за политическія убѣжденія; 3) немедленное перемиріе съ Японіей.

Только обладая полными гражданскими правами и спокойствіемъ за свою жизнь и благосостояніе, народъ можетъ воспользоваться дарованнымъ ему правомъ выбора своихъ представителей.

При этомъ рабочіе находятъ необходимымъ представительство народа всеобщимъ и равнымъ, а избраніе прямымъ и тайнымъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ будутъ заявлены нужды всѣхъ классовъ населенія и выбраны только тѣ, кого желаетъ самъ народъ.

Этому собранію довѣріемъ облеченныхъ гражданъ должны быть предоставлены, по мнѣнію рабочихъ, права учредительнаго собранія и разрѣшеніе слѣдующихъ неотложныхъ вопросовъ, поставленныхъ самой жизнью:

1) Заключеніе мира съ Японіей.

2) Достаточное обезпеченіе земледѣльческаго класса землею за счетъ государства.

3) Рабочее законодательство, защищающее въ одинаковой мѣрѣ какъ интересы предпринимателей, такъ и интересы рабочихъ.

4) Обезпеченіе рабочихъ за счетъ государства при неспособности къ труду и въ старости.

5) Уменьшеніе косвенныхъ налоговъ и введеніе прямого подоходнаго налога.

6) Безплатное, общедоступное и свободное низшее, среднее и высшее образованіе.“

Слѣдуетъ 1627 подписей.

Подлинникъ отправленъ въ совѣтъ министровъ.

Петиція жителей Одесскаго уѣзда, принадлежащихъ къ различнымъ сословіямъ (въ томъ числѣ и къ крестьянскому), чрезвычайному губернскому земскому собранію.

Неустройства и непорядки нашей государственной и общественной жизни вызвали глубокое возбужденіе всѣхъ общественныхъ силъ.

Лучшіе люди страны давно смотрѣли со страхомъ на будущее народа, экономически разореннаго, лишеннаго истиннаго просвѣщенія и всѣхъ условій, необходимыхъ для правильнаго развитія личной и общественной иниціативы и самодѣятельности.

Несчастная война, чуждая интересамъ народа, безцѣльная, разорительная, кровопролитная, угрожающая всѣми ужасами истощенному матеріально и угнетенному нравственно населенію, настойчиво вызываетъ всеобщую и первѣйшую заботу о благѣ мира.

Высочайшимъ указомъ 12 декабря 1904 г. осуждена традиціонная система бюрократическаго режима, а рескриптомъ 18 февраля 1905 г. на имя А. Г. Булыгина и указомъ Сенату предписанъ поворотъ на новый путь совмѣстныхъ трудовъ Верховной власти съ народомъ.

Поворотъ долженъ совершиться немедленно: волненія рабочихъ и крестьянъ, избіеніе народа въ столицахъ, насилія надъ интеллигенціей и учащимися, армянская рѣзня и еврейскіе погромы—все это грозитъ принять внушительные размѣры.

Исполняя священный долгъ, возложенный на каждаго указомъ 18 февраля 1905 г., мы, нижеподписавшіеся граждане Херсонской губерніи, считаемъ своею обязанностью настаивать на неотложности коренной государственной реформы.

Мы просимъ земское собраніе разсмотрѣть, отозваться и черезъ своихъ делегатовъ быть выразителями слѣдующихъ требованій.

1) Въ основу реформъ долженъ быть положенъ порядокъ, гарантирующій каждому неотъемлемыя права свободныхъ гражданъ.

2) Всѣ ограниченія и стѣсненія разныхъ національностей, входящихъ въ составъ государства, должны быть уничтожены.

3) По всѣмъ политическимъ преступленіямъ должна быть объявлена полная амнистія.

4) Только при условіи признанія этихъ правъ должны быть безотлагательно созваны на началахъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ представители отъ всего народа безъ различія національ-

нальностей и вѣроисповѣданій, для участія въ законодательной работѣ страны.

Въ числѣ другихъ лицъ петицію подписали земскіе дѣятели и служащіе одесской уѣздной земской управы.

Заявленіе въ Херсонское губернское земское собраніе.

Въ переживаемый нами историческій моментъ новыхъ законодательныхъ предначертаній путемъ созыва свободно избранныхъ предетавителей для осуществленія справедливыхъ началъ государственной и общественной жизни, обезпечивающей равныя политическія и гражданскія права всего населенія, мы, русскія женщины, не можемъ мириться съ тѣмъ обиднымъ для человѣческаго достоинства безправнымъ положеніемъ, въ которое поставлены всѣмъ ходомъ исторической жизни.

Мы обращаемся въ Херсонское губернское земское собраніе съ просьбой быть выразителемъ нашихъ требованій въ предстоящемъ собраніи народныхъ представителей о признаніи за русской женщиной, безъ различія національностей, сословій и вѣроисповѣданій, всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ.

Въ настоящее время, когда идея равенства проникла въ общественное сознаніе и культурное человѣчество стремится къ осуществленію „декларацiи правъ человѣка“, господство одного пола надъ другимъ является анахронизмомъ, позорнымъ пережиткомъ, которому долженъ быть положенъ конецъ. Русская женщина, до сихъ поръ пребывая безправнымъ членомъ въ государствѣ, лишена возможности примѣненія своихъ силъ на поприщѣ общегосударственной жизни своей родины наравнѣ съ мужчинами.

Владѣя имуществомъ и уплачивая установленные сборы въ земскую, городскую и государственную кассу, женщина въ то же время лишена, соединенныхъ съ обязанностями плательщика, избирательныхъ правъ.

Въ настоящее время, когда всѣми земскими учрежденіями разрабатывается важный вопросъ о всесословной земской единицѣ, женщина оставлена въ прежнемъ безправіи.

Въ составѣ суда присяжныхъ, комплектуемыхъ изъ представителей всѣхъ слоевъ населенія, женщина лишена права участія.

Законнѣйшія стремленія женщинъ къ высшему образованію удовлетворяются не въ полномъ объемѣ. Немногія высшія учебныя заведенія, при томъ созданныя и поддерживаемыя частной иниціативой, не могутъ вмѣстить всѣхъ жаждущихъ свѣта знанія и науки. Только одинъ свободный доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія, не исключая спеціальныхъ, закрѣпитъ за женщиной право на высшее образованіе и поставитъ ее въ ряды равноправныхъ работниковъ.

При разсмотрѣніи вопроса объ университетской реформѣ, долженъ быть поставленъ и разрѣшенъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ о допущеніи женщинъ во всѣ университеты и спеціальныя учебныя заведенія.

Резюмируя изложенныя здѣсь детали общаго безправнаго положенія русской женщины, при данныхъ условіяхъ государственной и общественной жизни, мы надѣемся, что Херсонское губернское собраніе присоединитъ свой голосъ къ общему требованію объ уравненіи правъ женщинъ.

Въ будущей обновленной Россіи свободныхъ гражданъ должна воспитывать свободная, полноправная гражданка-мать.

Копіи разосланы всѣмъ губернскимъ гласнымъ.

Резолюція казанскихъ гимназистовъ.

Представители старшихъ классовъ Казанской 1 гимназіи, собравшись 30 марта 1905 г. на общую сходку, выработали требованія, удовлетвореніе которыхъ могло бы хоть нѣсколько ослабить тяжелый гимназическій режимъ и успокоить волнующуюся молодежь.

Эти требованія слѣдующія:

1) Созывъ совѣщанія родителей и постоянное ихъ участіе въ педагогическихъ совѣтахъ гимназіи.

2) Свобода ученическихъ организацій и обществъ для самообразованія съ правомъ изданія собственнаго журнала.

3) Разрѣшеніе ученическихъ собраній для обсужденія общегимназическихъ нуждъ.

4) Свобода учрежденія учениками кассы взаимопомощи.

5) Доступъ въ публичныя библіотеки, въ засѣданія ученыхъ обществъ, земскія собранія и залы судебныхъ засѣданій.

6) Уничтоженіе внѣкласснаго надзора и передача его родителямъ.

7) Уничтоженіе балльной системы.

8) Необязательное посѣщеніе церкви и молитвъ.

9) Устройство читальни и пополненіе ученическихъ библіотекъ книгами, дозволенными общею цензурою.

10) Свободное посѣщеніе театровъ и концертовъ.

11) Устраненіе гигіеническихъ недостатковъ въ зданіи гимназіи.

12) Обязательное ношеніе формы только при посѣщеніи гимназіи.

13) Немедленное удаленіе П. Н. Черняева отъ занимаемой имъ должности преподавателя и наставника.

14) Исключенные ученики, пожелавшіе вновь поступить въ гимназію, должны быть приняты.

Въ Екатеринодарѣ разсылаются слѣдующія письма.

Милостивый государь!

Настоящимъ имѣемъ честь предупредить васъ, что благодаря вашимъ направленіямъ, политическому и гражданскому, а также и дѣяніямъ вашимъ — дѣяніямъ чисто анархическаго характера, мы, скрѣпя сердце, предлагаемъ очистить Екатеринодаръ и его предѣлы отъ вашего пребыванія; въ противномъ случаѣ преслѣдованія властей заставятъ васъ отказаться отъ всякой свободы вашихъ убѣжденій.

Итакъ мы говоримъ! бѣгите! торопитесь! времени мало.

Братство „Кречетовъ“.

Апрѣля 3-го дня 1905-го года.

г. Екатеринодаръ.

Петиція латышей.

Въ совѣтъ министровъ поступила нижеслѣдующая петиція, подписанная болѣе чѣмъ 200 латышскихъ общественныхъ дѣятелей:

„Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 18-го февраля с. г. повелѣно совѣту министровъ разсмотрѣть и обсуждать на имя Вашего Императорскаго Величества поступившія отъ частныхъ лицъ и учрежденій предложенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и поднятія народнаго благосостоянія. На основаніи того мы, нижеподписавшіеся латышскіе художники, артисты, писатели, публицисты, актеры, учителя, врачи, дѣятели по судебной части и другіе представители свободныхъ профессій и латышской интеллигенціи, въ слѣдую-

щихъ статьяхъ изложили то, что не только мѣшаетъ усовершенствованію благоустройства въ населенныхъ латышами губерніяхъ и поднятію благосостоянія нашего народа, но дѣлаетъ невозможнымъ мирное и нормальное хозяйственное развитіе и всю, вообще, духовную жизнь, чѣмъ препятствуетъ успѣшному выполненію высокихъ Вашего Императорскаго Величества намѣреній, обращенныхъ на обновленіе духовной жизни народа.

Мы глубоко убѣждены, что поднятіе народнаго благосостоянія и усовершенствованіе благоустройства, равно и обсужденіе и обновленіе всей народной жизни, возможно лишь при участіи всѣхъ сословій и званій безъ исключенія, всѣхъ, кому дорого общее благо и государственное благосостояніе, какъ указано въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 18-го февраля с. г. Для успѣшности такого участія необходимо, чтобы въ настоящее время, знаменуемое усовершенствованіемъ государственнаго порядка, было бы разрѣшено свободное обсужденіе всѣхъ нашихъ жизненныхъ вопросовъ не только въ прессѣ и книгахъ, но и въ обществахъ, и на публичныхъ собраніяхъ и чтобы сейчасъ были отмѣнены всѣ ограниченія латышской прессы, которыя ставятъ ее въ худшее положеніе сравнительно съ русской и нѣмецкой прессой, запрещая обсужденіе жгучихъ жизненныхъ вопросовъ, напр., аграрныхъ, церковныхъ, школьныхъ, рабочихъ, городского хозяйства и т. п., и не допуская свободной защиты противъ нападокъ нѣмецкой прессы. Чтобы у каждаго была возможность защищаться, вполнѣ заявлять о своихъ нуждахъ и дать свои указанія, необходимо немедленное объявленіе личной свободы и неприкосновенности, также неприкосновенности частнаго жилища и помѣщеній обществъ и тайны писемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимы помилованіе всѣхъ потерпѣвшихъ за свои убѣжденія, религіозныя или политическія, и отмѣна наказыванія политическихъ преступниковъ административнымъ путемъ. Эти же, только что помянутыя права, безъ которыхъ, какъ насъ учила наша исторія, невозможно успѣшное развитіе ни духовной, ни хозяйственной жизни народа, должны быть закономъ дарованы на вѣчныя времена.

Ближе обсуждая нашу жизнь и препятствія ея развитію, мы находимъ цѣлый рядъ препонъ и недостатковъ, изъ которыхъ болѣе всего мѣшаютъ поднятію народнаго благосостоянія и развитію духовной жизни и предпріимчивости, во-первыхъ, нынѣшнимъ обстоятельствамъ хозяйственной жизни уже давно несоотвѣтствующая форма управленія ея мѣстными нѣмецкими дворянскими ландтагами, вмѣстѣ съ устарѣлыми привилегіями одного сословія и относительнымъ безправіемъ другихъ, а, во-вторыхъ, — административная опека, какъ система, и административный произволъ, какъ ея слѣдствіе.

I. Отъ излишка административной опеки первымъ дѣломъ страдаетъ наша пресса, которою руководятъ слѣдующія лица и учрежденія: отдѣльный цензоръ въ Ригѣ, вице-губернаторъ, полиція въ качествѣ цензора объявленій и вывѣсокъ, духовная цензура, инспекція и цензура типографій, драматическая цензура, полиція, въ качествѣ органа, недопускающаго къ представленію цензурованныхъ драматическою цензурою пьесъ, попечитель учебнаго округа и директоръ народныхъ школъ, въ качествѣ цензора публичныхъ лекцій. Эти учрежденія нерѣдко даютъ другъ другу противорѣчащія предписанія, дозволяютъ одной газетѣ то, что запрещаютъ другой, уничтожаютъ такимъ образомъ чувство справедливости и дѣлаютъ невозможнымъ выставленіе фактовъ въ истинномъ свѣтѣ, правильное обсужденіе ихъ и защиту противъ нападковъ и инсинуацій. Цензура стремится смотрѣть на всѣ наши періодическія изданія и книги, какъ на „народныя изданія“; примѣняя самое низшее мѣрило „Сельскаго Вѣстника“, не допускаетъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ темъ и вопросовъ: ни аграрнаго, ни о земскомъ самоуправленіи и т. п., не дозволяетъ даже переводить русскую цензурованную литературу и газетныя статьи, даже изъ „Правительственнаго Вѣстника“. Между тѣмъ, наши читатели— не полуграмотные мужики, а обширные круги интеллигенціи, свободныхъ профессій, торговаго и промышленнаго міра, хозяева-фермеры, вообще, люди съ образованіемъ, по крайней мѣрѣ, народныхъ и городскихъ училищъ. Притомъ наша пресса по содержанію ея статей, размѣрамъ цѣнъ, внѣшнему художественному виду изданій, во всякомъ случаѣ, равняется русской, а подавно мѣстной нѣмецкой прессѣ.

Въ виду этого всѣ ограниченія со стороны цензуры подлежатъ отмѣнѣ, и нашей прессѣ, и книжному дѣлу должны быть даны такія же права, какія будутъ даны русской прессѣ и требуются ея представителями; прежде всего же надлежитъ отмѣнить предварительную цензуру и ея множественность.

II. Вся наша общественная жизнь также вполнѣ зависима отъ мѣняющихся взглядовъ администраціи: концерты, публичныя лекціи, театральныя представленія, выставки картинъ, засѣданія обществъ, собранія разрѣшаются и запрещаются безъ всякой системы, по минутному усмотрѣнію администраціи и на основаніи некомпетентныхъ указаній низшихъ нерѣдко малограмотныхъ чиновниковъ, по большей части полицейскихъ. Особенныя препятствія встрѣчаютъ публичныя лекціи и театральныя представленія, причемъ требуютъ каждый разъ предъявленія цензурованнаго экземпляра пьесы, хотя бы она ставилась нѣсколько разъ, и представленъ номеръ разрѣшенія или афиша; требуютъ также, чтобы старыя пьесы были вторично цензурованы драматической цензурой, чтобы представлялось письменное согласіе на представленіе отъ автора и т. п. Добиться разрѣшенія на публичную лекцію еще труднѣе, такъ, напримѣръ, потребовались два года, пока было разрѣшено читать рефератъ о книгѣ, изданной Императорской академіей наукъ (о латышскихъ народныхъ пѣсняхъ). Учрежденіе полезныхъ обществъ также обставлено множествомъ препятствующихъ обстоятельствъ.

Всѣ такія ограниченія подлежатъ отмѣнѣ, и необходима свобода религіозныхъ и научныхъ воззрѣній, облегченіе основанія разныхъ обществъ, свобода собраній, публичныхъ лекцій, представленій, выставокъ и т. п.

III. Развитіе нашихъ школъ, открытіе ихъ и вообще распространеніе образованія, какъ-то: веденіе вечернихъ, художественныхъ, ремесленныхъ и иныхъ курсовъ, воскресныхъ школъ, публичныхъ лекцій, библіотекъ, музей и т. д. тоже вполнѣ отдано подъ руководство администраціи, что уничтожаетъ всякую частную иниціативу и держитъ народъ въ умственной темнотѣ. Второе препятствіе успѣшному распространенію образованія составляетъ изгнаніе мѣстнаго народнаго языка изъ школъ и другихъ образовательныхъ учрежденій.

Поэтому надлежало бы: 1) отмѣнить должности инспекторовъ и директоровъ народныхъ школъ, передать народныя и среднія школы въ вѣдѣніе мѣстныхъ органовъ волостного, городского и земскаго самоуправленія, которыя заботятся объ ихъ содержаніи; гдѣ казна участвуетъ въ содержаніи школъ, тамъ она должна имѣть право надзора; 2) право основанія и содержанія школъ и другихъ образовательныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и среднихъ и съ латышскимъ преподавательнымъ языкомъ, должно быть дано каждому, по суду необвиненному взрослому лицу обоего пола по простой явочной системѣ; 3) обученіе въ народныхъ школахъ въ деревнѣ и въ городахъ должно быть обязательное и безплатное для каждаго; 4) въ народныхъ школахъ преподавательнымъ языкомъ долженъ быть мѣстный

латышскій языкъ съ обязательнымъ обученіемъ русскому языку, какъ преподавательному предмету.

IV. Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій къ достиженію народнаго хозяйственнаго благополучія и умственнаго развитія представляется упомянутое уже ограниченіе гражданскихъ правъ мѣстнаго народнаго языка. Латышскій языкъ слѣдуетъ тамъ, гдѣ большинство населенія латыши, ввести не только 1) языкомъ преподаванія въ школахъ, но 2) и дѣлопроизводственнымъ языкомъ во всѣхъ волостныхъ и приходскихъ установленіяхъ самоуправленія и въ волостныхъ судахъ; 3) разрѣшить подачу прошеній и объясненій на латышскомъ языкѣ во всѣ административныя и судебныя установленія въ предѣлахъ губерніи, а также личныя объясненія на латышскомъ языкѣ безъ переводчиковъ со всѣми упомянутыми установленіями и ихъ органами; равно и составленіе всякаго рода нотаріальныхъ актовъ на семъ языкѣ; 4) латышскій языкъ долженъ быть допущенъ къ употребленію въ преніяхъ и при заявленіяхъ во всѣхъ собраніяхъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, какъ, напримѣръ, въ засѣданіяхъ городскихъ и земскихъ думъ и правленій; 5) разрѣшить сдѣлать на латышскомъ языкѣ разныя объявленія, вывѣски въ городахъ и мѣстечкахъ, надписи на латышскомъ языкѣ рядомъ съ русскимъ на дорогахъ, переправахъ, улицахъ и публичныхъ зданіяхъ.

V. Самое важное препятствіе къ мирному теченію всей нашей общественной и хозяйственной жизни и успѣшному развитію края—это отсутствіе самоуправленія, неуравненіе правъ всѣхъ сословій и неупорядоченное состояніе управленія хозяйственной жизни губерній благодаря существованію ландтага, который передаетъ руководство всей хозяйственною и общественною жизнью одному, по численности незначительному, сословію—дворянамъ или крупнымъ землевладѣльцамъ, которые притомъ же принадлежатъ къ чужой народности съ отдѣльными интересами. Нѣмецкое дворянство, которое посредствомъ ландтага имѣетъ правящую законную силу, задержало чрезмѣрно высокими арендными платами развитіе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія и препятствуетъ ему несправедливымъ раздѣленіемъ земскихъ повинностей и тяготъ въ пользу крупнаго землевладѣнія, всякими мѣрами, способствующими крупному же землевладѣнію во вредъ мелкаго; равно оно задерживаетъ развитіе общественной жизни другихъ сословій, управляя единолично посредствомъ своего сословнаго учрежденія—ландтагъ—хозяйственной жизнью всей губерніи. Даже въ томъ случаѣ, если бы дворянство допустило представителей другихъ сословій въ ландтагъ, это не было бы желательнымъ, ибо ландтагъ остается все-таки сословнымъ учрежденіемъ.

Единственно дѣятельность нѣмецкаго дворянства и ландтага, въ которой они руководствовались только своими сословными интересами, привела наши губерніи въ теперешнее ненормальное состояніе, крестьяне были отпущены на волю, но безъ земли, что дало начало возникновенію сельскохозяйственнаго пролетаріата; нынѣ эти безземельные крестьяне находятся въ безвыходномъ положеніи, но даютъ дешевыя рабочія руки; нѣмецкое дворянство виновато, что теперь возникаютъ безпорядки въ средѣ обѣднѣвшихъ, оставленныхъ въ умственной темнотѣ людей (крестьянскія волненія съ погромами появились именно въ малокультурныхъ и бѣдныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, около Либавы).

Единственнымъ исходомъ изъ этого невыносимаго положенія является отмѣна ландтага и чрезмѣрныхъ привилегій нѣмецкаго дворянства, поднятіе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, уравненіе крестьянъ въ правахъ съ прочими сословіями и справедливое представительство хозяйственныхъ и общественныхъ интересовъ края при помощи введенія земскихъ учрежденій самоуправленія съ участіемъ всѣхъ сословій. Самоуправленіе должно быть проведено послѣдовательно въ волостяхъ, приходахъ, городахъ, уѣздахъ и губерніяхъ на основаніи всеобщаго, прямого, тайнаго голосованія. Въ вѣдѣніе самоуправленія должна быть передана и полиція, ибо теперь она, будучи отдѣлена, часто сталкивалась съ существующими органами самоуправленія и мѣшала ихъ дѣятельности, а сама нерѣдко фактически подпадала подъ вліяніе крупнаго землевладѣнія, защищая интересы котораго, не могла успѣшно водворять мирными средствами нормальный порядокъ въ случаяхъ крестьянскихъ волненій. Отмѣнѣ подлежитъ также право патроната церковнаго, которое такъ часто служило поводомъ къ безпорядкамъ.

VI. Отсутствіе законченнаго самоуправленія, чрезмѣрная опека со стороны администраціи, органами которой часто бываютъ члены нѣмецкаго дворянства, и неуравненіе въ правахъ съ прочими сословіями тяжелѣе всего отзываются на нашихъ крестьянахъ и задерживаютъ развитіе крестьянскаго землевладѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе всего края. Правовое положеніе крестьянъ до сихъ поръ опредѣляется законами, изданными въ 1817 и 1819 гг., когда еще существовала барщина. Извѣстная доля самоуправленія, правда, введена въ 1861 году, но крестьяне поставлены подъ столь строгую опеку комиссаровъ и полиціи, что ихъ самоуправленіе существуетъ почти только на бумагѣ, а руководятъ имъ по большей части члены нѣмецкаго крупнаго землевладѣнія. Даже частныя права крестьянъ ограничены; въ матеріальномъ отношеніи они удручены высокими арендами, такъ какъ размѣръ аренды не устанавливается ни правительственными учрежденіями, ни третейскими судами.

Для поднятія положенія мелкаго сельскаго хозяйства и крестьянъ необходимо: 1) вновь пересмотрѣть законодательство для крестьянъ, облегчить юридическое положеніе батраковъ, давъ имъ фактическія права союзовъ; 2) отмѣнить административныя права комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, права, касающіяся волостныхъ управленій; 3) приравнять въ правовомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ другимъ сословіямъ; 4) облегчить слишкомъ тягостныя условія крестьянской аренды.

VII. Современныя судебныя учрежденія въ нашихъ губерніяхъ, хотя будучи шагомъ впередъ сравнительно съ прежними судами, бывшими совершенно зависимыми отъ помѣщиковъ, все же вполнѣ не достигаютъ своей цѣли, что было бы возможно, если бы примѣнялись къ нимъ принципы, объявленные въ 1864 году, при введеніи судебныхъ учрежденій. Суды наши недостаточно дешевы, не доступны; они не стоятъ близко къ народной жизни, такъ какъ не введены суды присяжныхъ, а судьями состоятъ чиновники правительства, которые недостаточно знакомы съ мѣстными условіями жизни и вслѣдствіе этого часто принуждены смотрѣть на вещи съ болѣе доступной для нихъ нѣмецкой точки зрѣнія; съ дѣлами же они знакомятся только по часто невѣрнымъ переводамъ; даже мировые судьи оффиціально не знакомы съ латышскимъ языкомъ, кромѣ того, они назначаются правительственною властью, а не избираются народомъ, какъ это было предусмотрѣно судебными уставами 1864 года.

Въ виду этого желательно: 1) введеніе суда присяжныхъ; 2) чтобы судьи знали мѣстный языкъ и были знакомы съ мѣстными условіями жизни; 3) предоставить сторонамъ право объясняться передъ судомъ на мѣстномъ языкѣ; 4) чтобы мировые судьи избирались членами всѣхъ сословій посредствомъ общаго и непосредственнаго голосованія.

VIII. Чтобы предупредить безпорядки въ нормальномъ теченіи жизни въ городахъ и устранить навсегда возможность такихъ глубоко прискорбныхъ и осуждаемыхъ дѣйствій, жертвами которыхъ пало столь много народа въ гор. Ригѣ въ январѣ мѣ-

сяцѣ, слѣдуетъ установить для всѣхъ сословій, также и для рабочихъ, принципъ равноправности передъ закономъ, слѣдуетъ отмѣнить запрещеніе собраній и совмѣстнаго обсужденія своихъ нуждъ, равно какъ и ввести возможность воспользоваться всѣми законными частными правами, въ томъ числѣ правомъ прекращенія работы, въ цѣляхъ защиты своихъ интересовъ.

Въ виду этого слѣдуетъ: 1) уравнять въ правовомъ отношеніи рабочихъ со всѣми прочими сословіями; 2) предоставить право собраній и союзовъ; 3) отмѣнить запрещеніе стачекъ и 4) городскую полицію передать въ вѣдѣніе городского самоуправленія.

Всѣ указанные недостатки и препятствія на пути благосостоянія нашего народа и обновленія хозяйственной и духовной жизни способны устранить лишь Вашимъ Императорскимъ рескриптомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го февраля 1905 года призванные къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законовъ достойнѣйшіе, облеченные довѣріемъ народа и населеніемъ избранные люди; вслѣдствіе этого, и мы видимъ единственную гаранпію обновленія жизни и установленія нормальнаго порядка въ созывѣ учредительнаго собранія изъ народныхъ представителей на основаніи всеобщаго и прямого голосованія при закрытой подачѣ голосовъ.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

консультаціи варшавскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, представленная особо избранной депутаціей варшавскому генералъ-губернатору.

1.

Въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ нашего края произошли многократные случаи административныхъ наказаній — высылкою изъ губерній Царства Польскаго, арестомъ на 2—3 мѣсяца, или денежными штрафами, — назначаемыми преимущественно за участіе въ такихъ гминныхъ сходахъ, на которыхъ состоялись приговоры о веденіи дѣлопроизводства данной гмины на польскомъ языкѣ.

Случаевъ такихъ взысканій, насколько можно судить, имѣются уже цѣлые десятки, а лица, подвергшіяся имъ, обращаются постоянно какъ къ отдѣльнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, такъ и въ консультацію за совѣтами на предметъ обжалованія или испрошенія отмѣны состоявшихся о нихъ постановленій. Постановленія эти и по убѣжденію постигнутыхъ ими лицъ, и по общественному мнѣнію населенія представляются репрессивными мѣрами за самое участіе въ такихъ рѣшеніяхъ гминнаго схода, которыя вполнѣ основательно требуютъ отъ избранныхъ гминою должностныхъ лицъ исполненія законовъ, никогда не отмѣненныхъ законодателемъ, а лишь изъятыхъ изъ примѣненія по произвольному усмотрѣнію административныхъ властей.

Ненормальности подобнаго явленія не могутъ не признать юристы. Въ виду же многочисленности случаевъ подобнаго рода, а также въ виду первостепенной общественной важности основного вопроса о языкѣ въ гминномъ самоуправленіи, консультація сочла своимъ долгомъ, независимо отъ подачи заинтересованными лицами отдѣльныхъ ходатайствъ или жалобъ, представить на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства настоящую записку по означенному вопросу.

2.

Прежде всего мы должны остановиться на вопросѣ о толкованіи и примѣненіи постановленія г. и. о. варшавскаго генералъ-губернатора отъ 22 февраля (7 марта) с. г.

Означенное постановленіе, изданное „въ видахъ охраненія государственнаго порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ края, на основаніи ст. 15 правилъ объ усиленной охранѣ“, гласитъ:

„Виновные въ возбужденіи гминныхъ, сельскихъ и посадскихъ сходовъ къ явному нарушенію дѣйствующихъ по крестьянскому самоуправленію узаконеній и иныхъ правительственныхъ распоряженій будутъ подвергаемы въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 рублей, или аресту до 3-хъ мѣсяцевъ“.

По буквальному своему содержанію приведенное постановленіе представляется направленнымъ, повидимому, къ охраненію законнаго порядка въ гминномъ самоуправленіи.

Дѣло, однако, въ томъ, что сіе постановленіе появилось одновременно съ рядомъ вышеупомянутыхъ административныхъ взысканій, постигшихъ лицъ, которыя, въ силу закона и во имя закона, на законносостоявшихся гминныхъ сходахъ участвовали въ постановленіи рѣшеній, обязывавшихъ избранныхъ самими же сходами должностныхъ лицъ гминнаго самоуправленія соблюдать установленный законодателемъ порядокъ дѣлопроизводства въ гминахъ.

Неудивительно, что, въ виду такого совпаденія, сказанное постановленіе связалось въ общественномъ мнѣніи съ упомянутыми репрессіями и возбудило общее опасеніе о томъ, что мѣстныя власти, отъ коихъ зависитъ и самый починъ въ возбужденіи дѣлъ, и та либо другая характеристика оныхъ въ докладахъ, будутъ толковать и примѣнять сіе постановленіе, именно, въ смыслѣ карательной нормы противъ лицъ, выступающихъ на гминныхъ сходахъ въ защиту правъ, освященныхъ законодателемъ, хотя фактически не признаваемыхъ мѣстною администраціею.

На первый взглядъ подобное опасеніе можетъ показаться несправедливымъ, коль скоро въ силу 63, 64, 65, 72 и 73 ст. основныхъ государственныхъ законовъ никакое административное распоряженіе неспособно отмѣнить закона. Но если ежечасно случалось и случается у насъ другое; если многія лица уже пострадали за легальную попытку возстановить силу и дѣйствіе закона, отклоненнаго лишь несогласнымъ съ нимъ усмотрѣніемъ администраціи; если заразъ въ пяти или шести губерніяхъ Царства производятся на этой почвѣ административныя дознанія, то, при наличности такихъ обстоятельствъ, упомянутое опасеніе становится вполнѣ понятнымъ.

Въ виду сего вышеуказанное примѣненіе постановленія отъ 22 февраля (7 марта) с. г. угрожаетъ, съ одной стороны, умноженіемъ случаевъ неправильнаго привлеченія къ отвѣтственности, а, съ другой, полнымъ подавленіемъ началъ гминнаго самоуправленія, гарантированныхъ Высочайшимъ указомъ 19 февраля (2 марта) 1864 года. Ради предотвращенія такихъ послѣдствій и возможныхъ на этой почвѣ столкновеній, ради огражденія гминъ отъ произвола мѣстнаго административнаго начальства, наконецъ, ради успокоенія сильно обезпокоенныхъ за свои права поселянъ, представлялось бы вполнѣ цѣлесообразнымъ разъясненіе постановленія отъ 22 февраля (7 марта) с. г., которое устранило бы вышенамѣченныя сомнѣнія.

3.

Въ сферѣ гминнаго самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ „несогласія“ фактическаго положенія съ нормами, установленными закономъ, представляются обыденнымъ и общественнымъ явленіемъ. Воля административныхъ исполнителей закона во многомъ фактически отмѣнила здѣсь волю законодателя, и гминное самоуправленіе въ Царствѣ Польскомъ, урѣзываемое и сжимаемое режимомъ административнаго усмотрѣнія, стало лишь жалкою тѣнью того типа, который былъ созданъ указомъ 19 февраля (2 марта) 1864 г.

По сему закону гминное управленіе составляютъ: гминный сходъ, гминный войтъ, избираемый гминнымъ сходомъ, и солтысы, избираемые сельскими сходами (ст. 11 Выс. ук. 19 февраля (2 марта) 1864 г. дп. зак. т. 62 и ст. 203 учр. управленія губ. Царства Польскаго—сводъ законовъ т. II), а лишь для письмоводства существуетъ избираемый гминою, или нанимаемый войтомъ и уполномоченными гминный писарь (ст. 11, 16, 63, 64 и 77 Высоч. указа 1864 г. и ст. 203, 208, 231, 232 и 246 учр. упр. губ. Ц. П.); между тѣмъ, на практикѣ въ гминахъ чуть ли не безконтрольно властвуютъ и хозяйничаютъ гминные писаря, которые превратили гминный сходъ въ пассивное орудіе и которые къ тому же, вопреки закону, обыкновенно не избираются сходами, или войтами, а произвольно назначаются начальниками уѣздовъ. При такомъ порядкѣ, вполнѣ заурядным явленіемъ стали злоупотребленія гминными фондами, навязываніе гминнымъ сходамъ чуждыхъ ихъ волѣ рѣшеній, завѣдомое извращеніе въ протоколахъ содержанія постановленныхъ сходомъ приговоровъ и т. д.

Подобные факты, многократно установленные приговорами судебныхъ мѣстъ, не могутъ не подрывать въ крестьянахъ уваженія къ закону, вызываютъ сильное ихъ негодованіе и даже даютъ поводъ къ учащающимся случаямъ ихъ насильственнаго сопротивленія. Рядомъ же съ этимъ, такое уничтоженіе началъ самоуправленія отозвалось замедленіемъ культуры въ крестьянской средѣ и полнымъ заторможеніемъ какъ развитія благосостоянія крестьянъ, такъ и общественнаго благоустройства въ сельскихъ гминахъ.

Сознаніе вредности, ненормальности и незаконности такого положенія дѣлъ въ гминахъ постепенно распространялось и крѣпло въ крестьянской сферѣ. При этомъ одну изъ самыхъ существенныхъ причинъ фактической заброшенности и приниженности началъ самоуправленія крестьяне правильно усмотрѣли въ недоступности для нихъ непосредственнаго контроля надъ гминными дѣлами,—вызванной веденіемъ письмоводства и счетоводства въ гминахъ на русскомъ языкѣ.

Зная, что русское дѣлопроизводство въ гминахъ было введено не въ силу закона, а вопреки закону,—крестьяне стали озабочиваться возстановленіемъ своего роднаго языка въ гминныхъ дѣлахъ, постановляя о семъ приговоры гминныхъ сходовъ. Первоначально это были отдѣльныя явленія. Затѣмъ же они стали постепенно распространяться и территоріально, и количественно. Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г., съ начертаннымъ въ немъ завѣтомъ о необходимости дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона и къ ненарушимому его исполненію всѣми властями, ободрилъ и поселянъ Царства Польскаго къ заботамъ объ охраненіи полной силы закона въ гминахъ возстановленіемъ въ ихъ дѣлопроизводствѣ польскаго языка. Этимъ и объясняется фактъ массоваго въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго года появленія гминныхъ приговоровъ о польскомъ дѣлопроизводствѣ.

Между тѣмъ, административныя власти въ этомъ естественномъ и законномъ стремленіи усмотрѣли противозаконіе, возбудили цѣлый рядъ дознаній и многихъ лицъ обрекли на строгія кары.

Мы не считаемъ себя вправѣ оцѣнивать здѣсь тѣ, либо другія отдѣльныя репрессивныя постановленія, но, откликаясь въ настоящей запискѣ на общественное мнѣніе, не можемъ не объяснить, что польское общество смотритъ на означенныя взысканія, какъ на методъ устрашенія, направленный къ прегражденію легальной защиты силы закона, и что сказанныя мѣры не усмиряютъ, а, напротивъ, волнуютъ умы крестьянскихъ массъ, въ виду чего мы и сочли своимъ долгомъ представить это на разсмотрѣніе и зависящее распоряженіе вашего высокопревосходительства.

4.

Слѣдуетъ теперь перейти къ существенному вопросу, на почвѣ коего произошли вышеупомянутыя явленія, т. е. къ вопросу о языкѣ, на какомъ по закону должны составляться приговоры гминныхъ сходовъ и вестись дѣлопроизводство въ гминахъ.

Высочайшій указъ 19 февраля (2 марта) 1864 г. „объ устройствѣ сельскихъ гминъ“ (дневникъ законовъ Ц. П., т. 62) не касался вопроса о языкѣ, потому что вполнѣ излишне было тогда ограждать спеціальнымъ правиломъ закона естественное и безспорное право природнаго языка въ мѣстномъ самоуправленіи. Это право не возбуждало никакихъ сомнѣній. Тѣмъ не менѣе, со временемъ оно было подтверждено и законными постановленіями, которыя, впрочемъ, понадобились лишь для того, чтобы изъ общаго закона объ употребленіи польскаго языка во всемъ гминномъ дѣлопроизводствѣ сдѣлать изъятіе для нѣкоторыхъ гминъ.

Въ силу ст. 110 указа 1864 г. „объ устройствѣ сельскихъ гминъ“, а также ст. 5 изданнаго одновременно съ нимъ Высочайшаго указа „о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій“ (днев. зак. Ц., П. т. 62, стр. 134), развитіе указа о сельскихъ гминахъ и разрѣшеніе вопросовъ и сомнѣній, могущихъ возникать при его примѣненіи, было возложено на учредительный комитетъ. Изъ постановленій сего комитета слѣдуетъ прежде всего отмѣтить обнародованныя въ дневникѣ законовъ, вскорѣ послѣ указа 19 февраля (2 марта) 1864 г., два постановленія отъ 7/19 апрѣля 1864 г. „о знакахъ для лицъ гминнаго управленія“ и „о печатяхъ для гминныхъ войтовъ“ (дневникъ законовъ Ц. П., т. 62, стр. 230 и 234).

Въ силу этихъ постановленій, указанные внѣшніе должностные знаки гминнаго управленія, т. е. и знаки для войтовъ, и солтысовъ, и печати войтовъ должны быть снабжены двойными надписями „на русскомъ и на польскомъ языкахъ“. Это прямое правило нарушено, однако, административными властями, которыя во всемъ краѣ, лишь за весьма рѣдкими исключеніями, ввели въ упомянутыхъ знакахъ и печатяхъ надписи единственно на русскомъ языкѣ. Фактъ, лишь косвенно связанный съ интересующимъ насъ вопросомъ. Но онъ весьма рельефно свидѣтельствуетъ о томъ, сколь произвольно дѣйствуютъ иногда мѣстныя административныя власти, явно нарушая силу законныхъ постановленій.

Этимъ объясняется произвольное и вполнѣ несогласное съ законами устраненіе административными властями польскаго языка изъ гминнаго дѣлопроизводства.

Первопачально во всѣхъ гминахъ Царства Польскаго производство велось исключительно на польскомъ языкѣ; впослѣдствіи же учредительный комитетъ ввелъ въ этомъ отношеніи изъятіе для гминъ съ русскимъ и литовскимъ населеніемъ.

Таково постановленіе отъ 3/15 марта 1867 г. „о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство гминъ съ русскимъ населеніемъ“ (пост. учр. комитета въ Царствѣ Польскомъ, томъ IX, ст. 1003, стр. 344—351), въ которомъ опредѣлено:

> „Въ тѣхъ мѣстахъ Царства Польскаго, въ которыхъ населеніе состоитъ изъ жителей русскаго и литовскаго происхожденія, переписка въ гминныхъ управленіяхъ, сношенія ихъ со всѣми правительственными учрежденіями и лицами, а равно и сихъ послѣднихъ съ гминными управленіями упомянутыхъ мѣстностей должна производиться исключительно на русскомъ языкѣ“.

Въ постановленіи учредительнаго комитета, завершенномъ приведенною резолюціею, прежде всего, изложено представленіе главнаго директора внутреннихъ дѣлъ (стр. 344—350), съ подробнымъ приведеніемъ свѣдѣній по вышеозначенному вопросу. Изъ разныхъ мѣстъ этого представленія, какъ,

напримѣръ, изъ упомянутаго въ немъ на стр. 345 распоряженія члена, завѣдывающаго дѣлами учредительнаго комитета, т. е. Соловьева, о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство управленій гминъ съ русскимъ населеніемъ, а также изъ существа предложенія главнаго директора внутреннихъ дѣлъ, т. е. Брауншвейга, который (стр. 350) испрашиваетъ утвержденіе мѣръ ко введенію русскаго языка въ дѣлопроизводство „гминъ съ русскимъ населеніемъ", видно, что дѣло шло о введеніи русскаго языка въ гминномъ дѣлопроизводствѣ, вовсе не, вообще, въ краѣ и вовсе не на сплошномъ пространствѣ какихъ либо его губерній и уѣздовъ, а лишь въ дѣлопроизводствѣ гминъ съ русскимъ населеніемъ.

Столь же положительно и несомнѣнно это явствуетъ и изъ „Соображеній" учредительнаго комитета на ст. 351), въ коихъ, между прочимъ, изложено:

> „Учредительный комитетъ, имѣя въ виду, что введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство гминныхъ управленій такихъ гминъ, кои населены жителями русскаго и литовскаго происхожденія... полагаетъ возможнымъ переписку въ упомянутыхъ управленіяхъ установить исключительно на русскомъ языкѣ".

Въ другомъ же мѣстѣ своихъ соображеній учредительный комитетъ указываетъ снова на водвореніе русскаго языка лишь „въ вышеупомянутыхъ гминахъ".

Итакъ, дѣло разрѣшено ясно и категорически: только въ гминахъ съ русскимъ, либо литовскимъ населеніемъ было признано цѣлесообразнымъ ввести производство на русскомъ языкѣ, и, сообразно съ этимъ, учредительный комитетъ постановилъ ввести русскій языкъ въ гминное дѣлопроизводство „въ тѣхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго, въ которыхъ населеніе состоитъ изъ жителей русскаго и литовскаго происхожденія", въ согласіи же съ этимъ само постановленіе учредительнаго комитета озаглавлено: „О введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ гминъ съ русскимъ населеніемъ" (стр. 344).

Такимъ образомъ, постановленіе учредительнаго комитета отъ 3 (15) марта 1867 г., ст. 1003, вводя, вмѣсто польскаго, русскій языкъ лишь въ видѣ изъятія для вышеупомянутыхъ гминъ,—съ одной стороны, вполнѣ подтвердило законность польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ остальныхъ гминъ всего края, а, съ другой, устранило и всякую тѣнь сомнѣнія въ томъ, что Высочайшій указъ 19 февраля (2 марта) 1864 г., не упомянувшій вовсе о языкѣ, призналъ этимъ польскій языкъ въ гминахъ за общее правило.

Остается прибавить, что этотъ вопросъ въ такомъ же духѣ былъ разъясненъ и ранѣе циркуляромъ члена завѣдывающаго дѣлами учредительнаго комитета отъ 28 декабря (9 января) 1864—5 года № 63 „о книгахъ для внесенія приговоровъ гминнаго схода и рѣшеній гминныхъ судовъ" (сборникъ правит. распоряженій по учредит. комитет., т. I, стр. 428—429).

Этотъ циркуляръ составляетъ лишь административное распоряженіе, а не постановленіе, имѣющее силу закона, и посему о немъ можно бы и не упоминать. Однако, значеніе его заключается въ томъ, что, какъ видно изъ его текста, онъ былъ изданъ по непосредственному порученію учредительнаго комитета и, слѣдовательно, выражаетъ не единоличное мнѣніе, а взглядъ присутствія комитета. Взглядъ же этотъ вполнѣ совпадаетъ съ разсмотрѣннымъ выше постановленіемъ 3 (15) марта 1867 г., ибо, говоря о книгахъ для приговоровъ гминнаго схода, означенный циркуляръ указываетъ, что:

> „приговоры сходовъ въ мѣстахъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ должны быть писаны и объявляемы на русскомъ языкѣ, какъ болѣе понятномъ большинству сельскихъ обывателей".

Стало быть, и циркуляръ 1864–5 г. имѣетъ въ виду русскій языкъ въ гминномъ дѣлопроизводствѣ лишь въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ „въ видахъ большей понятности (тамъ) этого языка большинству сельскихъ обывателей".

Понятность дѣлопроизводственнаго языка населенію есть соображеніе вѣское и раціональное, такъ какъ дѣйствительное пользованіе самоуправленіемъ, активное участіе въ рѣшеніи дѣлъ на гминныхъ сходахъ, настоящая повѣрка дѣйствій и счетовъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ гминою, и т. д. возможны для крестьянъ только при условіи полной понятности имъ того языка, на которомъ составляются приговоры схода и переписка въ гминѣ.

И вотъ, именно, въ такихъ же видахъ и нынѣ населеніе многихъ гминъ Царства Польскаго законно требуетъ возстановленія въ гминномъ дѣлопроизводствѣ ихъ природнаго польскаго языка.

Ради вящшей полноты изложенія, стоитъ остановиться еще на циркулярѣ завѣдывающаго дѣлами учредительнаго комитета къ гг. губернаторамъ отъ 18 мая 1868 г. № 35 „о введеніи русскаго языка въ административныхъ управленіяхъ Привислинскаго края" (сборникъ правит. распоряженій по учредит. комит. въ Царствѣ Польскомъ томъ 5, стр. 659). Этотъ циркуляръ обыкновенно цитируется административными властями, какъ якобы законное основаніе введенія русскаго дѣлопроизводства въ польскихъ гминахъ. Разительная ошибка. Ошибка, прежде всего, въ томъ отношеніи, что циркуляру, составляющему чисто-административное распоряженіе, и притомъ, въ отличіе отъ вышеприведеннаго циркуляра 1864—5 г. за № 63, изданному не по спеціальному порученію комитета, а вполнѣ единоличною властью завѣдывающаго дѣлами онаго, присвоивается здѣсь чуждое ему значеніе законоположенія. Въ этомъ нельзя не видѣть того произвольнаго подрыванія силы закона, которое осудилъ Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г., и пресѣченіе котораго составляетъ нынѣ предметъ особенныхъ заботъ Комитета Министровъ.

Но, помимо принципіальной, въ ссылкахъ на циркуляръ 1868 г. за № 35—есть и явная ошибка по существу. Такая ошибка произошла, вѣроятно, потому, что сказанный циркуляръ 1868 года совсѣмъ невѣрно переданъ въ выдержкѣ, помѣщенной на стр 91 изданія, п. 3, „сборникъ правительственныхъ распоряженій по учредительному комитету въ Царствѣ Польскомъ, относящихся къ гминнымъ управленіямъ и судамъ" (Варшава, 1871 г. въ типографіи Ивана Яворскаго) и, повидимому въ текстѣ, заимствованномъ изъ этого сборника, попавшей въ дѣла многихъ административныхъ учрежденій края.

Въ означенной выдержкѣ, послѣ ссылки на Высочайше утвержденныя 29 февраля 1868 г. дополнительныя правила къ положенію о уѣздномъ и губернскомъ управленіи въ Царствѣ Польскомъ (о коихъ ниже) изложено, что:

> „Въ исполненіе таковой Высочайшей воли, сдѣланы уже соотвѣтственныя распоряженія относительно обязательнаго употребленія русскаго языка при сношеніяхъ съ административными учрежденіями и относительно постепеннаго введенія его въ дѣлопроизводство гминныхъ управленій".

Въ приведенной цитатѣ сдѣлано указаніе на какія-то обязательныя распоряженія относительно введенія русскаго языка въ гминное дѣлопроизводство.

Между тѣмъ, въсамомъ циркулярѣ нѣтъ рѣчи о существованіи какихъ либо общихъ на сей предметъ распоряженій, а въ надлежащемъ мѣстѣ циркуляра излагается „свѣдѣніе" о томъ, что:

> „Въ исполненіе таковой Высочайшей воли, кѣлецкимъ губернаторомъ сдѣланы уже со-

ответственныя распоряженія относительно обязательнаго употребленія русскаго языка при сношеніяхъ съ административными учрежденіями ввѣренной ему губерніи и относительно постепеннаго введенія его въ дѣлопроизводство гминныхъ управленій".

Подчеркнутыя нами слова были пропущены въ вышеприведенной выдержкѣ, и этимъ знаменательнымъ пропускомъ словъ въ двухъ мѣстахъ совершенно извращенъ подлинный текстъ, а вслѣдствіе сего и смыслъ и значеніе цитаты, въ коей свѣдѣніе о мѣстныхъ мѣрахъ, принятыхъ кѣлецкимъ губернаторомъ, превратилось въ указаніе на якобы общія и обязательныя распоряженія.

Къ тому же весь этотъ циркуляръ 18 мая 1868 г. составляетъ не болѣе, какъ внутреннюю переписку правительственныхъ мѣстъ. Независимо же сего, онъ и не преподаетъ никакой обязательной нормы, а, выражая лишь пожеланіе „возможно широкаго и быстраго распространенія русскаго языка", даже этого пожеланія не относитъ къ гминамъ, ибо заканчивается предложеніемъ: „сообщить свѣдѣнія о мѣрахъ, принятыхъ относительно введенія русскаго языка въ административныхъ управленіяхъ здѣшняго края".

Изъ изложеннаго явствуетъ, что многократно упоминаемый выше циркуляръ 1868 г. за № 35 и по своему происхожденію, и по свойству, и по своему содержанію не только не можетъ считаться обязательнымъ постановленіемъ, но и вовсе не относится къ дѣлу, и если мы задались здѣсь его разсмотрѣніемъ, то единственно ради устраненія явной въ этомъ отношеніи ошибки административныхъ властей.

Наконецъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, слѣдуетъ остановиться на ст. 7 учрежденія упр. губ. Царства Польскаго (сводъ законовъ, томъ II), которая гласитъ:

„Дѣла и вся переписка въ губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ производятся на русскомъ языкѣ".

И точный смыслъ этого законоположенія, въ виду своей ясности, не допускающій расширительнаго толкованія, и мѣсто, занимаемое имъ въ данномъ уставѣ, убѣждаютъ въ томъ, что сказанное законоположеніе относится только къ губернскимъ и уѣзднымъ управленіямъ, но никакъ не къ гминамъ.

Это явствуетъ и изъ слѣдующихъ соображеній.

Послѣ указовъ 1864 г. „объ устройствѣ сельскихъ гминъ", воспослѣдовало Высочайше утвержденное 19 (31) декабря 1866 года „положеніе о уѣздномъ и губернскомъ управленіи въ губерніяхъ Царства Польскаго" (дн. зак. Ц. П. т. 66, стр. 118), опредѣляющее исключительно организацію этихъ правительственныхъ управленій и вовсе не касающееся гминнаго устройства. Въ дополненіе къ только что указанному положенію 1866 г. объ уѣздномъ и губернскомъ управленіи, а вовсе не въ дополненіе къ указамъ 1864 г. объ устройствѣ быта крестьянъ по сельскимъ гминамъ, изданы были Высочайше утвержденныя 29 февраля 1868 г. „дополнительныя правила" (дн. зак. Ц. П. т. 68, стр. 26), въ ст. VII которыхъ и было изложено вышеприведенное правило о русскомъ языкѣ дѣлопроизводства въ губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ, буквально воспроизведенное въ ст. 7 „учрежденія управл. губ. Царства Польскаго". Засимъ ясно и несомнѣнно, что этимъ правиломъ введенъ русскій языкъ только въ дѣлопроизводство уѣздныхъ и губернскихъ правительственныхъ мѣстъ, а вовсе не въ гминныя управленія.

Однимъ словомъ, нѣтъ никакого закона, который устранялъ бы польскій языкъ изъ дѣлопроизводства гминъ съ польскимъ населеніемъ, а, напротивъ, имѣется нѣсколько узаконеній, подтверждающихъ природное право польскаго населенія употреблять въ гминномъ самоуправленіи родную рѣчь. Въ виду этого, домогаться осуществленія такого права не проступокъ и не проявленіе неблагонадежности, а вполнѣ законное дѣйствіе, охраняемое общими законами и освященное призывомъ къ охраненію полной силы закона, выраженнаго въ п. 1 Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Сіе право для нашего крестьянскаго люда вполнѣ совпадаетъ съ самою возможностью правильно и согласно съ духомъ указа 19 февраля 1864 г. пользоваться предоставленнымъ самоуправленіемъ; примѣненіе же въ гминныхъ дѣлахъ непонятнаго крестьянамъ русскаго языка „неминуемо повлечетъ за собою устраненіе крестьянъ отъ всякаго вліянія на общественныя дѣла гмины, усилитъ власть и значеніе гминнаго писаря и создастъ въ лицѣ его безграничнаго и безконтрольнаго вершителя общественныхъ гминныхъ дѣлъ".

Это не только взглядъ нашего общественнаго мнѣнія; это взглядъ представителя русской администраціи. Онъ высказанъ въ циркулярѣ варшавскаго губернатора отъ 16 іюля 1880 г. за № 75, гдѣ баронъ Медемъ констатировалъ, что „замѣна польскаго языка русскимъ въ общественныхъ дѣлахъ гмины" произошла безъ какого либо основанія, „искажаетъ прямой смыслъ закона" и составляетъ плодъ „личныхъ воззрѣній" служащихъ, гдѣ далѣе, онъ „настаиваетъ на необходимости сохраненія для мѣстнаго крестьянскаго самоуправленія польскаго языка" и предлагаетъ всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ „озаботиться, чтобы этотъ взглядъ (на вопросъ объ употребленіи польскаго языка въ дѣлахъ крестьянскаго самоуправленія) былъ строго проведенъ".

Правда, при послѣдовавшей по этому предмету перепискѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отзывѣ отъ 14 іюля 1881 г. за № 3889 къ г. варшавскому генералъ-губернатору, назвалъ упомянутый циркуляръ варшавскаго губернатора неправильнымъ. Насъ, однако интересуютъ здѣсь не столько личные взгляды того либо другого административнаго сановника на силу и значеніе закона (ст. 72, 73, 77 и 78 основныхъ государственныхъ законовъ и ст. 154 и 156 „учрежденія министровъ"), сколько непосредственное со стороны губернатора свидѣтельство о фактическомъ положеніи дѣла и о неизбѣжныхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ устраненія польскаго языка изъ дѣлопроизводства. Нельзя не замѣтить, что, по существу своихъ выводовъ, означенный отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ не обоснованъ ни на какихъ узаконеніяхъ, ибо ограничивается ссылкою на лишенный, какъ мы выше видѣли, всякаго значенія циркуляръ 18 мая 1868 г. Притомъ же министръ ссылается на то, что „употребленіе русскаго языка въ дѣлахъ общественнаго самоуправленія не вызывало никогда жалобъ со стороны крестьянъ".

Отсутствіе жалобъ объясняется тою подавленностью гминнаго самоуправленія, которая указана выше. Какъ бы то ни было, ссылка министерскаго отзыва на отсутствіе жалобъ, какъ на доводъ противъ потребности возстановленія польскаго языка въ гминномъ дѣлопроизводствѣ, не лишена значенія потому, что такимъ образомъ даже въ означенномъ отзывѣ министра вопросъ о языкѣ гминнаго дѣлопроизводства ставится въ зависимость отъ требованія жителей гмины.

Нынѣ такія требованія раздаются чуть ли не по всему краю, особенно съ момента указа 12 декабря 1904 г., пробудившаго въ населеніи надежду на возстановленіе дѣйствительной силы закона.

5.

Въ настоящей запискѣ мы желали все исчерпать, устранить всѣ ошибки, разсѣять всѣ недоразумѣнія, дабы съ полною очевидностью доказать, что польскій языкъ въ гминномъ дѣлопроизводствѣ Царства Польскаго охраняется закономъ, что гминные сходы вправѣ употреблять этотъ языкъ въ своихъ приговорахъ и требовать соблюденія сего права гминными должностными лицами; что за симъ и поста-

новленіе на сей предметъ приговоровъ, и предварительное обсужденіе даннаго вопроса, и разъясненіе смысла относящихся къ нему узаконеній представляются вполнѣ законными дѣйствіями и, какъ таковыя, не долженствующими ни на кого навлекать отвѣтственности.

Легальная охрана и домогательство законныхъ правъ не имѣетъ ничего общаго съ противозаконіемъ либо неблагонадежностью. Всякій другой взглядъ едва ли можно не признать вредною и опасною ошибкой, изъ-за которой страдаютъ уже цѣлые десятки мирныхъ людей; общественное же мнѣніе возбуждено и этими репрессіями, и тревожнымъ чувствомъ беззащитности.

Генералъ-губернаторъ обѣщалъ разсмотрѣть записку, ограничившись пока лишь однимъ этимъ обѣщаніемъ.

Къ съѣзду журналистовъ.

На съѣздѣ журналистовъ въ Петербургѣ однимъ изъ членовъ съѣзда Л. А. Севомъ прочитанъ былъ докладъ объ отношеніи русскаго общества и русской печати къ еврейскому вопросу.

Съ того времени, когда земцы впервые, въ ноябрьскіе дни, ясно выставили тѣ требованія, которыя затѣмъ въ разныхъ варіаціяхъ обошли всю жаждущую освобожденія Россію, въ числѣ ихъ мы повсюду встрѣчаемъ и требованіе о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ безъ различія вѣры и національности. Требованія земцевъ сравнивались съ той деклараціей правъ человѣка и гражданина, которая провозглашена была во время великой французской революціи. Сравненіе это не лишено основанія. Права человѣка, также какъ и права гражданина, выражены въ русскомъ законодательствѣ, представляющемъ собою конгломератъ самыхъ разнообразныхъ по эпохамъ наслоеній,—въ столь робкомъ, въ столь зачаточномъ видѣ, что ясное и отчетливое провозглашеніе этихъ правъ является дѣломъ отнюдь не лишнимъ и несомнѣнно составитъ поворотный пунктъ въ исторіи Россіи.

Но есть, конечно, и большая разница. Считая неумѣстнымъ вдаваться здѣсь въ существо, я отмѣчу только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ нашему предмету. Для насъ права человѣка, выраженныя въ общемъ видѣ и основанныя во всей своей совокупности отчасти на, такъ называемомъ, естественномъ правѣ, отчасти же на альтруистической любви къ ближнему, являются только внутреннимъ мотивомъ, который самъ по себѣ недостаточно убѣдителенъ: онъ нуждается для своего обоснованія въ большой конкретизаціи, въ отдѣльныхъ фактахъ, а еще чаще—въ группахъ явленій. Именно поэтому требованія земцевъ носятъ несомнѣнно болѣе конкретный характеръ. Нисколько не заботясь о логической стройности, здѣсь были выдѣлены, вслѣдствіе ихъ особой важности въ отдѣльные пункты такіе вопросы, которые логически входили собственно въ другіе пункты, какъ, напримѣръ, вопросъ крестьянскій. Однако, по отношенію къ вопросу, который, въ виду его культурной и матеріальной важности, занимаетъ въ разноплеменной по составу Россіи видное мѣсто, а именно, по отношенію къ вопросу національному этого сдѣлано не было. Это, надо думать, объясняется тѣмъ, что земцы представляли главнымъ образомъ внутреннія губерніи, а тамъ національный вопросъ особеннаго значенія не имѣетъ. Между тѣмъ необходимость въ выясненіи этого вопроса чувствовалась крайняя, и въ дальнѣйшихъ резолюціяхъ вопросу національному удѣляли нѣсколько больше вниманія. Особенно ясно это сказывалось въ резолюціяхъ общественныхъ группъ на окраинахъ, гдѣ національный вопросъ играетъ существенную роль.

Но, разумѣется, въ резолюціяхъ, протестахъ и другихъ заявленіяхъ общественныхъ группъ всякіе вопросы могли выступать только въ болѣе или менѣе общей формѣ и для конкретизаціи ихъ, для проведенія ихъ въ жизнь должна была на помощь имъ выступить печать; она должна была въ конкретной формѣ показать всѣ язвы стараго, подлежащаго разрушенію, режима въ отношеніи къ отдѣльнымъ вопросамъ. И вотъ формула о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ безъ различія вѣры и національностей, по мѣрѣ развитія освободительнаго движенія, раскрывалась и выливалась въ отдѣльные вопросы: вопросы польскій, финляндскій, нѣмецкій, латышскій и др.

Могло ли оно быть иначе?

Уже не разъ на протяженіи исторіи деспотизмъ искалъ опоры во всякаго рода внѣшнихъ войнахъ; искусственно возбуждая патріотизмъ, онъ отвлекалъ общественное вниманіе отъ жгучихъ внутреннихъ вопросовъ. Но нашъ бюрократическій строй, который принялъ особенно острыя формы за послѣднее двадцатипятилѣтіе, какъ бы по инстинту весьма тщательно избѣгалъ за это время внѣшнихъ войнъ, боясь обнаружить свою хрупкость и этимъ поставить на карту свое существованіе; за то онъ, руководясь тѣми же мотивами, усердно воевалъ съ мирными, подвластными ему, народами, что было для него, конечно, гораздо менѣе опасно. Могли ли эти народы молчать при ликвидаціи стараго режима, политика котораго въ главной своей части заключалась въ угнетеніи разныхъ входящихъ въ составъ Россіи національностей, въ разнаго рода и вида насилія надъ ними? И вотъ со всѣхъ сторонъ раздались голоса этихъ народовъ, раздались крики негодованія, стоны...

Среди всѣхъ этихъ національныхъ вопросовъ особое мѣсто занимаетъ вопросъ еврейскій. Особенность его заключается въ томъ, что это вопросъ не только національный, но и просто человѣческій, при томъ человѣческій въ самомъ элементарномъ значеніи этого слова.

Бюрократическій режимъ среди всѣхъ народовъ, съ которыми онъ воевалъ, особенно облюбовалъ евреевъ. Во все время своего существованія у него были на это разныя причины и основанія. Я не буду, однако, забираться въ отдаленныя времена; я имѣю въ виду только послѣднее двадцатипятилѣтіе, когда дѣйствія этого режима по отношенію къ евреямъ выступали съ необыкновенной рельефностью. Здѣсь, точно въ фокусѣ, сошлись всѣ мотивы полицейско-національной государственности. Въ продолженіе этого двадцатипятилѣтія это были уже не дѣйствія въ разбродъ, дѣйствія неумѣлыя, вызываемыя непониманіемъ и неясной, глухой непріязнью невѣжественнаго правительства (вродѣ, напримѣръ, правительства Александра I, которое мечтало о томъ, чтобы обратить всѣхъ евреевъ въ христіанство, или Николая I, который просвѣщалъ евреевъ казарменнымъ способомъ), нѣтъ, это была уже настоящая государственная политика. Начиная съ 80-хъ гг., съ того момента, когда бюрократическій режимъ вступилъ въ послѣдній фазисъ борьбы за свое существованіе, еврейскій вопросъ занялъ совершенно опредѣленное мѣсто въ программѣ правительственныхъ дѣйствій, и дѣйствія эти, начиная со всякаго рода ограниченій и кончая погромами, являлись результатомъ до нѣкоторой степени обдуманной системы. Я не стану перечислять тѣхъ ограниченій и препонъ, которыя встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути еврей—всего того, что не только матеріально мѣшаетъ ему жить, но и отравляетъ ему душу.

Отмѣчу только, что нѣтъ ни одного народа, хотя бы самаго некультурнаго среди многочисленныхъ племенъ Россіи, который былъ бы лишенъ того, чего лишены евреи: свободы передвиженія, свободы выбора занятій и промысла и права получать образованіе—этого рода правъ лишены только

преступники по суду. Все это довело еврейство до неслыханнаго пауперизма и позорнаго состоянія. Могло ли оно быть иначе, когда при полной почти пассивности и невѣжествѣ огромной массы населенія самый могущественный, почти единственный активный факторъ русской жизни выступилъ, на борьбу съ загнаннымъ и истощеннымъ еще предшествующими гоненіями еврействомъ.

Прибавимъ къ этому еще одно очень важное въ помощь правительству, съ первыхъ же его шаговъ въ этомъ направленіи, выступили сподручные ему органы печати, за это время наиболѣе вліятельные и распространенные—одни въ болѣе, другіе въ менѣе культурныхъ слояхъ русскаго населенія. Въ униссонъ съ бюрократіей, которая била евреевъ, такъ сказать, и рублемъ, и дубьемъ, эти органы печати по разнымъ поводамъ и въ разныхъ варіаціяхъ твердили изо дня въ день, что евреи „и порча, и чума, и язва здѣшнихъ мѣстъ“. И слова эти падали на робкія, вялыя, зануганныя грубою бюрократіей души, и большинство русскаго общества мало по малу начинало вѣрить, что еврей и въ самомъ дѣлѣ нѣчто вредоносное, угрожающее общему благосостоянію, разлагающееся, безнравственное.

Вокругъ евреевъ создалась общественная атмосфера, въ которой они въ буквальномъ смыслѣ слова задыхались. Нужны были ужасы Кишинева, для того чтобы потрясти русское общество и вызвать въ немъ сочувствіе къ невыносимому положенію евреевъ. Но сочувствіе это, скажемъ прямо, хотя можетъ быть и достаточно сильное, было, однако, кратковременнымъ. Его не хватило даже, на то, чтобы просто ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Я утверждаю, что, за весьма и весьма немногими исключеніями, русское общество не имѣетъ яснаго представленія о томъ, въ какомъ положеніи пребываетъ шестимилліонный еврейскій народъ.

Какъ это ни странно, особенно осязательно это выступаетъ для насъ теперь, когда волны общественнаго движенія поднялись такъ высоко. Среди всѣхъ вопросовъ, которые въ настоящій моментъ занимаютъ общественное вниманіе, наименьшее, можно сказать, ничтожное мѣсто удѣлено вопросу еврейскому—о немъ говорится только мимоходомъ и въ самой общей, туманной формѣ. А вѣдь еврейскій вопросъ отличается отъ другихъ національныхъ вопросовъ только тѣмъ, что безправіе евреевъ тріединое—безправіе вѣроисповѣдное, національное и элементарно-человѣческое; а вѣдь именно этому вопросу вслѣдствіе причинъ, указанныхъ мною выше, слѣдовало бы удѣлить особое вниманіе, если только формула о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, безъ различія вѣры и національностей должна, быть полностью и реально проведена въ жизнь.

Каковы причины такого къ намъ отношенія? Я позволю себѣ обратить вниманіе на двоякаго рода причины.

Во всѣхъ другихъ національныхъ вопросахъ конкретнымъ выясненіемъ ихъ занимались, съ одной стороны, выразители русскаго общественнаго мнѣнія—органы печати. А съ другой стороны, и представители самой заинтересованной національности. Въ еврейскомъ вопросѣ слабо реагировалъ какъ одинъ, такъ и другой факторъ. И главную причину я усматриваю именно въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ не только о національныхъ, но и объ элементарно-человѣческихъ правахъ. Еврей неохотно, лишь преодолѣвая стыдъ и отвращеніе, выступаетъ защитникомъ своего кровнаго дѣла. Ему тяжело обнажать свои внутреннія язвы. Это не можетъ быть возмѣщено никакой мѣрой сочувствія. Онъ не всегда находитъ въ себѣ достаточно смѣлости сдѣлать это еще и потому, что чувствуетъ себя какъ бы опозореннымъ своимъ безправіемъ: когда безправіе доходитъ до такой степени, оно какъ бы бросаетъ тѣнь на его носителя—такова человѣческая психологія. А, съ другой стороны, не особенно гостепріимно встрѣчаетъ его стремленія въ этомъ направленіи и русская печать. Даже лучшая ея часть не осмѣливается подступить прямо къ еврейскому вопросу, отчасти потому, что она боится себя дискредитировать, какъ „еврейскую“ (о чемъ уже, во всякомъ случаѣ, позаботилась охранительная печать), отчасти же потому, что въ глубинѣ души того или другого изъ представителей печати кроется мысль: а, можетъ быть всѣ эти разговоры о вредоносности евреевъ все же имѣютъ кой какое основаніе и всякія другія мысли.. Да, надо признать, что антисемитизмъ правительства и сподручныхъ ему органовъ печати не прошелъ безслѣдно и для лучшей части русскаго общества, и для лучшихъ органовъ печати...

Можетъ ли такъ дальше продолжаться? Двадцать пять лѣтъ политиканствовавшая бюрократія дѣлала еврейскій вопросъ однимъ изъ пунктовъ своей программы и преслѣдовала евреевъ по системѣ; то же дѣлала и сподручная ей печать. Что же противопоставили *этому* пункту правительственной программы и этимъ дѣйствіямъ рептильныхъ органовъ передовая часть русскаго общества и передовая русская печать? Отвѣтъ: до Кишинева ровно ничего, послѣ Кишинева—до крайности мало. Нетрудно понять, что такъ дальше продолжаться не можетъ. Нетрудно понять, что, въ виду той общественной атмосферы, какая создана была дѣйствіемъ правительства и пресмыкающейся печати, неблагоразумно, недостаточно ограничиваться по отношенію къ евреямъ общей формулой о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ безъ различія вѣры и національностей. Эту формулу необходимо раскрыть—не должно быть мѣста никакимъ недомолвкамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ печать обязана освѣтить конкретно разныя стороны еврейскаго вопроса, чтобы, разсѣявъ въ общественномъ сознаніи накопившуюся ложь, ознакомить общество съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Мнѣ прямо совѣстно доказывать ту очевидную истину, что нѣтъ ни порочныхъ, ни добродѣтельныхъ народовъ. Но если бы даже всѣ, въ огромномъ большинствѣ, мнимые грѣхи или недостатки евреевъ, какіе описываются извѣстными органами печати, соотвѣтствовали дѣйствительности, то все же они поблѣднѣли бы и превратились бы въ ничто передъ изображеніемъ дѣйствительной жизни еврейской массы въ чертѣ осѣдлости. Правдивое изображеніе этой жизни, я увѣренъ, привело бы русское общество въ содроганіе. Русское общество не знаетъ евреевъ, и русская печать ему этихъ знаній не даетъ.

Мыслимо ли при такихъ условіяхъ реальное проведеніе въ жизнь указанной выше формулы? Не окажется ли въ русскомъ обществѣ, благодаря тому воспитанію, которое оно получило за послѣднее двадцатипятилѣтіе, огромное множество людей во многихъ, если не во всѣхъ, отношеніяхъ безукоризненныхъ, но съ большимъ изъяномъ въ волнующемъ насъ, евреевъ, пунктѣ.

А евреи, въ самомъ дѣлѣ, съ волненіемъ и тревогой смотрятъ въ будущее. Они опасаются какъ бы не быть обойденными россійской свободой, на алтарь которой, вы это знаете, они принесли не мало жертвъ. И не только скорбные факты прошлаго возбуждаютъ въ нихъ эту тревогу — они съ горестнымъ недоумѣніемъ взираютъ на отношеніе къ нему русскаго общества и печати въ настоящій моментъ. Точно забыли о существованіи въ Россіи шестимилліоннаго еврейскаго народа, лишеннаго элементарныхъ человѣческихъ правъ, находящагося въ самомъ бѣдственномъ, самомъ позорномъ состояніи! Если таково отношеніе теперь, то чего ждать въ будущемъ?

И если я говорю, что еврейскій народъ взираетъ съ горестнымъ недоумѣніемъ на отношеніе русскаго общества и печати, то говорю это не

только въ качествѣ представителя старѣйшаго русско-еврейскаго органа, находящагося въ постоянной связи со своими читателями и знающаго ихъ настроеніе,—я опираюсь вмѣстѣ съ тѣмъ на ясно выраженное заявленіе съѣзда еврейскихъ общественныхъ дѣятелей, имѣвшаго двѣ недѣли тому назадъ мѣсто въ Вильнѣ—съѣзда, на которомъ представлены были 34 крупныхъ города. Съѣздъ этотъ прямо поручилъ представителямъ еврейской печати заявить на съѣздѣ литераторовъ, что еврейскій народъ ждетъ и вправѣ ждать отъ выразителей русскаго общественнаго мнѣнія полнаго къ нему вниманія. Зная настроеніе окружающаго населенія въ тѣхъ городахъ, представителемъ которыхъ онъ являлся, зная, какіе глубокіе корни пустилъ антисемитизмъ, зная, какъ мало освѣдомлены относительно евреевъ даже близко живущіе съ ними бокъ о бокъ слои русскаго общества о живущихъ же вдали отъ нихъ внѣ черты и говорить нечего—, виленскій съѣздъ настоятельно указывалъ на то, что авторитетнымъ русскимъ писателямъ и органамъ печати слѣдовало бы взять на себя освѣщеніе еврейскаго вопроса, и что съѣздъ литераторовъ долженъ выставить опредѣленное, безъ всякихъ недомолвокъ, требованіе объ уравненіи евреевъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ и признаніи за еврейскимъ народомъ права на культурно-національное самоопредѣленіе.

Относительно этого послѣдняго пункта я считаю необходимымъ сдѣлать нѣкоторое поясненіе.

Въ виду того, что евреи лишены были элементарныхъ человѣческихъ правъ, не было никакой возможности и какъ то странно было говорить объ ихъ національныхъ правахъ. Вслѣдствіе этого національная сторона еврейскаго вопроса была отодвинута на задній планъ и словно затерялась. Въ настоящій моментъ когда все должно быть яснымъ, я считаю умѣстнымъ остановиться и на этой сторонѣ еврейскаго вопроса.

Эту сторону вопроса особенно затемняетъ то, что на Западѣ Европы евреи повсюду, до и послѣ эмансипаціи, разсматривались какъ вѣроисповѣдная группа, Причины этого въ самыхъ краткихъ чертахъ слѣдующія. Евреи послѣ разсѣянія, не переставая сознавать себя націей, отчасти по инстинкту самосохраненія, отчасти и сознательно, именно религію свою сдѣлали орудіемъ для сохраненія своей національной индивидуальности; вся обрядовая сторона еврейской религіи, всѣ талмудическія и раввинистскія постановленія имѣли главною цѣлью—сохраненіе самостоятельной національной жизни при исключительно трудныхъ условіяхъ.

Вслѣдствіе этого орудіе охраненія мало по малу заслонило собою то, что охранялось. Затѣмъ, большую роль сыграло и нивеллирующее дѣйствіе римской церкви. Римская церковь, которая вплоть до французской революціи была однимъ изъ главныхъ устоевъ стараго режима, а временами и полной владычицей его, крайне ослабила національное сознаніе западно-европ. народовъ и разсматривала все подъ угломъ вѣры, исповѣданія. Національный моментъ поэтому, до конца 18 вѣка, выступалъ только въ скрытомъ видѣ подъ разными формами: открыто и сознательно категорія націи выступаетъ только позднѣе. Естественно, что при такихъ условіяхъ у евреевъ Запада, которые находились тамъ въ небольшомъ сравнительно числѣ, національное сознаніе не могло выступить съ достаточною ясностью, тѣмъ болѣе, что и преслѣдованія ихъ на протяженіи многихъ вѣковъ совершались sub specie религіи.

Однако, евреи ни въ одинъ моментъ своей исторіи не переставали сознавать себя націей; и особенно живо это сознаніе своей національной индивидуальности въ живущемъ сплошными массами русскомъ еврействѣ. Всякія мѣры, которыя противодѣйствуютъ или даже только препятствуютъ его культурно-національному развитію,—а такія не разъ примѣнялись русскимъ правительствомъ, русское еврейство ощущало и всегда будетъ ощущать какъ насиліе, которому не должно быть мѣста въ свободномъ-правовомъ государствѣ. Генрихъ Сенкевичъ недавно ясно и убѣдительно доказывалъ, что нація съ такой старой культурой, какъ польская, вправѣ претендовать на самостоятельную школу и полное культурное самоопредѣленіе. Я полагаю, что это право не въ меньшей степени принадлежитъ древнѣйшему народу—еврейскому.

Я резюмирую все сказанное въ слѣдующей резолюціи, которую предлагаю собранію принять:

„Въ виду того, что бюрократическое правительство не только поддерживало и закрѣпляло существующіе въ невѣжественной массѣ предразсудки противъ евреевъ, но за послѣднее двадцатипятилѣтіе прямо ввело преслѣдованіе евреевъ въ программу своей политики и довело ихъ безчисленными ограниченіями въ элементарныхъ человѣческихъ правахъ—правѣ передвиженія, правѣ выбора промысла и занятія, правѣ учиться и учить,—до самаго бѣдственнаго состоянія и при этомъ создало въ окружающемъ населеніи представленіе о евреѣ, какъ о чемъ-то зловредномъ, угрожающемъ благосостоянію, такъ называемаго, „коренного“ населенія,—какъ о стоящемъ внѣ закона, въ виду того, что въ такомъ же направленіи дѣйствовалъ рядъ распространенныхъ въ разныхъ слояхъ общества органовъ печати и съ своей стороны создалъ общественную атмосферу, которая можетъ послужить препятствіемъ для проведенія въ жизнь по отношенію къ евреямъ общей формулы о равенствѣ передъ закономъ всѣхъ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданія и національности,—

Съѣздъ: 1) считаетъ необходимымъ опредѣленно выставить требованіе о гражданскомъ и политическомъ равноправіи евреевъ и правѣ еврейскаго народа на культурно-національное самоопредѣленіе [1]);

2) выражаетъ пожеланіе, чтобы органы печати по возможности удѣляли мѣсто конкретному освѣщенію еврейскаго вопроса, для того, чтобы содѣйствовать этимъ реальному проведенію въ жизнь требованія, выставленнаго въ пунктѣ 1.

Хотя общественное вниманіе отъ резолюцій утомилось, и большого впечатлѣнія онѣ уже не производятъ, тѣмъ не менѣе принятіе съѣздомъ русскихъ литераторовъ этой резолюціи—первой, которая касается спеціально евреевъ,—безъ сомнѣнія, не пройдетъ безслѣдно для русскаго общественнаго сознанія.

Неменьшее значеніе она будетъ имѣть и для евреевъ. Евреи всегда принимали видное участіе въ освободительномъ движеніи. Раньше они принимали въ немъ участіе, такъ сказать, въ одиночку. Теперь они примыкаютъ къ нему цѣлыми группами. Помимо всего прочаго, это достаточно ясно отражается хотя бы на томъ фактѣ, что нѣтъ, кажется, ни одного еврейскаго органа, который не высказывался бы за то, что въ дѣлѣ освобожденія Россіи евреи должны итти рука объ руку съ передовыми элементами русскаго общества. Но необходимо отмѣтить, что рядомъ съ этимъ среди евреевъ, которые всегда бросались въ политическое движеніе безъ всякаго политическаго расчета для самихъ себя, какъ для евреевъ, бросались по внутреннему влеченію, можно сказать, безъ оглядки,—въ этотъ серьезный для Россіи историческій моментъ, когда

---

*) Впослѣдствіи къ этому пункту, по предложенію представителей редакцій—„Гацофе“, „Фрайнда“, „Восхода“, „Еврейской школы“ и „Еврейской жизни“, прибавлено: „какъ-то: свобода школы, общиннаго самоуправленія, языка“.

уже близки реальные результаты, достаточно опредѣленно выступаетъ и нѣкоторый скептицизмъ во взглядахъ на тѣ реальные результаты, какіе освободительное движеніе можетъ принести евреямъ, выступаетъ основанное на горькомъ опытѣ недовѣріе къ русскому обществу и даже передовымъ его элементамъ. И еще недавно видный еврейскій писатель очень ясно и рѣзко высказался въ томъ смыслѣ, что евреямъ, какъ таковымъ, не слѣдуетъ присоединяться къ общимъ резолюціямъ, и въ числѣ мотивовъ опять-таки главное мѣсто занимаетъ то отношеніе русскаго общества и русской печати къ еврейскому вопросу, о которомъ я велъ рѣчь. Это недовѣріе у другихъ, у многихъ находится въ болѣе скрытомъ состояніи, но оно несомнѣнно существуетъ, оно носится въ воздухѣ. Хотя бы въ интересахъ того дѣла, которое насъ здѣсь объединяетъ,—дѣло установленія на Русской землѣ новаго порядка вещей,—это недовѣріе одного союзника къ другому должно быть устранено. Евреи должны получить полную увѣренность въ томъ, что дѣло, за которое они боролись и готовы бороться, есть *ихъ собственное* дѣло. Принятіемъ этой резолюціи вы до нѣкоторой степени успокоите евреевъ, вы покажете имъ, что представители русской печати, руководители русскаго общественнаго мнѣнія въ его лучшей части, т. е. наиболѣе чуткіе русскіе люди, *искренно* желаютъ провести формулу о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ безъ различія вѣроисповѣданія и національностей во всей полнотѣ.

Предложенная резолюція единогласно была принята присутствовавшими.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

ЗАСѢД. УГОЛ. КАССАЦІОН. ДЕПАРТАМ.
5 АПРѢЛЯ.

I.

Является ли знаніе обвиняемымъ содержанія раздаваемыхъ имъ прокламацій анти-правительственнаго характера непремѣннымъ условіемъ возможности отвѣтственности за распространеніе преступныхъ сочиненій?

Приговоромъ особаго присутствія Казанской судебной палаты было установлено, что 24 октября 1904 г. въ селѣ Большихъ Ключищахъ, Ключищенской волости, Симбирскаго уѣзда, крестьянинъ Сергѣй Волковъ, прибывшій незадолго до этого изъ Самары, далъ одиннадцатилѣтнему неграмотному мальчику Алексѣю Кочешаеву, пришедшему въ домъ дяди Сергѣя Волкова, Петра Волкова, попросить бумаги на папиросы для своего отца, два печатныхъ листка. Такой же листокъ Сергѣй Волковъ далъ, называя его газетою, „почитать“ неграмотному крестьянину Королеву. Мальчикъ Кочешаевъ одинъ изъ листовъ передалъ своему отцу, который и употребилъ его на папиросы, а другой оставилъ у себя. Сергѣй же Королевъ снесъ свой листокъ для прочтенія крестьянину Исаеву, но такъ какъ послѣдній по своей малограмотности прочитать листка не сумѣлъ, то оба они, Исаевъ и Королевъ, снесли листокъ для прочтенія къ приказчику народной чайной Бердникову. Послѣдній, убѣдившись изъ заглавія листка „По поводу казни Плеве“, что эта газета вредная и запрещенная, такъ какъ ему, Бердникову, было извѣстно, что фонъ-Плеве былъ не казненъ, а умерщвленъ злоумышленниками, отнесъ листокъ волостному старшинѣ Баскакову. Волостной старшина произвелъ у Волкова обыскъ и нашелъ при немъ напечатанный на гектографѣ листокъ другого вида и содержанія. Переданные Волковымъ мальчику Кочешаеву и Королеву листки оказались напечатанными на папиросной бумагѣ воззваніями „къ товарищамъ“ комитета русской соціалъ-демократической партіи, возбуждающими къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя въ цѣляхъ рабочихъ классовъ, а листокъ, отобранный у Волкова волостнымъ старшиною, оказался напечатаннымъ полууставомъ на гектографѣ воззваніемъ самарскаго комитета русской соціалъ-демократической партіи. Въ листкѣ этомъ, обращенномъ къ пролетаріямъ всѣхъ странъ, заключалось сообщеніе о предметѣ работъ амстердамскаго конгресса рабочихъ всѣхъ странъ, о принятыхъ на этомъ конгрессѣ рѣшеніяхъ, а равно приводилось заявленіе рабочихъ всѣхъ странъ о солидарности ихъ съ русскими рабочими, борющимися противъ существующаго въ Россіи государственнаго строя. Сергѣй Волковъ, къ которому было предъявлено обвиненіе въ распространеніи среди сельскаго населенія прокламацій, возбуждающихъ къ ниспроверженію въ Россійскомъ государствѣ общественнаго строя, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ п. 2 ст. 129 угол. улож., виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что инкриминируемые ему печатные листы онъ 12 октября 1904 г. нашелъ на берегу Волги въ г. Самарѣ, гдѣ онъ временно проживалъ въ одной изъ булочныхъ работникомъ. Содержаніе прокламацій ему неизвѣстно, ибо онъ, хотя и грамотенъ, ихъ не читалъ; по его словамъ, онъ передалъ листки Королеву на папиросы, а Кочешаеву на курево для его отца. Судебная палата нашла, что объясненіе подсудимаго о случайной находкѣ переданнаго Кочешаеву и Королеву и разысканнаго у подсудимаго изданій представляется правдоподобнымъ и ничѣмъ по дѣлу неопровергнутымъ. Воззванія комитета изложены языкомъ, недоступнымъ для малограмотнаго, и подсудимый, обучаясь въ сельской школѣ и судя по малому объему даваемаго такой школой образованія, врядъ ли былъ способенъ понять смыслъ этого воззванія, если бы даже и пытался прочесть эти воззванія, хотя послѣднее и представляется маловѣроятнымъ, т. к. подсудимый испытываетъ затрудненіе въ чтеніи книги, напечатанной шрифтомъ несжатымъ и достаточно разгонистымъ. Въ этомъ предположеніи палату укрѣпило и то, что воззванія не сумѣлъ прочесть малограмотный Исаевъ и что читающій газеты Бердниковъ только изъ заголовка догадался о противозаконномъ содержаніи прокламаціи. Помимо этого, по мнѣнію палаты, подсудимый ни словами, ни дѣйствіемъ не обнаружилъ знанія содержанія воззваній, а потому, по силѣ 43 ст. угол. улож., согласно которой незнаніе обусловливающихъ преступность дѣяній обстоятельствъ устраняетъ вмѣненіе, онъ не можетъ подлежать отвѣтственности за распространеніе сочиненій, призывающихъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя. Нѣтъ также въ дѣяніи подсудимаго и признаковъ дѣянія, предусмотрѣннаго 2 п. 130 ст. угол. улож., т. е. устнаго распространенія вредныхъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія ученій, на наличность какового дѣянія указывалъ представитель обвинительной власти. Что же касается найденнаго у него воззванія, котораго онъ никому и не передавалъ, то т. к. воззваніе это не соотвѣтствуетъ по своему содержанію сочиненіямъ, указаннымъ во 2 п. 129 ст. угол. улож., въ дѣяніи подсудимаго, если даже и предположить, что онъ прочиталъ воззваніе и, не взирая на весь низкій уровень своего образованія, понялъ его, нѣтъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 132 ст. угол. улож. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній палата, за силою 1 п. 771 уст. уг. суд, признала Волкова по суду оправданнымъ. На приговоръ этотъ товарищемъ прокурора Казанской судебной палаты былъ принесенъ Правит. Сенату кассаціонный протестъ.

Кассаторъ исходитъ изъ того, что выводы палаты о малограмотности Волкова и незнаніи имъ содержанія прокламацій, а равно утвержденіе, что воззванія недоступны простому обывателю не основаны на обстоятельствахъ дѣла и противорѣчатъ фактамъ, установленнымъ самою палатою. Желая узнать, насколько подсудимый свободно читаетъ, палата предложила ему прочесть нѣсколько статей изъ главы уголовнаго уложенія о государственныхъ преступленіяхъ и тѣмъ самымъ поставила себя въ положеніе эксперта, чѣмъ и допустила нарушеніе ст. 693 у. у. с.

Товарищъ оберъ-прокурора С. Я. Утинъ указалъ, что въ протестѣ товарища прокурора приводятся два основанія, по которымъ дѣло подлежитъ новому разсмотрѣнію—нарушенія чисто процессуальнаго характера и нарушенія матеріальнаго закона. Палата не могла заставить подсудимаго читать какую либо статью угол. улож. для того, чтобы убѣдиться въ степени его образованія и способности бѣгло читать. Она допустила по формѣ существенное нарушеніе, ибо, имѣя надобность выяснить этотъ вопросъ, она должна была обратиться, по точному смыслу ст. 693 у. у. с., къ содѣйствію свѣдущихъ людей. Только послѣдніе могли бы выяснить ей это, а самъ судъ никакъ не можетъ принимать на себя обязанности эксперта. По существу палата допустила, прибѣгая къ этому способу уясненія умственнаго развитія подсудимаго, грубую ошибку—она поставила исходъ дѣла въ зависимость отъ усмотрѣнія подсудимаго. Отъ него зависѣло дать извѣстное впечатлѣніе палатѣ и въ его лицѣ могъ быть симулянтъ. Такая постановка испытанія существенно нарушила равенство сторонъ на судѣ, почему приговоръ и не можетъ остаться въ силѣ. Вся мотивировка палаты, которую она привела въ доказательство того, что въ дѣяніи подсудимаго нѣтъ состава преступленія, несостоятельна и противорѣчитъ началамъ, приведеннымъ Пр. Сенатомъ въ рѣшеніи по д. Крохалева. Можно быть безграмотнымъ человѣкомъ, но въ то же время сознавать преступность распространяемыхъ прокламацій. Знаніе содержанія запрещенныхъ воззваній не имѣетъ значенія, ибо умыселъ подсудимаго долженъ выразиться въ знаніи, что распространяемое сочиненіе запрещено и преступно. То толкованіе, которое дала палата внутренней сторонѣ преступленія, неправильно и опасно, ибо оно ослабляетъ возможность судебной борьбы съ однимъ изъ ветчайшихъ золъ нашего времени—распространеніемъ сочиненій анти-правительственнаго характера. Отрицая наличность въ дѣяніи подсудимаго признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 132 угол. улож. палата, въ нарушеніе положеній закона и практики, не привела никакихъ соображеній по этому вопросу. По этимъ соображеніямъ приговоръ палаты не можетъ остаться въ силѣ за нарушеніемъ ст. 679, 766 и 797 уст. уг. суд. и 129 и 132 угол. улож. и подлежитъ отмѣнѣ и передачѣ на новое разсмотрѣніе его въ ту же палату въ другомъ составѣ.

Правит. Сенатъ опредѣлилъ оставить кассаціонный протестъ за силою 912 ст. у. у. с. безъ послѣдствій.

II.

Является ли объявленіе лицомъ, осужденнымъ за бродяжество, своего истиннаго званія безусловнымъ поводомъ къ возобновленію дѣла о немъ?

Мировой судья Тобольскаго окружнаго суда 1-го участка, Тюкалинскаго уѣзда, вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о возобновленіи уголовнаго дѣла о поселенцѣ Николаѣ Вишневскомъ. 14 мая 1899 г. поселенецъ Николай Вишневскій обратился въ Иркутскій окружный судъ съ прошеніемъ о возстановленіи его, Вишневскаго, въ прежнихъ правахъ его званія и состоянія. Проситель, какъ онъ указалъ въпрошеніи, уроженецъ Вятской губ., Сарапульскагоуѣзда, Ижевскаго оружейнаго завода, принадлежавшаго кабинету Его Величества, изъ мастеровыхъ, родился въ 1853 г. и назывался Николаемъ Степановымъ Никулинымъ. Въ 1874 г. по первому призыву былъ принятъ въ военную службу и зачисленъ въ 3-ю артиллерійскую бригаду, но за нарушеніе воинской дисциплины былъ судимъ Московскимъ военнымъ судомъ и присужденъ къ лишенію правъ и заключенію на 3 года въ Шлиссельбургскую крѣпость. До отбытія имъ положеннаго по приговору наказанія былъ судимъ за совершенное имъ еще до поступленія на военную службу ограбленіе жителя завода Мостюгина и былъ приговоренъ Сарапульскимъ окружнымъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ мѣста неотдаленныя. Во время пребыванія въ Сибири переходилъ съ мѣста на мѣсто въ качествѣ бродяги безъ вида на жительство, такъ какъ въ мѣстѣ приписки не имѣлъ средствъ къ существованію и въ 1885 г. былъ судимъ Тюкалинскимъ окружнымъ полицейскимъ управленіемъ за бродяжество подъ именемъ Николая Вишневскаго. Хотя проситель назывался впервые Вишневскимъ лишь при первомъ показаніи, а затѣмъ, раскрывъ управленію свое истинное имя, послѣднее вѣры его заявленію не дало, и онъ былъ приговоренъ за бродяжество къ тѣлесному наказанію и водворенію на поселеніе въ Восточную Сибирь въ Иркутскую губ. Поселенный въ селѣ Алзаманскомъ, проситель, проведя тамъ свыше 12 лѣтъ, обзавелся семьею и недвижимымъ имуществомъ, и былъ принятъ въ общество мѣщанъ г. Нижнеудинска, но приговоръ мѣщанскаго общества не былъ утвержденъ Иркутскимъ губернскимъ правленіемъ. Въ виду этого обстоятельства проситель, сообщая суду точныя свѣдѣнія о себѣ, просилъ о повѣркѣ ихъ и возстановленіи его въ прежнихъ правахъ его званія и состоянія. Мировой судья 1-го уч. Тюкалинскаго уѣзда нашелъ, что сообщенныя Вишневскимъ обстоятельства произведеннымъ разслѣдованіемъ подтвердились, но въ виду того, что Вишневскій былъ осужденъ за бродяжество подъ этой фамиліей по его винѣ, ибо ему во время суда было извѣстно, что онъ не Вишневскій, а Никулинъ, и что званіе свое онъ открылъ лишь послѣ ссылки въ Иркутскую губ., не усмотрѣлъ основаній къ возобновленію о немъ дѣла и въ ходатайствѣ его отказалъ. Тобольскій окр. судъ, усмотрѣвъ, что осужденный за бродяжество въ 1885 г. и сосланный въ Восточную Сибирь Вишневскій открылъ свое званіе и произведеннымъ разслѣдованіемъ подтвердилось, что именовавшій себя Вишневскимъ есть ссыльно-поселенецъ Никулинъ и что обстоятельство это, согласно 180 и 195 ст. уст. угол. суд., служитъ законною причиною для возобновленія дѣла о бродягѣ Вишневскомъ, приговоръ судьи отмѣнилъ и предписалъ ему войти въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ объ возобновленіи дѣла о бродягѣ Вишневскомъ.

Прав. Сенатъ разрѣшилъ мир. судьѣ возобновить дѣло о Вишневскомъ.

ХРОНИКА.

Прав. Сенатъ опредѣлилъ, что хотя согласно закону (ст. 121 уст. о зем. пов.) уплата всѣхъ **недоимокъ по земскимъ повинностямъ**, накопившихся въ недвижимомъ имуществѣ за время, предшествовавшее переходу онаго отъ одного владѣльца къ другому, лежитъ на обязанности новаго владѣльца имущества, но правило сіе не распространяется на имущества, проданныя съ публичныхъ торговъ, и недоимки разныхъ сборовъ, въ томъ числѣ и земскихъ, лежащія на такихъ имуществахъ, взыскиваются изъ

представленной покупщикомъ суммы; при этомъ, въ силу опредѣленія Прав. Сената отъ 19 іюня 1898 г. за № 283, лицо, пріобрѣвшее недвижимое имѣніе съ публичнаго торга, не можетъ быть подвергнуто взысканію даже самой недоимки земскаго сбора, не уплаченной при продажѣ съ торговъ сего имѣнія, и таковая неуплата оставляется на отвѣтственности мѣста, производившаго продажу.

(22 III 1905, № 2648).

—

Прав. Сенатъ опредѣлилъ, что всѣ дѣйствовавшія до изданія Высочайше утвержденной 12 іюня 1890 г. **инструкціи церковнымъ старостамъ** (собр. узак. 1890 г., № 75), постановленія и разъясненія по указанному вопросу, въ томъ числѣ и подлежащихъ статей устава духовныхъ консисторій, надлежитъ считать отмѣненными. (16 III 1905, № 2322).

—

Въ „Костр. Листкѣ“ напечатано слѣдующее извѣщеніе костромского предводителя дворянства:

„Государю Императору 30 марта сего года, во время представленія моего Ему въ Царскосельскомъ дворцѣ, благоугодно было повелѣть сообщить чрезъ меня дворянству Костромской губерніи слѣдующія его слова:

„Воля моя въ дѣлѣ **созыва народныхъ представителей** непреклонна, и министръ внутреннихъ дѣлъ прилагаетъ всѣ усилія къ скорѣйшему выполненію ея!“

—

„Б. В.“ и „Русь“ слышали, что **земскій соборъ** будетъ имѣть мѣсто въ Петербургѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Къ этому времени будутъ созваны народные представители.

—

„Слово“ сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени ожидается обнародованіе широкой **амнистіи** лицамъ, потерпѣвшимъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія, и послѣдуетъ распоряженіе о прекращеніи производства всѣхъ вновь возбужденныхъ съ 9-го января сего года дѣлъ по тѣмъ же вопросамъ.

—

Въ Москвѣ организуется въ настоящее время новая **политическая группа** подъ предсѣдательствомъ звенигородскаго предводителя дворянства гр. П. С. Шереметева. Программа ея напечатана и заключаетъ въ слѣдующіе пункты: 1) незыблемость и неприкосеовенность самодержавія; 2) содѣйствіе реформамъ, объявленнымъ въ манифестѣ 12 декабря и въ рескриптѣ 18 февраля; 3) противодѣйствіе всѣми способами всѣмъ другимъ партіямъ, имѣющимъ иныя политическія цѣли и задачи.

—

11 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ барона Тизенгаузена, состоялось засѣданіе, въ которомъ участвовали: графъ П. А. Гейденъ, баронъ П. Н. Корфъ, В. С. Кривенко, И. С. Крючковъ, прис. пов. В. О. Люстихъ, А. Н. Никитинъ, Н. А. Рѣзцовъ и нѣкоторые изъ представителей ученаго міра. Собраніе происходило въ кабинетѣ предсѣдателя С.-Петербургской городской думы. Оно было посвящено обсужденію вопроса объ учрежденіи **политическаго клуба**, цѣлью котораго будетъ осуществленіе идей, высказанныхъ на ноябрьскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ земскихъ дѣятелей. Новый политическій клубъ будетъ защищать идею народнаго представительства съ полными законодательными функціями, но вполнѣ примиряющагося съ основами существующей системы верховной власти. Неприкосновенность личности, свобода слова, собраній, печати, расширеніе мѣстнаго самоуправленія и др. §§, стоящіе въ программѣ прогрессивной партіи, исповѣдываются и возникающимъ политическимъ клубомъ. Члены клуба будутъ вербоваться изъ всѣхъ слоевъ населенія, но предпочтеніе будетъ отдаваться общественнымъ дѣятелямъ. Названіе клуба еще не опредѣлено; изъ 20 уже имѣющихся въ распоряженіи иниціаторовъ будетъ выбрано наиболѣе подходящее—вродѣ „прогрессивное общество“ и т. д. Выработанный уставъ будетъ представленъ въ непродолжительномъ времени на утвержденіе подлежащихъ сферъ.

—

Земскимъ дѣятелямъ, собиравшимся на предположенный 22 апрѣля **обще-земскій съѣздъ**, объявлено, что такой съѣздъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ допущенъ быть не можетъ, такъ какъ на созваніе его не испрашивалось ни у кого разрѣшенія.

—

Вслѣдствіе манифестаціи, происшедшей въ Минскомъ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ, административной властью **воспрещены засѣданія** литературной секціи общества. Производится дознаніе. (Р. А.).

—

Мартовская книжка „Журнала общества русскихъ врачей въ память Пирогова“, въ которой помѣщенъ краткій отчетъ о послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ, **пріостановлена выходомъ** впредь до особаго распоряженія. Правленіе общества принимаетъ мѣры къ тому, чтобы запрещеніе было снято.

—

Постановленіемъ тамбовскаго губернатора, распубликованнымъ въ „Губ. Вѣд.“, **общество попеченія о дѣтяхъ закрыто** за допущеніе къ обсужденію въ общемъ собраніи, 23 марта, петиціи воспитанниковъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній, послѣдствіемъ чего 26 марта явилась забастовка учащихся, продолжавшаяся до 2 апрѣля. (П. А.).

—

Въ Царицынѣ, 2-го апрѣля, въ помѣщеніи земской управы состоялось экстренное собраніе общества врачей для разрѣшенія вопроса о мѣрахъ борьбы съ холерой. Гласный думы, врачъ Филимоновъ, нарисовалъ положеніе дѣла, находя, что внѣ коренныхъ измѣненій существующихъ условій немыслима плодотворная борьба съ холерой.

Въ срединѣ рѣчи участковый приставъ вручилъ находившемуся въ собраніи исполняющему должность полиціймейстера телеграмму отъ губернатора, **воспрещающую продолженіе собранія.**

Полиціймейстеръ, дождавшись конца рѣчи Филимонова, покрытой дружными рукоплесканіями, вру-

чилъ предсѣдателю собранія губернаторскую телеграмму.

Собраніе было немедленно прервано.

Послѣ частнаго совѣщанія постановлено: признавая этотъ фактъ обиднымъ для общества, телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ о несправедливомъ распоряженіи губернатора и просить гофмейстера А. Г. Булыгина непосредственно разрѣшить продолжать собраніе врачей. (Р. Сл.).

—

Томское юридическое общество послѣ ряда засѣданій выработало и постановило представить въ совѣтъ министровъ **резолюцію** по вопросамъ о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о неприкосновенности личности и жилища, свободѣ совѣсти, вѣроисповѣданія, обученія, слова, печати, союзовъ и собраній, а также объ обязательномъ безплатномъ низшемъ образованіи. (Р. А.).

—

Въ „Крымскомъ Курьерѣ“ отъ 29-го марта напечатано слѣдующее объявленіе городского головы: „Таврическимъ губернаторомъ разрѣшено **собраніе рабочихъ** для обсужденія ихъ профессіональныхъ нуждъ и потребностей. Рабочіе, желающіе принять участіе въ означенномъ собраніи, приглашаются явиться въ городскую управу отъ 9-ти до 1-го часа дня и записываться тамъ. Обязательно сообщеніе имени, фамиліи или прозвища, мѣста жительства и рода занятій“. Назначеніе дня собранія состоится впослѣдствіи.

—

Въ Сормово, Нижегородской губ., 1-го апрѣля въ помѣщеніи народной столовой докторомъ Кармановымъ, завѣдующимъ мѣстною больницей, была прочитана лекція о холерѣ.

Слушателей явилось болѣе тысячи человѣкъ, преимущественно мастеровые заводовъ „Сормово“. Уже съ начала лекціи рабочіе отнеслись къ ея содержанію крайне недовѣрчиво. Рекомендуемыя Кармановымъ средства предостереженія, какъ-то: „хорошее питаніе“, „чай съ ромомъ“ вызывали въ публикѣ ироническія замѣчанія. Нѣкоторые изъ слушателей задаютъ Карманову вопросы, просятъ подробнѣе остановиться на томъ явленіи, что эпидеміи обыкновенно распространяются быстро среди бѣднаго населенія. Лекторъ даетъ уклончивые отвѣты; недовольство публики растетъ. По окончаніи лекціи въ срединѣ залы выдѣлился ораторъ и, подвергнувъ краткой критикѣ прочитанную лекцію, перешелъ къ вопросамъ о настоящемъ **положеніи русскаго рабочаго**. Ораторъ указалъ, что въ настоящее время три болѣзни осаждаютъ русское общество: война, азіатская гостья—холера и, такъ-называемая, „черносотенная эпидемія“. Охарактеризовавъ дѣятельность „черной сотни“, организуемой самой же полиціей, ораторъ просилъ указать на тѣ средства, которыми можно было бы искоренить „черносотенную эпидемію“. Публика стала расходиться, но, увидѣвъ въ дверяхъ полицію, съ криками „Бей полицію!“ бросилась на нее. Въ рядахъ публики раздались револьверные выстрѣлы. Растерявшіеся чины полиціи обратились въ бѣгство, спасаясь кто, гдѣ могъ. Выбѣжавшіе во дворъ полицейскіе попрятались въ бочкахъ съ водой, въ помойныхъ ямахъ и т. п. Нѣкоторые нашли убѣжище въ квартирѣ буфетчика и для большей безопасности залѣзли подъ кровать. Одинъ изъ городовыхъ разсказывалъ, что онъ спасся отъ побоевъ только тѣмъ, что вовремя успѣлъ сбросить съ себя полицейскую одежду и, оставаясь почти въ одномъ бѣльѣ, простоялъ незамѣченнымъ. По случаю происшедшаго нападенія около 40 человѣкъ полицейскихъ подали объ отказѣ отъ службы. (Р. В.).

—

Жители пос. Висунска, Херсонскаго уѣзда, въ числѣ 140 лицъ, послали министру внутреннихъ дѣлъ петицію, въ которой наиболѣе интересные пункты слѣдующіе: **выкупъ земли у помѣщиковъ** за счетъ государства, прекращеніе войны, свобода печати, союзовъ, собраній, совѣсти и пр. и созывъ всероссійскаго представительнаго собранія. (Од. Нов.).

—

29-го марта, нѣкоторые изъ обывателей города Грязовца утромъ увидѣли на воротахъ своихъ домовъ расклеенныя **прокламаціи**.

Тотчасъ же было дано знать полиціи. Полиція, за неимѣніемъ сыщиковъ, поручила розыски своимъ полицейскимъ, которые, снявши форменную одежду и нахлобучивъ шапки на глаза, стараются быть неузнанными. Въ такомъ видѣ они ходятъ по улицамъ города вотъ уже три дня и успѣли намозолить глаза публикѣ. (С. Кр.).

—

Въ реальномъ училищѣ въ Сухумѣ, 28-го марта, до начала занятій, реалисты, въ числѣ 6—7, выбѣжавъ на улицу, начали бить камнями окна въ училищѣ, но, благодаря своевременно подоспѣвшимъ городовымъ и казакамъ, разбѣжались въ разныя стороны. Трое изъ нихъ были задержаны и отправлены въ полицію для допроса, причемъ задержанъ и одинъ малолѣтній ученикъ, имѣвшій при себѣ **красный флагъ** съ противоправительственной надписью на грузинскомъ языкѣ. Въ средѣ остальныхъ учениковъ реальнаго училища также было замѣтно нѣкоторое волненіе и напряженное состояніе. Тѣмъ не менѣе учебныя занятія прошли въ этотъ день благополучно до послѣдняго урока.

—

Въ Елисаветградѣ около аудиторіи народныхъ чтеній при Елисаветградскомъ реальномъ училищѣ собралась толпа, желавшая послушать чтеніе о. Бобровницкаго. Въ аудиторіи находился хоръ военной музыки и учебная команда Таганрогскаго полка. Къ часу дня было объявлено, что лекція отмѣнена. **Толпа**, подъ звуки музыки, вышла изъ аудиторіи и хлынула по Дворцовой по направленію къ Б.-Перспективной. Магазины спѣшно закрывались. Сейчасъ же дано было знать полиціи, и къ мѣсту происшествія явился полиціймейстеръ, который просилъ толпу разойтись. Раздались крики и свистки. Толпа, между тѣмъ, все увеличивалась, волновалась, шумѣла. Кто-то изъ толпы бросился на студента П. и ударилъ его. Студентъ К. заступился за товарища и ему удалось скрыться отъ преслѣдованія въ передней государственнаго банка. Была вытребована рота солдатъ

Таганрогскаго полка, и скоро спокойствіе было возстановлено. (Ел. Н.).

—

Въ уѣздахъ Эстляндской губ. за послѣднее время появилась **масса прокламацій** и воззваній къ народу, приглашающихъ съ цѣлью проведенія политическихъ требованій приступать къ массовымъ возстаніямъ и насиліямъ. Для предупрежденія безпорядковъ высланы войска въ Везенбергъ и Вейсенштейнъ и въ нѣкоторыя другія мѣста. (Риж. В.).

—

Въ Полѣсьѣ появились распространители революціонныхъ **прокламацій** на русскомъ и латышскомъ языкахъ. Нѣкоторыя найдены прибитыми къ деревьямъ. Одинъ раздатчикъ прокламацій латышъ Убель, подъ видомъ покупателя земли, началъ въ имѣніи раздавать прокламаціи между крестянами, но былъ открытъ служащими имѣнія и арестованъ. (Кіевл.).

—

„Риж. Вѣд.“ сообщаютъ „Въ воскресенье, 13 марта, послѣ богослуженія у ронебургской церкви толпой была устроена **демонстрація**. Были разбросаны направленныя противъ правительства и владѣльцевъ имѣній прокламаціи. Затѣмъ толпа съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ направилась въ ближайшій лѣсъ и, рѣшивъ тамъ устроить слѣдующую демонстрацію въ воскресенье, 20-го марта, разошлась. Такъ какъ въ воскресенье, 20-го марта, въ Ронебургѣ находилось значительное количество полицейскихъ чиновъ, то демонстрація у церкви въ этотъ не состоялась, и толпа въ 70 человѣкъ собралась въ лѣсу, читала вслухъ прокламаціи и пѣла революціонныя пѣсни. Въ воскресенье, 27-го марта, часу во 2-мъ пополудни, послѣ богослуженія состоялось подобное же сборище“. (Р.В.).

—

Барону Мейендорфу, который потерпѣлъ убытки во во время **крестьянскихъ волненій**, выдано **пособіе отъ казны.** (Р. Сл.).

—

Происходившія въ Сѣверо-западномъ краѣ **крестьянскія волненія**, по словамъ газеты, сосредоточились въ Витебской губ. Первымъ въ Витебской губ. подвергалось разгрому имѣніе гр. Плятера „Кославъ“. Несмотря на присылку войскъ, возникшія тамъ волненія не только не ослабѣли, но даже приняли болѣе грозный характеръ. Въ шести имѣніяхъ сожжены всѣ хозяйственныя постройки и попорченъ, частью же уничтоженъ инвентарь. Прибывшимъ на мѣсто безпорядковъ губернаторъ порядокъ водворенъ при содѣйствіи войскъ. Число убитыхъ и раненыхъ во время усмиренія безпорядковъ не выяснено. Арестовано около 500 чел. Нѣкоторые изъ крестьянъ арестованы вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Въ разграбленныхъ и опустѣвшихъ имѣніяхъ оставлены все-таки войска. По деревнямъ, болѣе другихъ причастнымъ къ волненіямъ, распредѣлены войсковыя части. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ размѣры самовольно срубленнаго крестьянами лѣса достигаютъ 100 десятинъ. (Кч.).

—

Вечеромъ, 24-го марта, въ м. Очемчирахъ сгорѣло мѣстечковое управленіе со всѣми, дѣлами. Обыватели мѣстечка, по преимуществу мингрельцы, совершенно **отказались отъ признанія и платежей**, предусмотрѣнныхъ смѣтою разныхъ видовъ налоговъ; многіе торгоцы не хотятъ брать торговые документы, всѣ отказываются признавать мѣстную полицію, угрожая русскимъ изгнаніемъ. Священнику и учителямъ школъ предъявлены требованія перейти къ богослуженію и преподаванію на грузинскомъ языкѣ.

Движеніе это переходитъ на прилегающія сельскія общины кодорскаго и самурзанскаго участковъ.

Съ цѣлью противодѣйствія дальнѣйшему развитію смуты на мѣсто командированы воинскія части.

(„Кавказъ“).

—

Для объявленія обществамъ селеній Мухури, Джгаши, Обуджа, Чаквиджи, Зугдидскаго уѣзда, приказанія временнаго кутаисскаго генералъ-губернатора князя Джамоакуріанъ-Орбеліани о выдачѣ преступниковъ, былъ командированъ пом. зугдидскаго уѣзднаго начальника капитанъ Зенченко. 29-го марта, въ третьемъ часу дня, при возвращеніи его съ приставомъ, семью стражниками и четырьмя казаками изъ сел. Чаквинджи, всѣ они **подверглись** изъ шести мѣстъ засады **обстрѣливанію** со стороны шайки бѣглаго агитатора Гетія, въ числѣ до сорока злоумышленниковъ. При послѣдовавшей перестрѣлкѣ, повидимому, убито и ранено четверо злоумышленниковъ, изъ сопровождавшихъ же помощника уѣзднаго начальника казаковъ у одного убита лошадь.

Ночью 25-го марта вооруженной шайкой того же Гетія сожжены дѣла и документы ахутской сельской канцеляріи.

—

„Кавказу“ сообщаютъ, что со второй половины марта мѣсяца началось **броженіе** среди крестьянъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ. Такъ, жители сел. Бодбисхеви ворвались въ телованскую казенную лѣсную дачу и стали рубить лѣсъ, но мѣрами полиціи рубка была прекращена. Крестьяне сел. Какабеты закрыли школу, уничтожили въ торговыхъ заведеніяхъ торговые документы и съ пяти перегонныхъ водочныхъ кубовъ сорвали казенныя печати. Въ селеніяхъ Чайлури и Шибліани крестьянело требовали выѣзда помѣщиковъ, при чемъ въ имѣніи кн. Черкезова былъ разломанъ заборъ. Уѣздному начальнику, объѣзжавшему названныя селенія, крестьяне заявили о своихъ требованіяхъ, тождественныхъ съ требованіями крестьянъ Гуріи.

Волненіе распространяется быстро, при чемъ нѣкоторыя селенія проявляютъ сильное возбужденіе. Въ виду этого въ Сигнахскій уѣздъ командированы войсковыя части.

—

Въ послѣднее время **броженіе** среди крестьянъ начинаетъ обнаруживаться и въ Тіонетскомъ уѣздѣ. 27-го марта въ селеніи Сакарауло сожжена сельская канцелярія, избиты священникъ и духанщикъ. Въ селеніяхъ Накалакари и Сакдріони толпы крестьянъ ходятъ съ флагами. Въ селеніяхъ Сіони и Дигмилаури крестьяне рѣшили распахать помѣщичьи земли, при чемъ заявили, что впослѣдствіи заплатятъ за распашку по установленной администраціей платѣ. Тіонет-

скимъ уѣзднымъ начальникомъ приняты мѣры къ успокоенію крестьянъ путемъ личныхъ убѣжденій и при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ.

(„Кавказъ“).

—

Въ „Кавказѣ“ напечатано слѣдующее офиціальное сообщеніе:

„О **крестьянскомъ движеніи** въ Телавскомъ уѣздѣ въ послѣднее время имѣются слѣдующія свѣдѣнія.

28-го марта крестьяне селенія Уріатубани собрались на сходъ во дворѣ начальнаго училища, принудили приходскихъ священниковъ привести ихъ къ присягѣ, постановили закрыть училище и сельскую канцелярію, опредѣлили священникамъ 3 р. съ каждаго дома въ годъ, устранили объѣздчиковъ и лѣсныхъ сторожей, отобрали у помѣщиковъ подписки о принадлежности ихъ имѣній крестьянамъ, опредѣлили выходить на общественныя работы всѣмъ безъ различія сословій, пользоваться безгранично лѣсами и пастбищами, производить торговлю безъ документовъ, выкуривать спиртъ безъ акциза и не платить за пріемный покой. Затѣмъ они спокойно разошлись по домамъ.

30 марта крестьяне селенія Цинондали явились въ удѣльное имѣніе, потребовали на сходъ всѣхъ рабочихъ, мастеровъ и прислугу имѣнія, угрожая въ противномъ случаѣ поджогомъ и насиліемъ и подожгли лѣсъ князя Сулхана Георгіевича Чавчавадзе, откуда огонь перешелъ на удѣльную дачу. Принятыми мѣрами огонь былъ потушенъ.

На другой день крестьяне селеній Ванта, Бушати. Квемоходашени и Цинондалы, собравшись въ числѣ около 2,000 человѣкъ съ выкинутыми двумя красными флагами, поклялись дѣйствовать заодно, заперли цинондальское сельское управленіе, вынеся предварительно на дворъ портретъ Государя Императора и, отобравъ знаки у сельскихъ должностныхъ лицъ приказали не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Затѣмъ. подойдя къ желѣзнымъ воротамъ удѣльнаго имѣнія, гдѣ ихъ встрѣтилъ управляющій Куредовъ, разъяренная толпа угрозами заставила его подписать листъ и съ криками „ура“ двинулась къ селеніямъ Квемоходашени, Бушеты и Ванта, гдѣ тоже потребовала подписей помѣщиковъ.

По распоряженію главнаго кавказскаго начальства, въ Телавскій уѣздъ командированъ отрядъ кавалеріи со станціи Самтреди.

—

Волненіе среди крестьянъ Душетскаго уѣзда постепенно распространяется по всему уѣзду и выражается въ сходкахъ, въ устраненіи должностныхъ лицъ и въ порубкахъ частныхъ лѣсовъ. Для выясненія нуждъ крестьянъ въ уѣздъ командированъ членъ дѣлопроизводитель тифлисскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Шестаковъ.

(„Кавказъ“).

—

Батумскій ген.-губернаторъ кн. И. М. Орбеліани 1-го апрѣля предписалъ соотвѣтствующимъ властямъ слѣдующее:

„Изъ донесеній уѣздныхъ начальниковъ усматривается, что во многихъ обществахъ по подстрекательству агитаторовъ жителями насильно устранены отъ исполненія своихъ обязанностей сельскіе старшины и другія власти, а на мѣсто сихъ послѣднихъ **самовольно назначены тысячники**, сотскіе, десятники и пр. Кромѣ того, сожжены или разрушены всѣ постройки сельскихъ управленій и дѣла послѣднихъ уничтожены. Предписываю уѣзднымъ начальникамъ, съ полученіемъ настоящаго приказа, немедленно приступить къ возстановленію законной власти во всѣхъ сельскихъ обществахъ, гдѣ произошли помянутыя происшествія и для того: 1) возстановить въ правахъ и обязанностяхъ сельскія власти и въ случаѣ отказа послѣднихъ отъ исполненія своихъ обязанностей назначить правительственныхъ старшинъ и къ нимъ нужное число помощниковъ писарей съ содержаніемъ за счетъ жителей и 2) нанять за счетъ жителей временныя помѣщенія для сельскихъ управленій, а жителей обязать немедленно приступить къ возобновленію уничтоженныхъ построекъ съ предвареніемъ силы обязательнаго постановленія, изданнаго на сей предметъ“. (Черн. В.).

—

Съ часа дня 31-го марта станція Елисаветполь закавказской желѣзной дороги забастовщиками поставлена въ **осадное положеніе**; такъ, телеграфные провода обрѣзаны, телеграфисты и весь персоналъ службы движенія со станціи выгнанъ подъ угрозой лишенія жизни, всякое движеніе на станціи прекращено, а шедшіе на станцію поѣзда остановлены за станціей въ степи. Администраціей приняты мѣры къ прекращенію безпорядковъ. (П. А.)

—

„Тверск. Губ. Вѣд.“ сообщаютъ о происшедшихъ въ концѣ марта **безпорядкахъ** въ мѣстечкѣ Макситихѣ, Бѣжецкаго уѣзда. Безпорядки произведены рабочими ящичнаго завода и вызваны задержкой въ выдачѣ заработной платы и увеличеніемъ рабочаго времени. (П. А.)

—

9-го апрѣля **забастовали пекаря** московскихъ пекаренъ дружно и единодушно. Во всѣхъ булочныхъ и пекарняхъ остались большіе запасы уже готоваго, но еще неиспользованнаго тѣста. Въ два часа дня на Петровкѣ собралась толпа пекарей числомъ около сотни человѣкъ. Полиція пыталась разогнать собравшихся, но неудачно. Толпа отбила нѣсколькихъ своихъ товарищей, задержанныхъ полиціей. Затѣмъ до самаго вечера пекаря вели себя въ образцовомъ порядкѣ. Утромъ во многихъ пекарняхъ для предупрежденія могущихъ возникнуть безпорядковъ были полицейскіе наряды, но имъ нечего было дѣлать, такъ какъ пекаря вели себя очень корректно.

Вечеромъ въ селѣ Всесвятскомъ состоялась сходка пекарей.

—

Въ Одессѣ, въ виду злонамѣренно распространенныхъ слуховъ, будто одно высокопоставленное лицо прислало изъ Петербурга 10,000 рублей для раздачи предъ праздниками семьямъ запасныхъ, 12 апрѣля съ утра стали стекаться жены запасныхъ къ городской управѣ и требовать предпраздничной выдачи присланныхъ денегъ.

Никакія разъясненія не помогли, тысячная **толпа**

женщинъ стала ломиться въ управу. Находившаяся на лицо полиція оказалась безсильной. Женщины взломали двери, разбивали окна, бросали камни. Городскому головѣ пришлось уйти изъ своего кабинета. Толпа разошлась только послѣ того, какъ городской голова въ качествѣ предсѣдателя общества вспомоществованія семьямъ запасныхъ роздалъ женщинамъ значительную сумму. Опасаются, что завтра повторится то же. (П. А.).

—

Въ Симферополѣ **забастовали** пятый, шестой и седьмой классы мужской гимназіи. Гимназисты требуютъ: уничтоженія перлюстраціи, которой со стороны инспекціи подвергаются письма, адресуемыя ученикамъ на гимназію; освобожденія учениковъ отъ обязательнаго посѣщенія гимназической церкви, въ пользу посѣщенія приходской или, вообще, ближайшей церкви къ квартирѣ; отмѣны запрещеній посѣщать публичныя библіотеки, читальни, лекціи и спектакли; созыва совѣщанія родителей по неотложнымъ вопросамъ жизни средней школы; предоставленія родителямъ участія въ педагогическомъ совѣтѣ и т. д. (Ю. К.).

Въ Бѣлостокѣ, 8 апрѣля, утромъ, неизвѣстный злоумышленникъ выстрѣломъ изъ револьвера въ голову **убилъ казака**, проходившаго по Болонистой ул.

На Желѣзной улицѣ три злоумышленника стрѣляли въ околоточнаго надзирателя Савицкаго, который раненъ пятью пулями, одной навылетъ. Одна пуля причинила царапину, три остались въ груди. Положеніе раненаго серьезно и вызываетъ опасенія. Пули были отравленныя. Злоумышленники скрылись. (П. А.).

—

Въ Варшавѣ, 7 апрѣля, около 9 ч. вечера, на улицѣ Видокъ неизвѣстныя лица изъ мести на политической подкладкѣ **убили ножемъ дворника** дома № 3 и ранили дворника дома № 5, послѣ чего стрѣляли въ пытавшихся задержать ихъ дворниковъ сосѣднихъ домовъ. Одинъ изъ этихъ дворниковъ контуженъ. Стрѣлявшіе скрылись. (П. А.).

—

Газета „Rozwój“ сообщаетъ **о трехъ покушеніяхъ**, происшедшихъ въ Лодзи въ продолженіе 2-го апрѣля.

Около полудня 2-го апрѣля околоточный Бораковскій замѣтилъ на улицѣ трехъ какихъ то лицъ. Вскорѣ со стороны ихъ послѣдовало три выстрѣла изъ револьверовъ. Пули пролетѣли мимо. Нападавшіе скрылись.

На Рокотинскомъ шоссе произведено три выстрѣла въ воинскій патруль, но безуспѣшно. Стрѣлявшіе убѣжали.

Сильное впечатлѣніе на публику произвело покушеніе среди бѣла дня на находившагося на посту околоточнаго надзирателя Гайдовскаго.

Двумя нападавшими мужчинами произведено въ околоточнаго четыре выстрѣла. Одной пулей Гайдовскій смертельно раненъ въ грудь. Покушавшіеся бросились въ толпу евреевъ, выходившихъ послѣ богослуженія изъ синагоги. Одинъ изъ нихъ задержанъ.

На предварительномъ слѣдствіи покушавшійся отказался назвать свою фамилію.

—

Экстренно вызваны въ Челябинскъ двѣ роты расположеннаго здѣсь 222-го запаснаго Челябинскаго полка для **подавленія** вспыхнувшихъ тамъ безпорядковъ. (Уральск. Ж.).

—

5-го апрѣля, около 12 ч. дня, въ Либавѣ произведено **нападеніе на жандармскаго унтеръ-офицера** и городового, отвозившихъ въ тюрьму по Сиротской улицѣ на извозчикѣ одного арестованнаго. Нѣсколько человѣкъ остановили экипажъ; затѣмъ произошла свалка, во время которой раздались нѣсколько выстрѣловъ. Жандармскій унтеръ-офицеръ Баушенекъ оказался раненымъ 2-мя револьверными пулями: одною въ горло, а другой въ руку. По доставленіи въ городскую больницу онъ въ 4 ч. дня скончался. Нападавшіе освободили арестованнаго. Убійца остался неизвѣстнымъ. (Р. В.).

—

6-го марта, послѣ двухдневнаго разсмотрѣнія дѣла о 14 нижнихъ чинахъ 134 зап. батальона, временный военный судъ въ Екатеринославѣ объявилъ при открытыхъ дверяхъ резолюцію, которой трое подсудимыхъ признаны виновными въ **нападеніи на начальника-офицера** при исполненіи имъ обязанностей службы и нанесеніи ему побоевъ и приговорены къ смертной казни разстрѣливаніемъ; одинъ за участіе въ этомъ преступленіи присужденъ въ каторжныя работы безъ срока, двое за бездѣйствіе власти во время совершенія этого преступленія въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три года; шесть человѣкъ за недонесеніе объ этомъ преступленіи въ дисциплинарный батальонъ на три года; два подсудимыхъ оправданы. (Кіев. От.).

—

Въ ночь на 6 апрѣля въ Кишиневѣ на углу Кузнечной и Болгарской улицъ чинами жандармскаго управленія обнаружена **тайная типографія**. Виновные въ этой дѣятельности, молодые евреи (мужъ и жена), прибывшіе въ Кишиневъ только въ февралѣ изъ одной изъ западныхъ губерній, застигнуты при наборѣ для печати прокламацій. (Вес. Ж.).

—

Въ Курскѣ, въ ночь съ субботы, 2-го апрѣля, на воскресенье полиція замѣтила сходку по Авраамовской ул., въ д. Поликарпова, и около часа ночи туда явились полицейскіе чины съ городовыми и стражниками. Когда полиція вошла въ квартиру, то нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ стали стрѣлять. Двѣ пули попали частному приставу въ ногу и руку. Ранены еще городовой и стражникъ. Около 20-ти человѣкъ задержано. При обыскѣ нашли **тайную типографію.** На сходкѣ, какъ выяснилось, были пріѣзжіе, именующіе себя членами боевой организаціи революціоннаго комитета. (Кур. Л.).

—

Въ „Варш. Дн.“ напечатано: „Въ видахъ болѣе быстраго разрѣшенія дѣлъ о нарушеніи предписаній, изложенныхъ въ п.п. 1 и 2 обязательнаго постано-

вленія, изданнаго 19-го января с. г. на основаніи **положенія объ усиленной охранѣ**, а равно о нарушеніи такого же постановленія, изданнаго 11-го февраля с. г., варшавскій генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ предоставить варшавскомъ оберъ-полиціймейстеру опредѣленіе административныхъ взысканій за означенныя нарушенія".

—

„Слово" сообщаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что на дняхъ произведенъ **арестъ трехъ главарей революціонной партіи**, признававшей возможность осуществленія реформъ въ Россіи исключительно путемъ террора.

—

Въ Виндавѣ, 8 апрѣля, расклеены объявленія объ **усиленной охранѣ**. (П. А.).

—

Во Владимірѣ администрація заставляетъ земскихъ начальниковъ доставлять **списки неблагонадежныхъ лицъ**. Одинъ земскій начальникъ былъ уволенъ губернаторомъ за то, что отказался исполнить это требованіе. (В. П.).

—

Въ Одоевѣ, Тульской губ., въ городѣ и уѣздѣ распространяются **воззванія** къ простымъ русскимъ людямъ; воззванія напечатаны въ типографіи Тульскаго губернскаго правленія. Въ нихъ говорится: „повѣрьте, не та страшна революція для Россіи, которая затѣвается, но та контръ-революція, которая послѣдуетъ за этой: отъ контръ-революціи не останется слѣда отъ парламента со всѣми его депутатами".

—

Въ Казанской судебной палатѣ, 9 апрѣля, при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о студентѣ казанскаго университета Кольцовѣ, привлеченномъ по 120 ст. уг. уложенія **за распространеніе запрещенныхъ сочиненій.** Кольцовъ приговоренъ на 8 мѣс. заключенія въ крѣпости, причемъ изъ этого срока исключены 2 мѣс., проведенныхъ Кольцовымъ въ тюрьмѣ. (Р. А.).

—

Въ военно-окружномъ судѣ 9 апрѣля разсмотрѣно дѣло при закрытыхъ дверяхъ по обвиненію рядового 230-го Ветлужскаго рез. баталіона Мовшовича въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1 и 2 п. **130 ст. угол. улож.** Мовшовичъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ воинскаго знанія и исключеніемъ изъ службы. (Р. А.).

—

Въ Плоцкѣ на-дняхъ **арестовано** нѣсколько лицъ. Въ числѣ другихъ арестованъ Адамъ Немировскій, извѣстный польскій писатель и библіофилъ, помѣщикъ-владѣлецъ имѣнія „Цверскъ".

—

7 апрѣля, выѣздной сессіей Одесской суд. палаты слушалось **политическое дѣло** по обвиненію С. С. Раецкаго по 2 п. 132 ст. угол. улож. (храненіе нелегальной литературы съ цѣлью ея распространенія). Подсудимый оправданъ. (Од. Н.).

—

7-го апрѣля въ Виленской судебной палатѣ разсматривалось **политическое дѣло** по обвиненію мѣщ. Мильнера, 17-ти лѣтъ, въ принадлежности къ тайному сообществу. Дѣло это слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Послѣ часового совѣщанія судъ приговорилъ Мильнера къ заключенію въ крѣпость на 4 мѣсяца и 7 дней. (В. В.).

—

Учительница широкинской земской школы заявила уѣздной управѣ, что адресованный управой на ея имя чрезъ мѣстное волостное правленіе казенный **пакетъ** она получила **вскрытымъ**. По справкѣ, сдѣланной почтовымъ вѣдомствомъ, оказалось, что мѣстнымъ отдѣленіе мъпакетъ былъ переданъ въ цѣлости. Въ виду этого уѣздная управа обратилась къ широкинскому земскому начальнику съ предложеніемъ привлечь виновныхъ лицъ во вскрытіи пакета къ судебной отвѣтственности. (Прив. Кр.).

—

Въ „Бак. Изв." напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

15-го марта я былъ на почтѣ съ портфелемъ въ рукахъ. Въ то время, когда я получалъ письма, подошелъ ко мнѣ городовой (кажется, № 138) и потребовалъ портфель мой, въ которомъ хранятся разные документы. На вопросъ, почему и что это значитъ, городовой грубо съ угрозами отнялъ портфель и при содѣйствіи рядового Дагест. полка **обыскалъ меня** и портфель. Благодаря вмѣшательству начальника конторы, явившагося по моей просьбѣ, были собраны разброшенные документы и меня освободили изъ рукъ названнаго городового. О вышесказанномъ я немедленно сообщилъ бывш. полицеймейстеру, который обѣщалъ на слѣдующій же день уволить городового.

Упомянутый городовой не только не подвергнутъ взысканію за произведенныя дѣйствія, но продолжаетъ и понынѣ производить ихъ на той же почтѣ.

—

Чиновникомъ особыхъ порученій при гродненскомъ губернаторѣ было произведено дознаніе о приставѣ Горевѣ и начальникѣ сыскного отдѣленія Рейманѣ гор. Бѣлостока, допустившихъ **насилія надъ арестованными:** первый билъ шашкою рабочаго, а второй—поощрялъ пожарнаго служителя бить нагайкою неизвѣстнаго юношу. Оба факта свидѣтельскими показаніями установлены. (Сѣв.-З. Край).

—

Присяжные засѣдатели закончившейся 9 апрѣля сессіи Кіевскаго окружнаго суда выработали и представили предсѣдательствующему записку съ выраженіемъ желанія возможно скораго введенія у насъ института **условнаго осужденія**. Записка эта довольно пространна, съ обширной мотивировкой, сущность которой, главнымъ образомъ, сводится къ тому, что если названный институтъ давно уже введенъ въ Западной Европѣ, гдѣ преступленія большею частью вызываются злой волей, то тѣмъ болѣе онъ необходимъ въ Россіи, гдѣ подавляющее количество преступленій совершаются подъ вліяніемъ особо тяжелыхъ экономическихъ условій, въ силу громаднаго процента неграмотныхъ и, какъ результатъ послѣдняго, полнѣйшаго невѣжества „массъ".

Тѣ же присяжные засѣдатели подали и другую записку, въ которой указываютъ, что отводимое для нихъ въ судахъ помѣщеніе не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены и удобства: въ нихъ зимой холодно, лѣтомъ душно и круглый годъ тѣсно. (К. О.).

ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Подписчику № 1342.

Подлежитъ ли обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ рѣшеніе коммерческаго суда по иску, предъявленному первоначально въ суммѣ, превышающей 3000 руб., а затѣмъ истцомъ уменьшенному до суммы менѣе 3000 руб.?

Согласно неоднократнымъ рѣшеніямъ Правительствующаго Сената (напр., опр. 23 ноября 1895 года № 1237 по дѣлу Сегаля), разрѣшеніе вопроса о правѣ апелляціоннаго обжалованія, согласно 1 п. 49 ст. уст. торг. суд., изд. 1903 г., зависитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальная сумма иска истцомъ до постановленія рѣшенія уменьшена не отъ первоначальной, а отъ уменьшенной суммы, такъ какъ только эта послѣдняя была предметомъ судебнаго опредѣленія.

Подписчику № 6464.

Вправѣ ли судъ присудить отвѣтчику, въ случаѣ отказа въ искѣ, судебныя и за веденіе дѣла издержки съ суммы, превышающей цѣну иска, показанную истцомъ въ исковомъ прошеніи, если отвѣтчикъ просилъ судъ признать показанную истцомъ цѣну иска чрезмѣрно низкой, а истецъ возражалъ противъ увеличенія цѣны иска?

Истецъ не вправѣ произвольно опредѣлять цѣну иска лишь въ случаяхъ, перечисленныхъ въ 273 ст. уст. гражд. суд. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и, въ частности, при искахъ о движимыхъ вещахъ отвѣтчикъ не вправѣ оспаривать показаніе истца о цѣнѣ иска (рѣш. гражд. касс. деп. 1896 г. № 120). Поэтому судъ не вправѣ въ такихъ случаяхъ присуждать судебныя издержки съ суммы, превышающей цѣну иска, если только истецъ своевременно возражалъ противъ увеличенія цѣны иска (рѣш. гражд. касс. деп. 1894 г. № 76).

Подписчику № 1479.

Куда слѣдуетъ обратиться съ ходатайствомъ объ измѣненіи фамиліи лицу, не принадлежащему къ сословію дворянъ и почетныхъ гражданъ?

Порядокъ разсмотрѣнія ходатайствъ о перемѣнѣ фамиліи указанъ въ законѣ только для дворянъ и почетныхъ гражданъ (прил. къ ст. 79 зак. сост. и 2 п. 21 ст. учр. Прав. Сен.). Лица же прочихъ сословій должны обращаться по этому поводу съ прошеніями непосредственно на Высочайшее Имя (ук. Прав. Сен. 6 сентября 1888 г. № 194; собр. узак. 1888 г. № 87, ст. 799).

Подписчику.

Можетъ ли быть пріобрѣтена по давностному владѣнію принадлежащая городу земля подъ лавками на базарной площади?

Лишь находящаяся въ общемъ пользованіи городская земля не можетъ, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената (рѣш. гражд. касс. деп. 1892 г. № 25, 1888 г. № 43, 1886 г. № 9), быть пріобрѣтаема по праву давности.

Подписчику.

Подлежатъ ли, на основаніи 12 п. XIII ст. манифеста 11-го августа 1904 г., сложенію начеты, образовавшіеся до 30 іюня 1904 г. отъ невозврата путевого довольствія, полученнаго чиновникомъ при назначеніи его на службу въ Царство Польское, согласно ст. 45 пол. особ. преим. служб.?

12 п. VIII ст. манифеста 11 августа 1904 г. говоритъ о должностныхъ лицахъ, назначенныхъ на службу въ отдаленныя мѣстности Имперіи, а таковыми, какъ видно изъ 1 ст. пол. особ. преим. служб., считаются лишь мѣстности, перечисленныя въ 1 п. этой статьи, губерніи же Царства Польскаго, упомянутыя въ 3 п. 1 ст., отдаленными мѣстностями по терминологіи закона не являются.

Подписчику.

Можетъ ли быть разсматриваемо, какъ обнаруживаемое впослѣдствіи новое обстоятельство, дающее право просить объ увеличеніи присужденнаго судомъ съ желѣзной дороги срочнаго пособія—6 п. 683 ст. X т. 1 ч.,—общее вздорожаніе условій жизни (вздорожаніе квартиръ, съѣстныхъ припасовъ и т. п.)?

Размѣръ присужденнаго судомъ срочнаго пособія можетъ быть на основаніи 6 п. 683 ст. измѣненъ лишь въ случаѣ измѣненія тѣхъ обстоятельствъ, исходя изъ которыхъ судъ этотъ размѣръ установилъ. Для установленія же размѣра срочнаго пособія стоимость условій жизни является безразличной: размѣръ вознагражденія на основаніи 4 п. 683 ст. зависитъ исключительно отъ понесеннаго ущерба, послѣдній же, очевидно, зависитъ не отъ той или иной стоимости условій жизни, а отъ того заработка, котораго потерпѣвшій лишился. Но если благодаря вздорожанію общихъ условій жизни поднялась и заработная плата, и, слѣдовательно, размѣръ заработка, который могъ бы имѣть потерпѣвшій, увеличился по сравненію съ тѣмъ, который имѣлся въ виду судомъ при установленіи размѣра вознагражденія, это даетъ основаніе къ примѣненію 6 п. 683 ст.

Подписчику № 3469.

Подлежатъ ли возврату или зачету за другіе платежи суммы, поступившія до 30 іюля 1904 г., на пополненіе денежныхъ взысканій, подлежащихъ сложенію за силой манифеста 11 августа 1904 г., или имѣющіяся на пополненіе этихъ взысканій въ распоряженіи разныхъ правительственныхъ учрежденій?

Въ виду отсутствія въ манифестѣ 1904 г. постановленія, аналогичнаго ст. XXV манифеста 1896 г. и ст. VIII манифеста 1894 г., такія суммы подлежатъ возврату и зачету, если только изъ этихъ суммъ взысканія не были пополнены къ 30 іюня 1894 г. и къ этому дню взысканія еще числились.

Тому же подписчику.

Подлежатъ ли возврату служащимъ такія уже обращенныя въ доходъ желѣзной дороги пополненія начетовъ суммы, объ удержаніи которыхъ было сдѣлано распоряженіе до дня полученія манифеста въ мѣстѣ нахожденія правленія желѣзной дороги, но практически удержанныя лишь позже?

Если суммы до полученія въ мѣстѣ нахожденія правленія манифеста имъ не были удержаны, оно въ виду 11 п. XIII ст. манифеста не вправѣ было ихъ удержать и то, что оно незаконно это сдѣлало и обратило ихъ въ доходъ желѣзной дороги, не освобождаетъ его отъ обязанности возвратить эти суммы.

Подписчику № 3219.

Имѣетъ ли право старшій нотаріусъ, въ силу 43 ст. положс. о нот. части и 184 учр. суд. устан., пользоваться ежегодно вакантнымъ временемъ наравнѣ съ членами окружнаго суда.

Не имѣетъ, такъ какъ оно установлено лишь для лицъ, входящихъ въ составъ судебныхъ присутствій (184 и 185 ст. уст. суд. учр.).

Подписчику № 4295.

Переходитъ ли имущество архимандрита, жившаго на покоѣ въ общежительномъ монастырѣ, послѣ смерти къ его наслѣдникамъ по закону или же къ монастырю?

Согласно 1187 ст. т. X ч. 1, имущество монашествующихъ властей, за исключеніемъ ризницъ, переходитъ послѣ ихъ смерти къ наслѣдникамъ по закону. Изъятіе изъ этого правила сдѣлано лишь для настоятелей общежительныхъ монастырей, и нѣтъ основанія примѣнять это изъятіе къ живущему на покоѣ въ общежительномъ монастырѣ архимандриту. Срв. р. г. к. д. 94 г. № 96.

Подписчику № 4118.

Обязанъ ли нотаріусъ при засвидѣтельствованіи подписи на прошеніи требовать оплаты этого прошенія гербовымъ сборомъ и погашать марки установленнымъ порядкомъ?

Согласно 86 ст. уст. герб. сб., надзоръ за оплатой гербовымъ сборомъ и погашеніе марокъ прошеній лежитъ на обязанности того правительственнаго установленія и должностного лица, которому прошеніе подается.

ВЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. Н. Мартынова, Невскій, 50 — 15.

Анисимовъ. Уставъ о гербовомъ сборѣ съ предметн. указат. и алфавитн. перечнемъ Изд. 12, 1905 г. Ц. 2 р. въ пер. 2 р. 50 к.

Онъ-же. Договоры, свидѣтельств. волостн. правленіями. Изд. 2, 1905 г. Ц. 1. 50 к., въ пер. 2 р.

Анненковъ. Система гражд. права Т. V 1905 г. Ц 3 р.

Архангельскій. Руковод. для начальн. станц., ихъ помощн. и лицъ, ихъ замѣняющ. Изд. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

Асосковъ. О подсудности судебн. дѣлъ. Изд. 2, 1905 г. Ц. 80 к.

Онъ-же. Второе продолж. Къ разр. вопр. по нотар. и матеріал. праву. Изд. 1905 г. Ц. 1 р.

Бертгольдтъ. Наслѣдство по закону. Сб. рѣш. гражд. кассац. департ. за 1897—1903 гг. Изд. 1905 г. Ц. 2 р.

Визборъ. Права литовцевъ по землевлад. въ Запад. краѣ. Изд. 1905 г. Ц. 75 к.

Вольтке. Право торговли и промышлен. въ Россіи. Изд. 1905 г. Ц. 30 к.

Высоч. манифестъ о милостяхъ, дарован. въ день Св. Крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Ц. 25 к.

Гаугеръ. Сборн. рѣш. общ. собр. за 30 лѣтъ (съ 1866—1896 гг.). Изд. 3, 1905 г. Ц. 5 р.

Онъ-же Законы гражданскіе (св. зак. т. X ч. I-я). Изд. 6, 1904 г. Ц. 3 р.

Гессенъ и Фридштейнъ. Сборн. законовъ о евреяхъ. Изд. 1904 г. Ц. 2 р.

Горчаковъ. Церковное право. Изд. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дополнит. конвенція къ договору о торговлѣ и мореплав. между Россіей и Германіей. Изд. 1905 г. Ц. 30 к.

Кечеджи-Шаповаловъ. Политич. строй Англіи, Германіи и др. Изд. 1905 г. Ц. 30 к.

Колобаевъ. Забастовки и заработная плата. Изд. 1905 г. Ц. 10 к.

Коротневъ. Малолѣтн. и несовершеннолѣтн. преступн. Изд. 1905 г. Ц. 50 к.

Мартыновъ. Справочная книга для опекуновъ и попечит. Изд. 3, 1904 г. Ц. 1 р.

Онъ-же. Положеніе о нотаріальной части. Изд. 5, 1904 г. Ц. 3 р.

Мейендорфъ. Прусская конституція. Изд. 1905 г. Ц. 75 к.

Недошивинъ. Изъ практики примѣнен. гербов. сбора. Изд. 1904 г. Ц. 60 к.

Никоновъ. Обвиняемый до суда. Изд. 1905 г. Ц. 50 к.

Новыя правила. Объ испрош. Высоч. наградъ. Изд. 3, 1905 г. Ц. 30 к.

Осецкій. Стачки. Денежн. отвѣтств. фабрик. и заводчик. предъ рабочими за забастовки. Изд. 1905 г. Ц. 40 к.

Петражицкій. О мотивахъ человѣческ. поступковъ. Изд. 1904 г. Ц. 75 к.

Поворинскій. Указат. литературы по гражд. праву. Изд. 2, 1904 г. Ц. 4 р. 50 к.

Познышевъ. Особен. часть русск. уголовн. права. Изд. 1905 г. Ц. 2 р.

Фонъ-Резонъ. Объ остановкѣ, осмотрѣ и задержаніи торгов. судовъ. Изд. 1905 г. Ц. 75 к.

Онъ-же. Кассац. практ. по дѣламъ объ акцизн. наруш. Изд. 1905 г. Ц 1 р. 50 к.

Рощининъ. Изъ записной книжки доктора. Разсказы и стихотв. 2 тома. Изд. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ товарищ. „Знаніе“ 5 книгъ по 1 р.

Сборникъ „Въ защиту слова“. Изд. 1905 г. Ц. 2 р.

Сводъ дѣйств. постановл. объ отчужд. земель. Изд. Госуд. канц. 1905 г. Ц. 1 р.

Таврогинскій. Сборн. законопол. о поземельн. устр. сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ. Изд. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Таганцевъ. Улож. о наказ. уголовн. и исправит. Изд. 12, 1904 г. Ц. 4. р. 50 к.

Таганцевъ. Уставъ о наказан., налагаем. миров. судьями. Изд. 15, 1904 г. Ц. 2 р.

Онъ-же. Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. Ц. 5 р. 50 к.

Тютрюмовъ. Общедоступн. сборн. основ. крест. законовъ. Изд. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уголовное уложеніе съ указат. алфавитн. предметн. и сравнит. Мал. форм., въ перепл. Ц. 1 р.

О измѣненіяхъ въ порядкѣ произв. по дѣламъ о преступл. государств. Изд. 1904 г. Ц. 25 к.

Урочное положеніе для строит. работъ. Изд. 4 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чагикъ. Правила о произв. судебн. дѣлъ. Изд. 5, 1905 г. Ц. 2 р.

Чубинскій. Очерки уголовной политики. Изд. 1905 г. Ц. 3 р.

Цеткина. Женщина и ея экономич. положеніе. Ц. 10 к.

Шмеле. Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Экономическое ученіе К. Маркса въ изложеніи К. Каутскаго. Изд. 1905 г. Ц. 75 к.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ:

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Адлеръ, Зоммеръ (отч. не указано), куп.	С. о. 18 апр. № 30. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 383.	Варш. ком. с.
Дмитріевъ, Антонъ Давидовъ, каз. Константиновской ст.	С. о. 18 апр. № 30. Опека надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 107.	1 Донск. окр. оп.
Елецкій, Федотъ Еремѣевъ, каз. Ермаковской ст.	С. о. 18 апр. № 30. Опека надъ имуществомъ по расточительности. Р. VII, ст. 108.	1 Донск. окр. оп.
Исаева, Аграфена Андреева, Тульск. мѣщ.	С. о. 18 апр. № 30. Опека надъ личностью и имуществомъ по разстройству умст. способностей. Р. VII, ст. 109.	Тульск. сир. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ распубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Раскосовъ, Николай Андреевъ, мѣщ.	С. о. 18 апр. № 30. Прекращено дѣло о несост. (первонач. публик.—с. о. 1904 г. № 31, Р. VI, ст. 316) признаніемъ ея неосторожной. Р. VIII ст. 92.	Таганрогск. о. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ распубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Журавлевымъ, Николаемъ Григорьевымъ, кр.	Гогапсену, Александру Александровичу прис. повѣр.	С. о. 18 апр. № 30. У Смоленскаго нотар. Штраниха 12 февр. 1903 г. № 295. Р. IV, ст. 88.	Смоленск. о. с.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе мартовской книжки
ВѢСТНИКА ПРАВА 1905 г.

Журнала Юридическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ Университетѣ, издаваемый подъ редакціею **М. М. Винавера**, прив.-доц. **В. М. Гессена, В. Д. Набокова** и проф. **І. А. Покровскаго.**

1. Народное представительство къ конституціонныхъ государствахъ. Статья 1-я: Избирательное право. С. Я. Цейтлина. — 2. Земское представительство **П. П. Гронскаго.** — 3. Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтескье о равновѣсіи властей и въ освѣщеніи одного изъ ея новѣйшихъ истолкователей. Проф. **А. С. Алексѣева.** 4. Мнимые архаизмы уголовнаго права Русской Правды. Проф. **Н. Н. Максимейко.** — 5. Обзоръ обязательственнаго права по уложеніямъ саксонскому и германскому **К. Н. Анненкова.** — 6. Преступленія, преслѣдуемыя только по жалобѣ потерпѣвшаго и реформа уголовнаго законодательства въ Россіи. Прив.-доц. **Л. Я. Таубера.**—7. О защитѣ гражданскихъ правъ коренныхъ жителей Царства Польскаго въ судахъ Имперіи. **Н. М. Рейнке.**—8. Литературное обозрѣніе. Тяжесть представленія доказательствъ. Leonnard, Die Beweislast 1904, стр. I—XIV—I—452. Прив.-доц. **Б. В. Попова.**—9. Административная хроника.—Народное представительство и его мѣсто въ системѣ другихъ государственныхъ установленій. **Н. Л.**

Подписная цѣна **9** руб. въ годъ. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. **50** коп. и въ іюнѣ **4** р. **50** коп.

Подписка принимается въ конторѣ „Вѣстника Права“, Спб., Загородный, 2 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
Адресъ редакціи: Спб., Захарьевская, 25.

Редакторы-издатели: Приватъ-доценты *В. М. Гессенъ.*

Типографія Товар. „Обществ. Польза“, Б. Подъяческая. 39. *Н. П. Лазаревскій.*